

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ.

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО,

условія его возникновенія и причины упадка.¹⁾

Какъ известно, собираніе частей русской земли, разрознившихся послѣ смерти Ярослава I, въ большія группы стало обозначаться на сѣверо-востокѣ Руси лишь въ XIV столѣтіи; на югѣ же и западѣ оно было предпринято еще въ XIII столѣтіи, съ одной стороны—князьями Волыни и Галича, а съ другой—князьями зарождавшагося великаго княжества литовскаго. Послѣднее вмѣстѣ съ Польшею успѣло захватить и западную Русь, овладѣло болѣею частію ея и съ того времени было единственнымъ носителемъ идеи объединенія западной половины русской земли. Мало по малу, завоеванія литовскихъ князей разрослись въ обширное государство, которое было въ сущности русскимъ, хотя и называлось Великимъ Княжествомъ Литовскимъ; впрочемъ, великий князь его именовался не только Литовскимъ, но и Русскимъ. На западныхъ окраинахъ, какъ и на восточныхъ, русскому племени предстояла славная, хотя и трудная задача распространенія цивилизаціи среди племенъ, стоявшихъ на низшей культурной ступени, и уже на первыхъ порахъ совмѣстной жизни съ Литвою оно оказалось блестящіе въ этомъ отношеніи успѣхи совершенно мирнымъ путемъ. Если затѣмъ полякамъ удалось претворить литовское дворянство въ польскую шляхту, подворить въ Литвѣ польскій строй и, наконецъ, въ значительной мѣрѣ слить ее съ Польшей, то все-таки не должно

¹⁾ Настоящія замѣтки написаны были три года назадъ; печатаемъ ихъ теперь съ небольшими дополненіями.

забывать, что поляки шли по торной дорогѣ и имѣли дѣло съ народностью, испытавшою въ широкихъ размѣрахъ вліяніе русской культуры и вступившою уже на поприще исторической жизни, да и утвержденіе въ Литвѣ польского вліянія было результатомъ двухвѣковаго насилия и ухищреній, противъ которыхъ однако устояли русскія массы.

Понятно, сколько представляетъ интереса для занимающихся судьбами русскаго народа исторія великаго княжества литовскаго, какъ обыкновенно называютъ его, или—правильнѣе—литовско-русскаго государства, въ которой вообще весьма много любопытнаго. Племя, удержанвшееся на мѣстѣ своей осѣдлости въ эпоху бурнаго движенія народовъ, благодаря неприступности мѣста жительства¹⁾, и съ того времени въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ весьма мало подвижнувшееся впередъ, въ XII стол вдругъ начало разставаться съ своею исконною замкнутостью, обнаружило способность быстраго и замѣчательнаго политическаго развитія и, восторжествовавъ надъ враждебными сосѣдями, окружавшими его почти со всѣхъ сторонъ, успѣло создать въ короткій сравнительно періодъ обширное государство, главную силу котораго составляла однако русская народность, весьма скоро подчинившая Литву своему культурному вліянію. Вслѣдъ затѣмъ Литва, давъ Польшѣ династію Ягеллоновъ, начала подпадать вліянію послѣдней и, мало по малу, сходить съ историческаго поприща.

Все это до послѣдняго времени представляло много невыясненнаго; возникновеніе и постепенный ростъ литовско-русскаго государства, которому довелось соединить въ одинъ политическій организмъ западно-русскія земли, доселъ были весьма мало освѣщены въ русской исторической наукѣ. При изученіи нашей древнѣйшей исторіи (до-та тарскаго періода) отдаютъ равное вниманіе всѣмъ частямъ русской земли; но не то мы замѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся позднѣйшаго времени,—періода образованія государственныхъ центровъ въ Литвѣ и Москвѣ. Тутъ симпатіи нашихъ изслѣдователей замѣтно клонятся къ изученію сѣверо-восточной половины, жизнь-же Руси, подавленной литовскому

¹⁾ См. Die Handelstrassen der Griechen und Römer durch dass Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres von J. N. von Sadowski, Jena 1877, S. 21—26. Еще въ XIV стѣтіи Литва была покрыта огромными лѣсами и пущами.

владычеству, привлекаетъ мало вниманія. Оттого, хотя давно уже говорится у насъ о важномъ значеніи русской народной стихіи въ литовскомъ государствѣ¹⁾), самое это значеніе представляютъ неполно и поверхностно. Страницы, посвященные Литвѣ въ извѣстномъ историческомъ трудѣ Соловьевъ, не соотвѣтствуютъ, по своей обработкѣ, другимъ отдѣламъ этого труда и совершенно устарѣли. Книга Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ“ (Спб. 1857) почти не заслуживаетъ вниманія, да и опытъ цѣльного обзора исторіи западной Россіи г. Кояловича („Лекціи по исторіи западной Россіи“, 1864), какъ ни живъ и интересенъ, заключаетъ въ себѣ немало ошибочнаго, говоритъ обо многомъ слегка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ преслѣдуется не столько научныя, сколько публицистическая цѣли, что обусловливалось, впрочемъ, главною задачею этихъ чтеній. Статья Н. И. Костомарова о Литвѣ, которая была помѣщена въ „Русскомъ Словѣ“, заключаетъ только общій, хотя весьма яркій, очеркъ природы Литвы и быта литовцевъ, а статьи другихъ наполнены массами ошибокъ и недостовѣрныхъ фактовъ, отвѣтственность за значительную долю которыхъ должна пасть на историка Литвы Нарбутта, внесшаго въ эту исторію немало собственныхъ фантазій. Серьезнѣе всѣхъ перечисленныхъ сочиненій IV-я книга „Разсказовъ изъ русской исторіи“ И. Д. Бѣляева, но и въ ней немало ошибокъ, факты установлены безъ должной критики, преобладаетъ догматическая схема и т. п. Въ русской литературѣ есть еще нѣсколько специальныхъ монографій по литовско-русской исторіи, но, за исключеніемъ разсматриваемаго нами ниже изслѣдованія В. Б. Антоновича и книги М. Ф. Владимира-Буданова: „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (Спб. 1868), онѣ внесли мало новаго въ науку.²⁾ Монографіи г. Леонтьевича въ настоящее время не могутъ считаться исчерпывающими всѣ данныя. А между тѣмъ исторія литовско-русского государства важна для русской науки не менѣе исторіи развивавшагося и существовав-

¹⁾ На важность изученія литовско-русской исторіи съ этой точки зре-
нія указалъ въ тридцатыхъ годахъ Устряловъ въ своей рѣчи о великомъ
княжествѣ Литовскомъ. (Спб. 1839).

²⁾ Упомянемъ еще о монографіяхъ: В. Г. Васильевскаго: „Вильна“
(Памятники русской старинѣ въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Вып. V,
Петербургъ 1872) и Смирнова „Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединение
Литвы съ Польшею“, ч. I, Одесса, 1868.

шаго почти одновременно великаго княжества московскаго. Въ настоящее время нѣть надобности, конечно, доказывать, что исторія великаго княжества литовскаго—въ сущности исторія западно-русскихъ земель, и безъ обстоятельной разработки ея было бы многое неясно въ судьбахъ восточной Руси и въ русской исторіи позднѣйшаго времени.

Нельзя сказать, чтобы равнодушно относилась къ изученію литовской исторіи польская наука, столь ревностно занявшаяся въ послѣднее время изслѣдованіемъ исторіи земель, входившихъ нѣкогда въ составъ польского государства, но очевидно, что опыты изслѣдованія древнѣйшей литовско-русской исторіи не могли быть успешны безъ вниманія къ произведеніямъ русской исторіографіи и безъ содѣйствія русской исторической науки, которой, по настоящему, должно было сдѣлать починъ въ этомъ отношеніи въ силу выдававшагося значенія русской народности въ литовской исторіи. Польскій элементъ сталъ вліятельнымъ въ литовско-русскомъ государствѣ, когда оно почти окончательно сложилось, и достигъ постепенно первенствующаго положенія, подавляя русскую стихію. Вслѣдствіе того проникнутая ложнымъ патріотизмомъ польская историческая литература нерѣдко умышленно оставляла безъ вниманія или уменьшала важность русского народного начала въ литовской исторіи и относилась къ литовской древности съ шляхетской точки зрѣнія; польские труды по литовской исторіи страдаются тенденціозно и недостаточнымъ знакомствомъ съ русскими источниками и пособіями, не говоря о склонности къ фантазированію и слабой критикѣ, въдворившейся въ литовской исторіи въ особенности съ легкой рукой Нарбутта, многотомный трудъ котораго (*Dzieje narodu Litewskiego*) и теперь еще не потерялъ авторитета въ глазахъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей¹⁾). Есть, впрочемъ, нѣсколько прекрасныхъ исключеній въ польской литературѣ. Разумѣемъ *Skarbiec diplomatów Daniłowica, „Obraz Litwy“ Ярошевича (3 тома, Вильно)*²⁾ и въ особенно-

¹⁾ И теперь еще являются по временамъ повторенія бредней Нарбутта, который остается для многихъ источникомъ. См., напр., брошюры Рачкевича: *Roztrzasania zasad historyi połnocnej Europy*, Wilno, 1860.—*Wyjatek z rękopisu historycznego: o Herulach Litewskich czyli Normandach, o Histo-rykach o Litwie piszących i o alfabetie litewskim, oraz o Sławianach*, Wilno, 1874.—*Jeszcze o Litwie starożytnej*, Wilno, 1875.

²⁾ Переработку и дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ отдельовъ этого

сти монографії Стадницкаго по позднѣйшей литовской исторії¹⁾, отличающіяся безпристастіемъ и обстоятельнымъ знакомствомъ съ русскими источниками. Къ сожалѣнію, Стадницкій избралъ форму біографическихъ очерковъ для своего изложенія. Въ такихъ очеркахъ онъ представилъ исторію Гедыминовичей и ихъ потомства, исключая Ягайла, такъ какъ жизнеописаніе послѣдняго была предпринято тѣмъ временемъ извѣстнымъ польскимъ историкомъ Шайнохой²⁾. Форма изложенія неблагопріятно повліяла на достоинство работъ Стадницкаго, установившаго и освѣтившаго путемъ критики немало отдѣльныхъ фактовъ, но не предложившаго читателямъ своимъ цѣльной исторіи земель, признававшихъ власть Гедыминовичей.

Словомъ, причины и факторы, обусловившіе возникновеніе, постепенный ростъ и судьбы литовско-русскоаго государства, не были выяснены какъ слѣдуетъ ни въ русской, ни въ польской литературѣ. А между тѣмъ нельзя пожаловаться на совершенный недостатокъ матеріаловъ: ихъ можно найти не только въ русскихъ и польскихъ изданіяхъ, но и въ нѣмецкихъ³⁾. Только при тщательномъ изученіи всѣхъ этихъ источниковъ и возможно восстановить процессъ постепенного развитія литовско-русскоаго государства.

сочиненія см. въ ст. Ярошевича: „Zarysy z czasów pogańskich Litwy“, помещенной въ „Pismo zbiorowe Wileńskie na rok 1859“, Wilno, 1859, стр. 83—117 и 83—115.

¹⁾ Synowie Giedymina: T. I, Lwów 1849; t. II, Lwów 1853 (2-е изд.)—Bracia Władysława—Jagiełły. Jako dalszy ciąg „Synów Giedymina“. We Lwowie, 1867.—Olgierd i Kiejstut. We Lwowie, 1870.—Dodatki i poprawki dalsze do dzieła Bracia Władysława Jagiełły. Lwów, 1873.—Въ исправленномъ видѣ 1-й томъ соч. „Synowie Giedymina“ перепечатанъ въ послѣднее время въ „Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności“ (Краковской) тт. V и VII (Краковъ 1873 и 1877); вышли и отдѣльные оттиски. Въ 1881 г. явилось новое изданіе во Львовѣ.

²⁾ 1-й и 2-й томы исторіи Ягайла, написанной Шайнохой, явились недавно въ русскомъ переводѣ. Въ польской исторической литературѣ послѣдняго времени укажемъ на монографіи Прохаски, издателя актовъ времени Витовта, и Смолки о Витовтѣ.

³⁾ Въ нѣмецкой литературѣ есть тѣжже нѣсколько довольно цѣнныхъ монографій по литовской исторіи, главнымъ образомъ—по исторіи пруссовъ. Перечень см. у Leon von Poblocki, Kritische Beiträge zur ältesten Geschichte Litauens. Erster Theil, Königsberg 1879.

Книга профессора В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго“ (Кievъ, 1878) представляетъ превосходную попытку выясненія этого процесса и восполняетъ указанный нами весьма существенный и давно чувствуемый проблѣвъ въ исторической наукѣ.

За достоинства труда можетъ ручаться уже одно имя автора, извѣстнаго знатока исторіи южной и западной Руси, издавшаго цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдований по архивнымъ матерьяламъ; г. Антоновичу мы обязаны также изданиемъ многихъ источниковъ для этой исторіи и историческихъ южно-русскихъ пѣсенъ; наконецъ, изъ-подъ пера его вышло нѣсколько археологическихъ изслѣдований.

Подобно другимъ работамъ автора, и „Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія“ отличается оригинальностію и полнотою самостоятельностію. Выводы автора опираются на строгое изслѣдованіе источниковъ и являются результатомъ тщательной критической проверки ихъ, и мы имѣемъ теперь начало исторіи литовско-русского государства, чуждой прикрасъ и искаженій. Авторъ до такой степени самостоятеленъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и настолько далекъ отъ принятія фактovъ, установленныхъ чужими разысканіями, что, по мѣстамъ, повидимому, игнорируетъ нѣкоторыя ученыя работы, касающіяся предмета его изслѣдованія. Стоя на чисто научной почвѣ, г. Антоновичъ оставляетъ въ сторонѣ публицистическихъ разглагольствованія и полемику съ мнѣніями другихъ ученыхъ и ограничивается строгимъ фактическимъ изложеніемъ, отъ чего трудъ его, конечно, лишь выигралъ въ достоинствахъ.

Хотя автору приходилось въ большинствѣ случаевъ самому критически очищать и устанавливать факты, тѣмъ не менѣе масса послѣднихъ не подавила его, и г. Антоновичъ нарисовалъ яркую и рельефную картину постепенного образования литовско-русского государства, чрезвычайно удачно сгруппировавъ факты, такъ что послѣдовательное развитіе великаго княжества литовскаго ясно представляется читателю. Вообще рассматриваемая монографія предлагается стройное изложеніе предмета. В. Б. Антоновичъ уловилъ существенное и главное въ громадномъ количествѣ подлежащихъ разсмотрѣнію событий и, въ скромномъ изложеніи успѣль сказатъ весьма многое. Представленный имъ очеркъ, отличается въ тоже время надлежащей полнотою и основательностью.

Въ силу всего сказанного книга г. Антоновича составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій нашей исторической литературы послѣдняго времени.

Такое значеніе труда г. Антоновича и даетъ намъ право обратить на него особенное вниманіе читателей. ¹⁾ Мы попытаемся вмѣстѣ съ тѣмъ поставить нѣсколько вопросовъ по поводу собранныхъ имъ матеріаловъ, что доставить намъ возможность слѣдать общій очеркъ послѣдовательного развитія литовско-русского государства. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ учености и таланту почтеннаго автора, мы, тѣмъ не менѣе, позволили себѣ не согласиться съ нѣкоторыми взглядами его, но, предваряя, мы далеки въ этихъ случаяхъ отъ признанія въ трудахъ автора крупныхъ недосмотровъ: разногласіе возможно преимущественно вслѣдствіе скудности извѣстій о нѣкоторыхъ эпохахъ и событияхъ, при чемъ иной разъ не исключается возможность гипотезъ и толкованій, отличныхъ отъ предложенныхъ авторомъ, изслѣдованіе котораго, во всякомъ случаѣ, должно служить исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ работъ по литовско-русской исторіи. Предлагаемыя читателю соображенія составляютъ рядъ такого рода отправляющихся отъ труда В. Б. Антоновича гипотезъ и сомнѣній. При обзорѣ содержавія монографіи В. Б. Антоновича, мы остановимся преимущественно на тѣхъ ея положеніяхъ, относительно которыхъ имѣемъ иное мнѣніе. Такихъ мѣсть немногого по сравненію съ массою содержанія, обнимаемаго изслѣдованіемъ В. Б. Антоновича, но, въ виду важности вопросовъ и авторитета книги, мы сочли пе лишнимъ разсмотрѣть поподробнѣе эти страницы, оставляя безъ подробнаго разбора ту часть книги, которая подаетъ менѣе поводовъ къ разногласію.

I.

Представивъ краткій очеркъ терраторіи, занятой литовскимъ племенемъ, и перечисливъ народы, на которые оно распадалось въ X—XI вв., авторъ переходитъ къ описанію быта ихъ до половины XIII стол., когда впервые, по его мнѣнію, замѣчаются признаки политической связи между отдѣльными небольшими волостями.

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ въ русской литературѣ о книгѣ г. Антоновича явился одинъ отзывъ Н. И. Костомарова (Историч. Вѣсти. 1880, май), но почтенный ученый ограничился одною передачею содержанія ея.

По словамъ автора (стр. 6), „вслѣдствіе географического положенія своей страны, Прусы весьма рано должны были вступить въ борьбу съ инонплеменными соседями для защиты своей самобытности, и потому они раньше и полнѣе другихъ народовъ Литовскаго племени развили своеобразные признаки первобытной народной культуры“. Тѣмъ не менѣе, и ихъ культура мало ушла впередъ по мнѣнію автора, и, характеризуя вслѣдъ затѣмъ бытъ литовскихъ народовъ, В. Б. Антоновичъ подводитъ всѣхъ ихъ подъ одну группу и полагаетъ, что они оставались долго безъ всякихъ началъ государственности; до половины XIII столѣтія у литовцевъ не было даже „первыхъ началъ государственности, выразившейся у Славянъ возникновеніемъ городовъ, т. е. центральныхъ пунктовъ земскаго единства въ территоріи каждого племени, гдѣ обсуждались общественные дѣла и откуда истекали рѣшенія, которымъ подчинялись танувшія къ городамъ племена“ (стр. 7).

Едвали всѣ литовскіе народы въ періодъ отъ IX до XIII стол. стояли на одной культурной ступени; весьма вѣроятно, что между ними существовали различія въ общественномъ устройствѣ, какъ были различія этнографическія.¹⁾ Въ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, трудно доступныхъ и находившихся въ удаленіи отъ торговыхъ дорогъ, первобытность, старина и грубость могли держаться дольше, чѣмъ, напр., у Вислы и моря, гдѣ литовскія племена приходили въ болѣе или менѣе близкія соприкосновенія съ другими народами и подпадали вліянію ихъ образованности. Существуютъ указанія, что некоторые изъ древнихъ пруссовъ были знакомы съ польскимъ языкомъ, а равно открываютъ въ языке пруссовъ слѣды общенія съ балтійскими славянами. До XIII столѣтія пруссы уже испытывали значительное вліяніе со стороны поляковъ и поморянъ, которые подвигались въ ихъ земли. Что касается городовъ, то Терветенъ въ землѣ Жемгали упоминается въ началѣ XIII столѣтія. Не оспариваемъ сказанного авторомъ относительно ятвяговъ, которые были однимъ изъ самыхъ упорныхъ и неподатливыхъ литовскихъ народовъ²⁾ и почти до конца оста-

¹⁾ На такія различія указываетъ Дусбургъ, говоря о пруссахъ. Фойгтъ различаетъ степень культуры литовскихъ народовъ въ отношеніи къ поземельной собственности.

²⁾ Недаромъ галицко-волынская лѣтопись назвала Ятвяговъ „гордыми“. Лѣт. по Ипатскому списку, стр. 552. Еще не решено окончательно, были ли ятвяги ближе къ пруссамъ или къ литовцамъ.

лись върны старинѣ; но едвали можно съ полнымъ правомъ думать, что и въ собственной Литвѣ и въ Жмуди города начали возникать не раньше второй половины XIII-го стол. Правда, слѣды кочеваго быта довольно долго держались у литовцевъ, особенно въ Жмуди (житѣе особнякомъ и въ шалашахъ), но съ другой стороны упоминанія о городахъ встрѣчаются въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ XIII в., лишь только русская лѣтопись начала сообщать подробныя извѣстія о Литвѣ; съ полною вѣроятностью можно предположить, что города эти возникли раньше. Подъ 1252 г. галицко-волынскія лѣтописи назвала литовскій городъ Воруту¹⁾, а подъ 1253 г. упомянула неопределенно литовскіе „грады“²⁾, въ землѣ же Жмуди былъ въ то время, по ея словамъ,³⁾ городъ Твиреметь. Вильно было основано раньше половины XIII столѣтія.⁴⁾ Около 1256 г. были „грады“ даже у Ятваговъ.⁵⁾ На

¹⁾ Ип. сп., 543.

²⁾ Ип., 544.

³⁾ Ип., 543.

⁴⁾ *Jaroszewicz*, cz. I, str. 94; цитир. ст., стр. 103. Нарбутъ, говоря о княженіи Свенторога, умершаго будто-бы въ 1270 г., и о началѣ Вильна при немъ, замѣчаетъ: *Istotnie stare podania odnoszą zalożenie pierwotne świątyni, do lat, poprzedzających panowanie Swyntoroga. Dzieje narodu litewskiego*, t. IV, str. 249, nota I. Cf. str. 494, not. 3. Легенда объ основаніи Вильна относится къ разряду общихъ эпическихъ сказаний. Занесенное въ лѣтопись Быховца (стр. 16—17) преданіе о построеніи Вильна напоминаетъ разсказъ Воскресенской лѣтописи о поселеніи Румынъ въ Молдавіи: оба преданія сообщаютъ, что красивое мѣсто для поселенія было найдено во время охоты за туромъ. Ср., далѣе, преданіе объ основаніи Каменца-Подольскаго, переданное литовско-русскою лѣтописью, а также разсказъ галицко-волынской лѣтописи о началѣ Холма. Укажемъ еще на легенду IX в. о Hariolfѣ *Ebert*, Allgem. Gesch. der Literatur des Mittelalt., II Bd., Leipzig. 1880, S. 180—181. Открытие чего-либо во время охоты за оленемъ или за туромъ—довольно распространенный эпический мотивъ. Напечатанный Нарбуттомъ записки нѣмецкаго посольства 1397 г., если только можно относиться къ нимъ съ довѣріемъ, утверждаютъ, что, Гедыминъ лишь восстановилъ Вильно (*Narbutt*, Pomięsze pisma historyczne, Wilno, 1856, стр. 142), и что поселеніе на томъ мѣстѣ существовало до Гедымина (стр. 145, 147); Гедымину, повидимому, должно приписать укрѣпленіе этого мѣста (ib., 46).

⁵⁾ Ип., 553. Татищевъ упоминаетъ о городахъ у Ятваговъ уже подъ 1036 годомъ. Лѣтописное обозначеніе *грады Ятваговъ* Sjörgen переводилъ

основаніи этихъ данныхъ, количество которыхъ могло бы быть увеличено,¹⁾ можно, кажется, думать, что уже въ первой половинѣ XIII вѣка, если не ранѣе, у литовцевъ началась постройка городовъ, и это не покажется невѣроятнымъ, если вспомнимъ, что уже тогда литовцы были достаточно знакомы съ бытомъ болѣе просвѣщенныхъ соцѣй²⁾ и господствовавшій до того времени у литовцевъ строй началъ измѣняться. Уже до половины XIII стол. въ Литвѣ замѣчаются зародыши политического сплоченія отдѣльныхъ поселеній и округовъ.

Въ этомъ случаѣ мы также нѣсколько отступаемъ отъ мнѣнія почтеннаго автора, рѣшаясь выдвинуть на болѣе видное мѣсто факты, которые онъ признаетъ и отмѣчаетъ только мимоходомъ. В. Б. Антоновичъ говорить, что „до половины XIII столѣтія литовское племя не составляло государства; оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ“ (стр. 14). „Волости эти не

словомъ Burgen. Въ 82 примѣч. своего изслѣдованія „Ueber die Wohnsitze und die Verhaltnisse der Jatwagen“, S. 187, онъ говоритъ: „So glaube ich mit der grossten Wahrscheinlichkeit das Wort грады hier fassen zu mussen, da es notorisch ist, dass es solche Burgen in Ostpreussen schon vor dessen Eroberung durch den Orden gab.“—По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ этихъ бургахъ сидѣли знатные. Ibid. S. 217. Ketrzyński въ статьей своей: „Prusy a polska przed przybyciem krzyzaków“ („Przewodnik naukowy i literacki“, 1881, Marzec, str. 272) считаетъ прусские бурги пунктами временной торговли.

¹⁾ Нѣкоторые видѣть указанія на литовскіе города у Снорръ-Стурлесона, упоминающаго о городахъ Triki, Welnii... Drysen въ Помераніи (Elbing), какъ торговый пунктъ, существовало уже въ X стол.: о немъ говорить Вульфстанъ.

²⁾ Нападая въ началѣ XIII стол. на Эстляндію и Лифляндію, литовцы укрывались, въ случаѣ надобности, въ укрѣпленіи, принадлежавшемъ Зеламъ. Литовскія названія башни, кирпича, известіи, черепицы, торговой площади свидѣтельствуютъ о томъ, что возведенію каменныхъ построекъ литовцы научились не только у нѣмцевъ, но и у русскихъ. Было-бы весьма интересно подвергнуть изслѣдованію литовскія нарѣчія въ томъ направлѣніи, въ какомъ Альквистъ разсмотрѣлъ языки финновъ. Книга Брикнера: Litu-slavische Studien. I. Theil. Die slavischen Frewdworter im Litauischen. Weimar 1877, положила прекрасное начало. См. отзывъ о ней въ III мѣс. т. „Archiv f. slawische Philologie“.

только не были связаны между собою никакою общею государственною властью, но и, весьма часто, не сознавали общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ инонлеменникамъ; каждая волость и каждый вождь дѣйствовали на свою руку независимо, *иноста въ союзе другъ съ другомъ*¹⁾, иногда врозь и даже во вредъ другъ другу” (стр. 10). Конечно, сознаніе общности интересовъ не было и не могло быть постояннымъ, но все-таки слѣдуетъ предположить, по нашему мнѣнію, существованіе его въ нѣкоторой степени и въ то время, чѣмъ, впрочемъ, не отрицаѣтъ В. Б. Антоновичъ, какъ видно изъ отмѣченныхъ выше его словъ. Уже тѣсная религіозная связь отдѣльныхъ литовскихъ племенъ, проявлявшаяся во всеобщемъ и полномъ подчиненіи ихъ вельніямъ верховнаго жреца Криве-Кривейто, должна была приводить и къ нѣкоторому политическому единенію. Замѣчательно, что уже въ началѣ XIII столѣтія литовцы помогали туземцамъ Балтійского побережья въ борьбѣ ихъ съ утверждавшимися тамъ нѣмцами, между тѣмъ какъ послѣдніе еще не думали обращать оружіе противъ литовцевъ. Послѣдніе какъ-бы провидѣли въ нѣмцахъ будущихъ жестокихъ враговъ. Обращаясь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, укажемъ на то, что Литва и Жмудь являются въ извѣстной связи въ разсказѣ галицко-волынской лѣтописи подъ 1215 г.; при заключеніи мира съ Романовичами у Литвы и Жмуди былъ „*старпѣшай*“ князь Живинбудъ²⁾. Литовцы потомъ довольно долго соблюдали этотъ миръ и даже помогали, въ силу договора, матери Даніила Романовича противъ поляковъ, что опять указываетъ на ихъ единодушіе въ этомъ случаѣ. Ясно, что и въ первой половинѣ XIII вѣка не всегда имѣла мѣсто политическая разрозненность, а развивалось нѣчто въ родѣ федераціи, въ которую входили Литва и Жмудь; само собою разумѣется, что тогда еще не было въ Литвѣ мысли объ установленіи единодержавія, которое попытался ввести впервые Миндове. Интересно, что Миндове, по сказанію нашей лѣтописи, имѣль весьма видныхъ родственниковъ въ Литвѣ и Жмуди. Забота о родственныхъ связяхъ также указываетъ на союзы князей, въ силу чего становились возможны общія предпріятія. Быть можетъ, у литовскихъ племенъ существовали родовые феде-

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

²⁾ Ил. сп., стр. 492.

ратії князей, какъ это было на Руси¹⁾). Иногда даже Ятвяги собирались вмѣстѣ. Такъ, подъ 1215 г. читаемъ въ Ипатскомъ спискѣ: „и собрася вся земля Ятвяская“²⁾). Ятвягамъ помогали однажды пруссы и борты³⁾. Есть основанія думать, что и ранѣе литовскія волости собирались въ большія ополченія для самозащиты. Подъ 1106 г.. въ нашу лѣтопись занесено извѣстіе о томъ, что „побѣдиша Зимѣгола Всеславичъ всю братью и дружину убиша 9 тысячи“⁴⁾). Для такого торжества необходимо было вывести въ бой значительное количество людей. Точно также должно предположить соединеніе силь отдельныхъ литовскихъ округовъ при нападеніяхъ литовцевъ большими отрядами, на что, впрочемъ, есть и положительныя указанія, восходящія къ концу XII-го столѣтія. Въ 1225 г. сдѣлала набѣгъ литовская „рать велика зѣло, якаже не была отъ начала міру“⁵⁾). При обзорѣ быта литовскихъ племенъ предъ возникновеніемъ литовско-русского государства необходимо отличать первую половину XIII-го вѣка отъ предшествовавшаго времени, какъ эпоху подготовленія Литвы къ идеѣ государственного единенія. Не будь такой подготовки, не была-бы возможна и попытка Миндове.

Для своего вывода о существованіи въ Литвѣ и Жмуди одновременно многихъ мелкихъ князей, г. Антоновичъ имѣлъ положительное основаніе въ упомянутомъ нами мѣстѣ Ипатского списка подъ 1215 г.⁶⁾. Указаніе на тотъ-же фактъ г. Антоновичъ видѣтъ еще въ литовско-рус-

¹⁾ См. ст. Бервинскаго въ „Achtzehnter Jahres—Bericht über das königliche katholische Gymnasium zu Trzemeszno (Trzemeszno, 1857), стр. 6—7; ср. ниже.

²⁾ Ип., 538.

³⁾ Лѣтопись по Ип. сп., стр. 540.

⁴⁾ Лѣт. по списку Лаврентія, стр. 271. По свидѣтельству Дусбурга, пруссы также собирались въ большія толпы, которыхъ дѣйствовали совмѣстно и имѣли иногда общаго вождя. Преданіе о Видевутѣ и Прутенѣ, указанное г. Антоновичемъ на 6-й страницѣ,—не народнаго происхожденія. См. въ диссертациіи Bender'a: De veterum Prutenorum diis, Brunsbergae, MDCCCLXV, pag. 13—19.

⁵⁾ Послѣдній фактъ отмѣченъ и В. Б. Антоновичемъ на стр. 22.

⁶⁾ Нѣкоторые находятъ такое основаніе и въ свидѣтельствахъ довольно раннихъ иностранныхъ источниковъ.

ской лѣтописи, изданной по списку Быховца и затѣмъ по списку, принадлежащему Познанской библіотекѣ. Изъ литовскихъ будто-бы лѣтописей, передававшихъ древнѣйшую исторію Литвы, это единственная дошедшая до насъ въ цѣльномъ видѣ.

Г. Антоновичъ, относясь съ крайнею осторожностю къ извѣстіямъ источниковъ, вступилъ можно сказать, на надлежащую дорогу и по отношенію къ этой лѣтописи, значительно подорвавъ ея авторитетъ столь превознесенный Нарбуттомъ, и признавъ текстъ ея „темнымъ, исполненнымъ анахронизмовъ и искусственныхъ сближеній“ (стр. 12). Мы рѣшаемся пойти еще далѣе. Г. Антоновичъ все еще приписываетъ нѣкоторое значеніе легендамъ занесеннымъ въ литовскую лѣтопись, и подобно другимъ ученымъ, признаетъ за этими легендами нѣкоторое значеніе для исторіи Литвы до XIV стол., хотя видѣть въ нихъ уже не фактическія данныя, а единственно отголосокъ преданій, почерпнутыхъ изъ мѣстныхъ или фамильныхъ традицій и переплетенныхъ вставками собирателя¹⁾. Мы рѣшаемся утверждать, что преданія объ основаніи различныхъ городовъ, изложенные литовскою лѣтописью, по большей части (не говоримъ—всѣ)—позднѣйшіе книжные вымыслы, происхожденіе которыхъ весьма ясно: это—эпонимныя легенды. Нѣкоторое право на вниманіе имѣютъ преданія о мѣстностяхъ замѣчательныхъ битвъ литовцевъ съ татарами, каковы, напр., разсказы о Кайдановѣ, Могильной. Извѣстенъ цѣлый рядъ нападеній татарь на Литву, начиная съ 1258 г., и въ XIII стол., дѣйствительно, могли происходить битвы у Кайданова и Могильной, хотя наши лѣтописи не упоминаютъ объ этихъ сраженіяхъ²⁾, но только исходъ битвъ былъ отличенъ отъ того, о какомъ повѣствуетъ литовская лѣтопись: извѣстія XIII в. говорятъ о пораженіи литовцевъ, а не о торжествѣ ихъ³⁾. Очевидно, что рассказы о битвахъ съ татарами, вошедшіе въ такъ наз. литовскую лѣтопись, искажены, но только

¹⁾ Ср. у Карамзина: IV, пр. 175.

²⁾ Кайданъ упоминается въ числѣ татарскихъ вождей XIII стол. какъ въ нашихъ лѣтописяхъ (Ил., 522), такъ и въ иностранныхъ повѣствованіяхъ о нашествіи татарь на Венгрию.

³⁾ Monumenta Poloniae, II, 806: III, 73.

неизвѣстно, кому приписать это искаженіе¹⁾. Весьма сомнительно также значеніе „фамильныхъ преданій“, представляющихъ намъ позднѣйшими генеалогическими построеніями, которая были въ большомъ ходу въ XV и XVI вв., хотя не отрицаемъ, что отдѣльные имена могли быть заимствованы изъ народныхъ пазваній²⁾. Литовскіе вельможи или правильнѣе—услужливые историки фамилій могли составлять эти генеалогіи и безъ фамильныхъ преданій, и изъ этихъ родословныхъ еще нельзя заключать о княжескомъ происхожденіи родовъ, которымъ онъ усвоились³⁾. Во всякомъ случаѣ, сказанія о древнѣйшемъ періодѣ литовской исторіи, занесенные въ читовско-русскую лѣтопись, никакъ не могутъ быть отнесены ко времени, предшествовавшему возникновенію литовско-русского государства.

Изобразивъ общественный строй, господствовавшій у литовцевъ до начала попытокъ государственного объединенія, г. Антоновичъ выясняетъ затѣмъ условія, повліявши на политическую организацію литовскаго племени, которое, сколько ни ненавидѣло подчиненность⁴⁾, должно было въ концѣ концовъ примириться съ мыслю о ней, потому что не было иного средства спасенія. Г. Антоновичъ совершенно справедливо указываетъ на давленіе извнѣ, какъ на главное побужденіе къ образованію государства у литовцевъ, но только приписываетъ значеніе въ этомъ отношеніи лишь напору съ одной стороны, именно—со стороны нѣмцевъ, не придавая большой важности натиску съ другихъ сторонъ, который замѣчается задолго до поселенія нѣмцевъ на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря. На ряду съ мирными попытками Войтѣха и Брунона, а также нѣсколькихъ миссіонеровъ въ началѣ XIII стол., предпринимались польскими князьями въ XI и XII стол. походы на

¹⁾ Ср. „Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, Кіевъ 1873, стр. 85—86.

²⁾ Такъ, до сихъ поръ указываютъ Палемонову гору. См. цит. ст. Ярошевича въ „Pismo zbiorowe Wileńskie“, стр. 90.

³⁾ Касательно происхожденія Гаштольдовъ см. данные въ Script. reg. Pruss. II, S. 540 и прим. 654.

⁴⁾ Галль причисляетъ пруссовъ къ тремъ barbarorum gentilium ferociissimae nationes. О нихъ читаемъ; „... inaccessi paludibus, nullum inter se pati dominum volunt.

пруссовъ и Литву съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство ¹⁾). По взглѣду г. Антоновича, образованіе болѣе или менѣе прочнаго государствен-наго строя въ собственной Литвѣ и Жмури было вызвано необходимости самозащиты противъ энергического и непрестаннаго стремле-нія нѣмцевъ, поселившихся на границахъ литовскихъ земель, къ обращенію въ христіанство и въ сущности къ политическому подчи-ненію литовскихъ народовъ. Инымъ характеромъ отличались, по мнѣнію г. Антоновича враждебныя отношенія русскихъ и поляковъ въ Литвѣ, ограничивавшіяся „временнымъ разореніемъ пограничныхъ волостей и требованіемъ дани“; со стороны русскихъ и поляковъ не было „пося-гательства на самобытность литовскаго племени“ (стр. 15). Но и со-сѣдство русскихъ съ литовцами—поляковъ оставилъ въ сторонѣ—также не могло оставаться безъ вліянія на зарожденіе государственной идеи у литовцевъ. Литва не могла долѣе оставаться среди далеко дви-нувшихся впередъ по пути культуры и политического развитія сосѣдей, не испытывая ихъ вліянія; рано или поздно язычеству долженъ быть быть положенъ конецъ, тѣмъ болѣе, что къ тому вызывали набѣги ли-товцевъ. Отсутствіе подробныхъ извѣстій не позволяетъ точно опредѣ-лить характеръ отношеній Руси къ Литвѣ до половины XIII-го стол., но, повидимому, и тогда уже литовцамъ приходилось испытывать силь-ное давленіе, на что намекаетъ отчасти самъ авторъ, говоря, что „въ продолженіи долгаго времени литовцамъ принадлежитъ роль исключи-тельно пассивная“ (стр. 51). Не обходилось безъ вражды и столкновеній, и русскіе князья постоянно пытались уладить взаимные отношенія, предпринимая походы и налагая дань. Нѣкоторые изъ этихъ походовъ были весьма серьезны; такъ, лѣтопись говоритъ о Владимірѣ, что онъ взялъ землю ятвяговъ ²⁾). Литовцы принуждены были платить болѣе или менѣе постоянную дань русскимъ ³⁾). Было, конечно, и сопротивленіе,

¹⁾ О Болеславѣ Храбромъ сколіасть Адама Бременскаго говоритьъ, что тотъ „omnes vi Sclavoniam subiecit, et Ruziam (Rugiam) et Pruzzos, a quibus passus est sanctus Adalbertus“. Ср. у Кадлубка. Въ числѣ возставшихъ подъ начальствомъ Моислава были пруссы. Нѣкоторые памятники въ числѣ даниковъ Болеслава Храбраго называютъ литовцевъ.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 80.

³⁾ Г. Антоновичъ считаетъ эту дань временною. Не говоря о польскихъ извѣстіяхъ, и въ нашей начальной лѣтописи нѣкоторыя изъ литовскихъ пле-

чѣмъ объясняются довольно частые походы русскихъ князей¹⁾, но до второй половины XII-го в. киевскіе князья были достаточно сильны для подавленія восстаній. На ряду съ обложеніемъ данью происходило, безъ сомнѣнія, и постепенное оттесненіе литовскаго племени съ земель, искони занятыхъ имъ, а также захватъ въ плѣнъ побѣжденаго населенія, чѣмъ постоянно сопровождались тогдашнія войны²⁾.

Литовцы, сколько можно судить по описанію набѣговъ ихъ, отличались храбростью, составлявшую коренную черту ихъ народнаго характера. Куроны издавна занимались разбойничествомъ и названы въ источникахъ „populus feror“³⁾, т. е. свирѣпымъ народомъ. Писатель XII в., каноникъ Плоцкій Ярославъ, если вѣрить извѣстію о немъ, озаглавилъ свою хронику: „Liber originis et furiarum gentis indomitae Brutonorum in sanguinem christianum“⁴⁾. Подвергаясь нападенію во время набѣговъ, литовцы не сдавались и иной разъ гибли всѣ до единаго. Историческія обстоятельства, только что описанныя, содѣствовали развитію этого народнаго свойства и привели къ выработкѣ дружинного строя, который далъ опору въ борьбѣ съ крестоносцами и въ концѣ концовъ долженъ

менъ причислены къ языкамъ, „иже дань даютъ Руси“ (Лѣт. по сп. Лавр., 10), а въ Переяславскомъ спискѣ прибавлены слѣдующія слова о Литвѣ: „испрѣва исконніи данници и конокрѣмци“. Въ виду этихъ извѣстій невозможно согласиться съ сомнѣніемъ, высказаннымъ Лелевелемъ.

¹⁾ Къ перечисленнымъ авторомъ на стр. 7-й должно прибавить еще нѣсколько, именно походы: Бориса Погоцкаго на Ятвяговъ 1102 г.,—погоцкихъ князей на Зимѣголу 1106 г., два похода Ярослава Святополковича на Ятвяговъ 1112 и 1113 г. Было, безъ сомнѣнія, больше походовъ, но они не записаны, потому что не имѣли особенно важнаго значенія, а отчасти остались намъ неизвѣстны потому, что до насъ не дошли лѣтописи княжествъ, граничившихъ съ Литвою.

²⁾ Интересно въ этомъ отношеніи упоминаніе о Голяди въ глубинѣ Руси. Мѣстность древнѣйшаго жительства Голяди долго носила имя этого народа. См., напр., документъ 1255 г. у Dogiel'я въ Cod. dipl. IV, 25: „super terris Polexia et Galenz“. Ср. папскую буллу 1257 г.; въ которой упоминаются „terrae paganorum que Golens et Polexia vulgariter appellantur“. (Theiner, I, № CXLI p. 72). Поллексанами называется ятвяговъ и Кадлубекъ. Въ галицко-волынской лѣтописи также упоминается Полѣсье. Около Владимира Вол. и теперь есть Голядинъ.

быть, при удобномъ случаѣ, положить начало государству, какъ на Западѣ дружиинный строй германцевъ. Данныя второй половины XII стол. свидѣтельствуютъ, что уже въ то время у литовцевъ господствовалъ подобный строй¹⁾, и у литовцевъ возникло-бы мало по малу военное государство, еслибы даже и не поселились въ сосѣдствѣ нѣмцы. Знатные издавна выдѣлялись изъ народной массы²⁾, и княжеское достоинство было, повидимому, наследственнымъ³⁾. Интересно, что для обозначенія князя литовцы заимствовали название извѣтъ.

Дружиинный строй поддерживался постояннымъ участіемъ литовцевъ въ междоусобіяхъ русскихъ князей. Авторъ указываетъ на такое участіе въ междоусобіяхъ полоцкой земли. Были вмѣшательства литовцевъ во внутреннія дѣла и другихъ русскихъ земель. Мало по малу пограничные русскіе князья привыкли постоянно обращаться къ Литвѣ за помощью какъ обращались за нею къ Половцамъ. Литва участвовала въ походѣ 1169 г. на Киевъ⁴⁾. Русскимъ надвійскимъ князьямъ она помогала въ борьбѣ ихъ съ нѣмцами, а князьямъ юго-западной Руси въ борьбѣ ихъ съ венграми и поляками⁵⁾. По временамъ литовцы вмѣшивались и въ польскія распри⁶⁾.

Путемъ постоянныхъ соприосновеній и вмѣшательства Литвы во внутреннія дѣла Руси пролагалась дорога сближенію и взаимному вліянію. То и другое началось давно и ранѣе всего—въ землѣ Полоцкой. Была высказана нѣкоторыми учеными мысль, что славяне, ближайшіе къ литовцамъ, подпали въ религіозномъ отношеніи нѣкоторому вліянію послѣднихъ. Интересно, что повѣрье Полочанъ, занесенное

¹⁾ По словамъ г. Барсова („Очерки р. ист. геогр., 33), „имя одного изъ русскихъ пословъ, заключившихъ миръ съ Гречіей въ 945 г., „Ятвягъ“ даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что выходцы изъ этого племени уже тогда служили въ княжескихъ дружинахъ“.

²⁾ Ср. ст. Бервинского въ *Jahres—Bericht etc.*, стр. 9—10.

³⁾ Князь второй половины XIII стол. Эрдень быть, по словамъ нашихъ лѣтописей, сынъ Давиловъ, а Довыядъ упомянутъ галицко-волынскою лѣтописью въ числѣ литовскихъ князей первой половины XIII стол. (Ил., 492).

⁴⁾ Ник. II, 204.

⁵⁾ Ил. сп. подъ 1215 г.; Stryjk; I, 220.

⁶⁾ Monum. Pol. II, 564; III, 49.

въ нашу начальную лѣтопись подъ 1092 г.¹⁾, напоминаетъ вѣрованія литовскаго племени²⁾. Дневникъ нѣмецкаго посольства, бывшаго въ Вильнѣ въ концѣ XIV стол., сообщаетъ, что литовцы издавна праздновали Купалу вмѣстѣ съ русскими³⁾. Мирное вліяніе Руси могло имѣть мѣсто въ особенности со второй половины XII-го стол., когда отношенія обѣихъ народностей начали становиться нѣсколько болѣе благопріятными для литовцевъ: цѣлые дружины послѣднихъ пребывали нерѣдко довольно долго въ русской землѣ; затѣмъ не лицены были значенія родственныя и торговые связи и масса плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Во второй половинѣ XII-го стол. литовцы начинаютъ причинять не мало беспокойства сосѣдямъ. Къ этому времени относятся вполнѣ опредѣленныя извѣстія о набѣгахъ литовцевъ на окрестныя страны, чѣтакже указываетъ на развитіе дружиннаго строя. Прусы издавна нападали на Польшу, а предъ 1215 г. они захватили было даже часть земли Либавской, которую потомъ, по обращенію въ христіанство, уступили епископу. Ятвягамъ покровительствовалъ во второй половинѣ XII в., при ихъ вторженіяхъ въ Польшу, русскій Дрогичинскій князь⁴⁾. По всей вѣроятности, литовскія племена переходили по временамъ въ наступленіе и по отношенію къ Руси уже до половины XII стол. Намъ кажется, г. Барсовъ совершенно справедливо объясняетъ⁵⁾ походы на ятвяговъ въ 983 и слѣд. гг. присоединеніемъ къ русскому государству области Буга и Днѣстра. Если литовскія племена не дѣлали слишкомъ частыхъ набѣговъ до половины XII-го стол-

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., стр. 207—208.

²⁾ У пруссовъ были *Tulissones* и *Ligaschones*, которые, восхваляя мертвыхъ, утверждали, между прочимъ, *se videre presentem defunctum per medium celi volantem in equo armis fulgentibus decoratum, nisum in manu ferentem et cum comitatu magno in aliud seculum procedentem*⁶⁾. Впрочемъ, подобное-же читаемъ и въ Елинскомъ лѣтописцѣ 1-й редакціи. *А. Поповъ*, Обз. Хрон. I, 42.

³⁾ *Narbuit. Pomniesze pisma historyczne*, стр. 143.

⁴⁾ По Бугуфалу (Monum. Pol. II, 556) первое нападеніе литовцевъ на Польшу относится къ двадцатымъ годамъ XIII-го столѣтія, но это невѣрно.

⁵⁾ „Очерки“ и пр., 33—34.

лѣтія, то это объясняется вѣскимъ значеніемъ въ то время центральной киевской власти, обладавшей значительными силами вслѣдствіе того, что она стояла во главѣ союза князей. Со временемъ усвоенія великокняжескаго достоинства Владимірскимъ князьямъ пала власть великаго князя и ослабѣло его значеніе какъ общерусскаго главы. Издавна ведшаяся борьба съ Литвою началась въ общемъ пріобрѣтать теперь неблагопріятный оборотъ для Руси. Распаденіе Руси на земли болѣе сильныя по своему строю и менѣе сильныя и разобщеніе между этими землями только обеспечивало возможность успѣха литовцамъ, позволяя направлять удары на слабѣйшія княжества¹⁾). Этимъ же обусловливались въ значительной мѣрѣ позднѣйшіе завоеванія литовцевъ на Руси, какъ на это указываетъ В. В. Антоновичъ (стр. 18—19).

Набѣги литовцевъ на окрестныя страны продолжались все XIII-е столѣтіе и въ XIV-мъ прекратились только съ принятиемъ христіанства Литвою. До конца они отличались быстротою, ловкостью, неожиданностью. Эти постоянные набѣги указываютъ на чрезвычайное развитіе воинственности. Литва, и безъ того не чуждая воинскаго духа, вступила теперь въ тотъ періодъ воинственного одушевленія, который переживаются многіе народы въ началѣ своего исторического существованія. Какъ вездѣ въ такой періодѣ, и у литовцевъ воинскіе подвиги пользовались высокою славой. По извѣстію, относящемуся къ половинѣ XIII-го столѣтія, у пруссовъ были *Tulissones vol Ligoschones*, родъ жрецовъ, восхвалявшихъ мертвыхъ, употребляя выраженіе докumenta, „за ихъ воровство, и грабежи, хищеніи и другіе пороки и пропуки, совершенныя при жизни“.

Развитіе дружиннаго строя, имѣвшее мѣсто въ Литвѣ еще до столкновенія ея съ пѣмцами, вызывалось, какъ и въ предшествующій періодѣ (до половины XII-го стол.), между прочимъ, борьбою съ Русью, хотя теперь походы русскихъ на Литву имѣли оборонительное только значеніе, благодаря разрозненности русскихъ силъ, придававшей болѣе смѣлости литовцамъ. Для лучшаго отраженія набѣговъ русскіе князья предпринимали сами нападенія на Литву, и послѣдняя встрѣчала отпоръ не только со стороны Волыни и Новгорода, о чёмъ говорить

¹⁾ Во второй половинѣ XII стол. литовцы нападали, между проч., на Волынскую землю.

авторъ (стр. 22), но и со стороны другихъ земель¹⁾). Повторялись и прежнія попытки рѣшительного подчиненія Литвы. Извѣстна такая попытка Романа Мстиславича, галицко-волынскаго князя, который, видно, проникалъ далеко въ глубь литовскихъ земель, если „Слово о п. Иг.“ говоритъ о немъ и братѣ его Мстиславѣ: „тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвази, Деремела“. По словамъ Стрыйковскаго, литовцы нерѣдко покушались освободиться изъ-подъ власти Романа, значитъ, давленіе было сильное, и его было весьма естественно ожидать со стороны Романа, отличавшагося замѣчательною энергіею и требовавшаго полнаго подчиненія. По разсказу галицко-волынской лѣтописи, Романъ „бѣ изоострился на поганыя яко левъ“, „губяше яко и коркодиль и прохожаше землю ихъ яко и орель“. Эти слова должно относить не только къ половцамъ, но, согласно приведенной выдержкѣ изъ „Сл. о п. Иг.“, и къ литовцамъ, которыхъ галицко-волынская лѣтопись также называетъ „погаными“.

Сказаннымъ мы желали бы обосновать предположеніе, что Литва встрѣчала и со стороны Руси немало толчковъ къ образованію болѣе или менѣе обширныхъ политическихъ единеній и вообще немало побужденій къполитическому развитію. Но, конечно, не будь татарскаго нашествія, кто знаетъ, успѣла ли бы Литва отстоять свою самостоятельность и создать независимое государство*. Безъ завоеваній на Руси не такъ-бы скоро образовалось государство въ самой Литвѣ. Для утвержденія единовластія необходимо было, чтобы одинъ изъ князей получилъ перевѣсъ надъ другими, а это могло случиться лишь при получении опоры внѣ Литвы.

Выяснивъ обстоятельства, вызывавшія литовцевъ къ образованію государства, В. Б. Антоновичъ переходитъ къ внѣшней исторіи возникновенія великаго княжества литовскаго. Авторъ вновь обращается къ такъ наз. литовской лѣтописи и передаетъ ея извѣстія о первыхъ завоеваніяхъ литовцевъ на Руси. Этими извѣстіямъ историки прежняго времени приписывали огромное значеніе, и Нарбутъ и его послѣдователи построили на основаніи ихъ цѣлый рядъ небывалыхъ событий. В. Б. Антоновичъ придаетъ этимъ легендамъ сравнительно уже весьма

¹⁾ См. „Княженіе Даниила Галицкаго, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, стр. 110—111.

мало значенія и полагаетъ, что подробности основанія первыхъ литовскихъ владѣній на Руси не сохранились въ источникахъ вполнѣ достовѣрныхъ и „дошли до насъ въ легендарной формѣ очень поздно записанныхъ литовскихъ преданій“ (стр. 23). Авторъ отрицаєтъ достовѣрность этихъ преданій въ подробностяхъ и говорить, что онъ „заслуживають только вниманіе, какъ свидѣтельство поздняго преданія, указывающее на то, что въ половинѣ XIII столѣтія случилось общее движение многихъ литовскихъ вождей на Русь съ цѣлью территоріального захвата“ (стр. 24). Авторъ старается подтвердить этотъ выводъ данными, сохранившимися въ русскихъ лѣтописяхъ. Сказанія литовской лѣтописи о первыхъ литовскихъ князьяхъ на Руси не вспоминаютъ на нашъ взглядъ никакого вниманія, потому что совершенно недостовѣрны, за исключеніемъ развѣ самаго факта завладѣнія Полоцкомъ, Новгородкомъ и Гродномъ, для разсказа о которомъ нечего было все-таки лѣтописцу обращаться къ преданію¹⁾). Можно думать, что завоеваніе Полоцка находилось въ связи съ движениемъ Миндове на русскія земли. По словамъ Стрыйковскаго, Полоцкъ во время захвата литовцами управлялся вѣчемъ, а это могло случиться не ранѣе конца тридцатыхъ годовъ XIII-го стол.²⁾. Изъ извѣстія Ипатскаго списка подъ 1247 г. не видно, чтобы пинскіе князья признавали верховную власть Литвы; они только благопріятствовали ей, опасаясь чрезмѣрного возвышенія галицко-волынскихъ князей, но, тѣмъ не менѣе, должны были примкнуть къ послѣднимъ³⁾. Что касается толковъ литовской

¹⁾ Имя Эрдивила взято литовскимъ лѣтописцемъ изъ галицко-волынской лѣтописи.

²⁾ О вѣчевомъ правленіи въ Полоцкѣ говорить и извѣстіе о Мингайль. Разборъ литовскихъ извѣстій о занятіи Полоцка см. въ нашей монографіи: „Княженіе Даніила Галицкаго“, стр. 119—123. Если наполнить выдумками разсказъ о преемникахъ Мингайла, то слѣдуетъ отринуть и семого Мингайла. Товтивиль былъ, по всей вѣроятности, первый литовскій князь Полоцка. По словамъ Стрыйковскаго, онъ владѣлъ Полоцкомъ, уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIII-го вѣка. На догадкѣ Карамзина (IV, пр. 107), онъ сѣлъ въ Полоцкѣ съ согласія гражданъ.

³⁾ См. Ип. сп. подъ 1262 г., стр. 566. Тоже говорить и самъ авторъ.—О завоеваніи Берестя и Дрогичина см. „Княженіе Даніила Галицкаго“, стр. 124: о завоеваніи Турова и Пинска—ib. стр. 125.

лѣтописи о завоеваніи уже въ половинѣ XIII-го в. Стародуба, Каравчева, Чернигова, то полагаемъ—нелѣпость ихъ очевидна безъ особыхъ опроверженій.

Для общаго вывода о завоеваніи литовцами нѣкоторыхъ русскихъ земель въ половинѣ XIII-го стол. нѣть надобности обращаться къ такому мутному источнику какъ сказанія литовской лѣтописи. Повторяемъ, это не преданія, а книжные вымыслы; изъ исторіи взято нѣсколько имёнъ¹⁾.

Обратившись къ русскимъ извѣстіямъ о первыхъ литовскихъ князьяхъ на русской территоріи, авторъ устанавливаетъ (стр. 25), что первымъ литовскимъ княжествомъ на Руси было княжество, основанное въ Новгородѣ Литовскомъ, Мендовгомъ, сыномъ Рынгольта. Не рѣшаясь окончательно отвергнуть „преданіе“, литовской лѣтописи, между прочимъ—сказаніе объ основаніи княжества въ Новгородѣ еще Рынгольтомъ, мнимымъ отцемъ Миндове²⁾, авторъ удержалъ въ данномъ случаѣ обломокъ легендарной генеалогіи. Не существовало въ 1235 г. и самое княжество новгородское (литовское); въ Новгородѣ княжилъ въ то время не Миндове, а русскій князь Изяславъ³⁾.

Успѣль ли кто изъ литовскихъ вождей ранѣе Миндове утверждиться на русской территоріи, или нѣть, во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что Миндове былъ рѣшительнымъ начинателемъ въ томъ смыслѣ, что его попытка захвата русскихъ земель имѣла наиболѣе

¹⁾ См. имена литовскихъ вождей въ Ип. сп. подъ 1215 г. (стр. 492). Ср. „Княж. Дан. Гал.“, стр. 129. Вообще въ лѣтописи Выховца замѣтны слѣды пользованія галицко-волынскою лѣтописью; см., напр., сказаніе о Воишелкѣ.

²⁾ Ср. на стр. 49, гдѣ авторъ говоритъ, что Черная Русь вошла въ составъ великаго княжества литовскаго еще при Рынгольте, между тѣмъ какъ ею не владѣлъ въ началѣ Миндове. О Рынгольте не упоминаютъ достовѣрные источники. Въ одномъ актѣ 1560 г. мы встрѣтили мѣстныя названія Рынъголевщина, Довыятовщина въ Литвѣ, но онѣ не доказываютъ того, что Рынгольтъ, былъ отецъ Миндове и основалъ литовское княжество на Руси.

³⁾ Подъ 1256 г. въ галицко-волынской лѣтописи названъ Изяславъ Вислочъскій; не перешелъ ли въ Свисочь Изяславъ изъ Новгородка? Онъ также является въ связи съ Литвою.

широкі размѣры, сопровождалась значительною удачею и привела къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Это объясняется политическими талантами Миндове, его необыкновенною энергию и неразборчивостью относительно средствъ: онъ не останавливался ни предъ избѣніемъ соперниковъ, ни предъ измѣною вѣръ отцовъ. Миндове удивительно вѣрно понялъ положеніе дѣлъ, всю опасность, какая грозила со стороны нѣмцевъ, и съумѣлъ выискать, какъ никто другой, путь обороны. Сильнѣ нѣмцевъ онъ задумалъ противопоставить соединенные силы Литвы и Руси. Миндове, безспорно, положилъ начало великому княжеству литовскому. Онъ первый возымѣлъ идея такого княжества, по-видимому носилъ даже титулъ великаго князя и намѣтилъ до извѣстной степени позднѣйшія границы великаго княжества литовскаго. Широкіе планы Миндове не осуществились вполнѣ, но много значило то, что Миндове стремился къ подчиненію не только Черной Руси, но и Чернигова¹⁾ и Смоленска²⁾, а равно заявлять притязанія на гегемонію подъ всѣми литовскими племенами. По-видимому, онъ даже успѣлъ было вытѣснить нѣмцевъ изъ одного завоеванного ими въ началѣ XIII стол. участка³⁾, и, какъ видно изъ дарственныхъ записей ордену, признавалъ за собою права на всѣ литовскія земли. Желая доставить санкцію своимъ захватамъ, Миндове добился того, что папа призналъ его королемъ всѣхъ земель, которыя Миндове отнялъ у язычниковъ и отнялъ-бы у кого-нибудь впредь. Наконецъ, въ эпоху Миндове обозначились ясно особенности внутренняго строя, будущаго великаго княжества литовскаго. При Миндове былъ намѣченъ путь, идя по которому литовскіе князья могли достигнуть укрѣпленія своего государства,—путь полнаго сближенія съ русскою народностью, чего, впрочемъ, не хотѣлъ самъ Миндове, желавшій доставить перевѣсь въ пограничныхъ русскихъ земляхъ литовскому народному началу. Примѣръ Миндове показалъ однако необходимость усвоенія началъ хри-

¹⁾ Ип., 556.

²⁾ Ип., 541. Авторъ утверждаетъ (стр. 27), что Миндове владѣлъ Смоленскомъ; онъ только посыпалъ рать къ Смоленску, и позднѣе въ Смоленскѣ упоминаются русские князья; Ип. сп. подъ 1274 г., стр. 575.

³⁾ Ph. Schwartz, Kurland im dreizehnten Jahrhundert Leipzig, 1875, s. 18 и 70.

стіанскаго просвѣщенія и сторону, въ какую должно было обратиться за этимъ просвѣщеніемъ. Ненасытность и крайне своеокорыстная политика нѣмцевъ надолго отвратили литовцевъ отъ католицизма и побудили послѣднихъ примкнуть тѣснѣ къ Руси. Сближеніе обѣихъ народностей подготовлялось давно, но до Миндове мысль о сліянії Литвы съ Русью, обѣ образованіи изъ нихъ одного государства проводилась слабо, непостоянно. Теперь она выступила замѣтно, при чёмъ имѣлось въ виду соединеніе Литвы съ Русью на началахъ равноправности, и Миндове, въ концѣ концовъ, долженъ былъ сдѣлать уступку въ этомъ отношеніи русской народности. Въ теченіе некотораго времени, казалось, значительная часть литовскихъ земель готова была даже подпасть верховному владычеству русскихъ князей галицко-волынской вѣтви. Со стороны Руси мысль обѣ этомъ сочувственно встрѣтила Даніилъ Галицкій, согласившійся на внаженіе въ Литвѣ своего сына Романа, а потомъ Шварна. Со стороны же Литвы эту мысль поддерживалъ и старался провести сынъ Миндове Воишелькъ, который вообще представляетъ разительный примѣръ вліянія русской культуры. Весьма интересно описание въ лѣтописи перемѣны, какую произвело въ Воишелькѣ принятіе христіанства. Юные неофиты отдавались христіанству со всѣмъ жаромъ религіознаго чувства (ср. мѣсто лѣтописи о братьяхъ Тройдена) и, само собою разумѣется, не могли быть врагами русской народности, отъ которой получали религіознос просвѣщеніе. Въ усвоеніи Литвою такого просвѣщенія отъ Руси Воишелькъ видѣлъ лучшее средство сближенія обѣихъ народностей.

Одновременно съ закладкою прочныхъ связей Руси съ Литвою въ эпоху Миндове ярко выступаетъ и другая крупная особенность внутренней жизни литовско-русскаго государства во все время его существованія: разумѣю феодализмъ, на который прямо указываютъ грамоты Миндове. Литовско-русское государство могло на первыхъ порахъ держаться только сильнѣйшимъ развитіемъ военного строя, а феодализмъ являлся въ то время готовою формою такого строя. Почва для феодализма была подготовлена отчасти предшествовавшею исторіею и народнымъ бытомъ. Какъ яствуетъ изъ одного документа половины XIII-го стол., у пруссовъ была знать; какъ выдѣленное сословіе¹⁾. По

¹⁾ „Illi ex ipsis neophitis, qui sunt *vel* erunt ex nobili prosapia procreati, accingi possunt cingulo militari“. Monum. hist. Warm. Cod. diplom. Warm, I,

словамъ Дусбурга, Прусы думали, что знатный будетъ таковыи и въ будущей жизни. Позднѣе также было въ собственной Литвѣ крупное землевладѣніе ¹⁾). Замѣчательно, что лѣтопись наша постоянно называетъ представителей отдаленныхъ округовъ князьями и упоминаетъ о цѣлыхъ владѣтельныхъ родахъ ²⁾). Интересно, далѣе, что многіе знатные носили прозванія, тождественныя съ названіями поселковъ ³⁾). Ясно, что во времени образованія государства въ Литвѣ успѣли уже образоваться зародыши довольно численнаго высшаго класса населенія, съ которымъ не могло не считаться государство при своемъ возникновеніи. Кромѣ ума и энергій, много помогло Миндове, то что онъ былъ въ родствѣ съ самыми видными литовско-жмудскими князьями: сестра жены Миндове была за Довмонтомъ Нальченскимъ, Третета Жмудскій былъ его племянникъ, какъ и Товтивиль. На первыхъ порахъ, не разгадавъ всѣхъ плановъ Миндове, они были готовы пособлять ему. Стремясь къ верховному владычеству Миндове однакожъ волей-неволею долженъ былъ терпѣть подручныхъ князей, такъ какъ невозможно было вполнѣ устранить ихъ, и не лишалъ власти князей покоренныхъ русскихъ областей; въ качествѣ князей упоминаются при немъ Изяславъ Свисточскій и Глѣбъ въ Черной Руси ⁴⁾). Подручникомъ Миндове былъ и Романъ Даниловичъ ⁵⁾). Въ такое же положеніе были поставлены и сыновья Миндове ⁶⁾.

28 seqq. Крестьяне, впрочемъ, оставались наследственными землевладѣльцами: по словамъ одного источника, (terra) per sortes hereditarias ruricolis et habitatoribus dispartita“.

¹⁾ См., напр. Chron. Livoniae Hermanni de Wartberge подъ 1377 г. въ Script. rer. Pruss. t. II, 113.

²⁾ См. Ип. сп. подъ 1215 г.: Рушковичи; потомъ называется по имени одинъ изъ нихъ—Айшвно Рушковичъ.

³⁾ Напр., Ятвягъ Коматъ.

⁴⁾ Ип., 551 и 561.

⁵⁾ Ип., 555.

⁶⁾ Не только Воишкѣлъ былъ соправителемъ Миндове, но и другіе сыновья послѣдняго. Еп. Христіану Миндове выдалъ грамоту на иѣкоторыя земли „presentibus et consentientibus filiis Replens et Gerstuchen“.

Въ рассматриваемомъ нами выпускѣ авторъ оставилъ въ сторонѣ это важное явленіе внутренней жизни слагавшагося литовско-русскаго государства, предполагая, вѣроятно, обозрѣть явленія внутренней жизни въ отдельномъ очеркѣ въ заключеніи внѣшней исторіи величайшаго княжества литовскаго.

(Прод. съдуется).

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО,

УСЛОВІЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ЕГО И ПРИЧИНЫ УПАДКА.¹⁾

—

Эпоха Миндове была временемъ рѣшительного перелома въ исторіи Литвы, какъ вообще половина XIII-го стол. ознаменовалась поворотомъ на новую дорогу во всей восточной Европѣ. Не говоря объ утвержденіи татарского владычества на Руси, сопровождавшагося столь важными послѣдствіями, укажемъ на то, что въ юго-западной Руси въ это время замѣчаются явленія, въ значительной мѣрѣ сходныя съ тѣми, которыя совершились въ Литвѣ.

Съ убіеніемъ Миндове, на времія пріостановился ростъ государства, которому онъ положилъ начало, и былъ моментъ, когда можно было думать—дѣло Миндове рушится, но идея Миндове все-таки не исчезла, и съ того времени постоянно замѣчается стремленіе къ осуществленію ея со стороны то одного, то другого изъ литовскихъ вождей.

Говоря о періодѣ отъ смерти Миндове до прочнаго утвержденія въ Литвѣ новой династіи, окончательно организованшей литовско-русское государство, В. Б. Антоновичъ употребляется, кажется намъ, слишкомъ густыя краски и видѣть болѣе мрака, чѣмъ сколько было на самомъ дѣлѣ.

Конечно, въ критическіе моменты исторіи государствъ личности и передовые носители той или иной идеи имѣютъ огромное значеніе, и убіеніе Миндове въ значительной мѣрѣ задержало ходъ его дѣла, но послѣднее не было разрушено вполнѣ. Тренята сразу „нача княжити

¹⁾ См. УНИВ. Изв. 1882, № 3.

во *всей землѣ литовской и въ Жемоти*¹⁾). Убіеніе Миндове доставило полную возможность высказаться всѣмъ началь, которыхъ были враждебны зарождавшемуся объединенію, но въ тоже время ясно обнаружилось, насколько успѣла уже привиться идея общаго литовско-русскаго государства.

Было у этой идеи много враговъ, но было и много поборниковъ, какъ между Русью, такъ и въ средѣ Литвы.

Г. Антоновичъ представляетъ время, слѣдовавшее за смертью Миндове, временемъ борьбы двухъ народныхъ началь, вошедшихъ въ составъ литовского государства: „на этотъ національный антагонизмъ опираются поочередно соискатели великокняжескаго стола“ (стр. 32). Эта борьба прорывалась, по мнѣнію г. Антоновича, нерѣдко во все время существованія литовского государства и была главною причиной ослабленія великаго княжества литовскаго и подпаденія его польскому вліянію (стр. 2—3). Г. Антоновичъ весьма мѣтко уловилъ причину слабости литовско-русскаго государства, открылъ самое большое его мѣсто, и, благодаря тому, литовско-русская исторія получаетъ теперь болѣе глубокій смыслъ, важнѣйшія события ея предстанутъ въ истинномъ свѣтѣ и будутъ вполнѣ разгаданы. Остается желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ второй части труда г. Антоновича, которая будетъ посвящена времени, когда „борьба двухъ началь этнографическихъ и бытовыхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества литовскаго, попытки къ ихъ взаимному сближенію и взаимное ихъ воздействиѣ другъ на друга составляютъ главный интересъ, преисполненный по времени высокаго драматизма“ (стр. 3). Признавая въ высшей степени важнымъ указаніе на такое раздвоеніе силъ литовско-русскаго государства въ позднѣйшее время, мы позволяемъ себѣ однако думать, что это раздѣленіе явилось именно послѣ 1386 г., и едвали найдутся достаточно убѣдительныя основанія относить это сравнительно позднѣйшее явленіе къ древнѣйшему періоду литовско-русской исторіи.

Послѣ убіенія Миндове, безспорно, въ теченіи нѣкотораго времени происходила внутренняя борьба въ основаніомъ имъ государствѣ, но то была просто борьба отдѣльныхъ князей изъ-за верховной власти,— „борьба областныхъ представителей за великокняжескій столъ“ (выраженіе г. Антоновича на стр. 32), и не видно распри народно-

¹⁾ Ил., 569.

стей—русской и литовской—изъ-за преобладанія. Продолжалось то, что началось при Миндове. По примеру послѣдняго, некоторые изъ князей стремились достигнуть единовластія, но встрѣчали препятствія со стороны остальныхъ князей, а иногда и со стороны литовской народной массы, собственно—Жмуди, не успѣвшей еще вполнѣ свыкнуться съ мыслью о политическомъ объединеніи литовско-русскихъ земель подъ властью одного князя. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется большая часть смутъ. Мы видѣли, что издавна, уже въ XII стол., если не раньше, пролагалась дорога взаимному, болѣе тѣсному ознакомленію Литвы и Руси, а потомъ и сближенію. Само собою разумѣется, литовскія народныя массы, постоянно остававшіяся на родинѣ, были тронуты сравнительно меньше этимъ движеніемъ. Онѣ видѣли только русскихъ плѣнниковъ и колонистовъ. Начало русской колонизаціи въ литовскихъ земляхъ относится къ довольно раннему времени. Къ сожалѣнію, В. Б. Антоновичъ оставилъ ее безъ разсмотрѣнія, а равно тѣ связи русской народности съ литовскою, на которыхъ давно уже обращено вниманіе въ исторической литературѣ¹⁾. Главнымъ посредствующимъ звеномъ между Литвою и Русью служили литовскіе князья, имѣвшіе владѣнія на Руси, и ихъ дружины. Каково было взаимное отношеніе народныхъ массъ, можно видѣть изъ разсказа галицко-волынской лѣтописи о поведеніи Литвы, которую привелъ однажды на помощь своему отцу Романъ Даниловичъ, княжившій въ литовскихъ областяхъ, уступленныхъ ему Воишлемъ. Романъ опоздалъ ко взятию города Возягля, и литовскій отрядъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что уже не было чего грабить, началъ опустошать окрестности Луцка и былъ избитъ русскими, при чемъ лѣтопись называетъ литовцевъ „погаными“²⁾. Эти дикие инстинкты были довольно долго присущи литовцамъ. Въ XIV стол. литовцы, явившіеся въ Польшу по поводу бракосочетанія короля Казиміра съ дочерью Гедемина³⁾, опустошили страну на двадцать миль въ окружности⁴⁾.

¹⁾ Одной изъ первыхъ попытокъ выясненія ихъ была книга Боричевского: „Православіе и русская народность въ Литвѣ“, Спб. 1851, въ которой принято на вѣру немало апокрифическихъ извѣстій.

²⁾ Ип., 556.

³⁾ Пишемъ такъ это имя пріимѣнительно къ той формѣ, въ которой оно встрѣчается въ актахъ, современныхъ Гедемину.

⁴⁾ Script. reg. Prussic., II Bd., s. 6, Ann.

Вообще литовцы не отличались мягкостью нравовъ, жесткость которыхъ видна изъ рассказовъ о дѣяніяхъ князей, о которыхъ дошли до настѣ извѣстія, начиная съ Миндове и оканчивая Кейстутомъ и Свидригайломъ: источники постоянно говорятъ объ убийствахъ. Въ тотъ вѣкъ религиозное различіе имѣло огромное значеніе, и, конечно, Литва и Русь не могли питать большаго взаимнаго сочувствія. Связь Литвы и Руси была въ теченіи долгаго времени преимущественно административная, какъ и основаніе литовско-русскихъ княжествъ было дѣломъ умной политики предводителей литовскихъ дружинъ. Дружины и ихъ вожди видѣли прямой интересъ въ созиданіи такихъ княжествъ и въ разширеніи ихъ предѣловъ. Не то должно сказать о народныхъ массахъ, изъ которыхъ слагалось литовско-русское государство. Ихъ можно подвести подъ три главныя этнографическія группы: Русь, Литву и Жмудь; что касается ятвяговъ, то они весьма скоро сошли со сцены послѣ испытанныхъ отовсюду пораженій. Эти три группы выступаютъ и въ позднѣйшемъ титулѣ великихъ князей литовскихъ. Изъ этихъ народностей Литва и Жмудь въ особенности долго не сознавали результатовъ, къ какимъ могло привести политическое единеніе съ Русью. Что же касается русскихъ, то послѣдніе съ видимымъ сочувствіемъ принимали литовскихъ князей, надѣясь достигнуть тѣмъ мира и безопасности: укажемъ на признаніе Довмонта полоцкимъ княземъ. Литовцы и жмудини, оставшіеся на мѣстѣ—внѣ княжескихъ дружинъ, пребывавшихъ на Руси,—думали только о самозащитѣ противъ нѣмцевъ и о сохраненіи своей старой народной вольности и, не сознавая всей пользы централизації¹⁾, готовы были стоять противъ князей, приобрѣвшихъ значительныя владѣнія и, следовательно, имѣвшихъ достаточно силы для стѣсненія старой народной свободы. Болѣе другихъ областей упорствовала въ стремленіи къ сохраненію своей особности Жмудь, граничившая непосредственно съ заклятымъ врагомъ всего литовскаго племени—нѣмецкимъ орденомъ. Вѣчная борьба съ нѣмцами за независимость развила въ жмудинахъ въ высокой степени национальное чувство, любовь къ роднымъ установленіемъ

¹⁾ Народные массы признавали только необходимость единенія во времена опасности. Такъ, къ ятвягамъ приходили на помощь пруссы и борты.

и отвращение ко всякаго рода нововведеніямъ, которые казались посягательствомъ на народную свободу. Жмудь была областью, где въ наиболѣе чистомъ видѣ держалось литовское народное начало и куда русскій элементъ проникалъ въ слабой степени вслѣдствіе того, что это была самая западная окраина литовско-русскаго государства. При Гедеминѣ, когда въ другихъ земляхъ феодализмъ достигъ прочнаго господства, гдѣ Жмуди знать не имѣла особыхъ правъ въ сравненіи съ народомъ. Жмудь упорно держалась старины и не желала быть подъ властью христіанъ еще въ концѣ XIV стол., когда жмудины заявили Ягайлу, что будутъ за Кейстута, если только Ягайло останется христіаниномъ. При введеніи католицизма въ Литвѣ, жмудины оказались весьма неподатливыми и не перестали думать о своей самостоятельности еще и въ половинѣ XV-го столѣтія¹⁾). Да и въ послѣдующее время эта провинція польско-русско-литовскаго государства болѣе другихъ устояла противъ вліянія польскихъ порядковъ, и послѣдніе привились въ ней сравнительно слабѣ. Лучшій представитель языческой Литры, Кейстутъ, и теперь еще живетъ въ народныхъ преданіяхъ Жмуди²⁾). Не понимая хитрой политики Миндове, который, уступая нѣмцамъ мало по малу права на всѣ земли, занятыя литовскими народностями³⁾, думалъ только одурачить орденъ и въ тоже время раздуть сильнѣйшую ненависть къ нему въ литовскихъ племенахъ, жмудины не взлюбили централизованаго начала, которое—казалось имъ—готово было жертвовать народною свободою. Нѣмецкая лѣтопись (Reimchr.) нѣсколько разъ отмѣчаетъ то, что Жмудь была крайне непріятна дружба Миндове съ нѣмцами.—Въ силу всего этого во второй половинѣ XIII-го стол. литовскія народныя массы, среди борьбы князей, *былией* *прусскою* *событій*, поддерживали, когда представлялся къ тому случай, только одно изъ двухъ параллельныхъ движений, имѣвшихъ мѣсто въ литовско-русскихъ областахъ того времени: они стояли по временамъ за предводителей дружинъ, стремившихся къ

¹⁾ Стадницкій, Bracia Władysława—Jagiełły, стр. 296.

²⁾ Litwa pod wzglѣdem starozytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona przez Ludwika z Pokiewa, Wilno 1854, стр. 47, примѣч.

³⁾ Ph. Schwartz, Kurland im dreizehnten Jahrh., s. 88—90. В. Б. Антоновичъ, стр. 29—31.

отчужденію отдельныхъ областей и не могшихъ быть опасными по своей силѣ, и мало заботились о поддержаніи обширнаго литовско-русскаго государства, идея котораго была еще нова для литовскаго народа, не привыкшаго въ жизни въ большомъ политическомъ организмѣ¹⁾. Литовскія народныя массы оказывали иногда поддержку князьямъ, работавшимъ для разрушенія государственного сплоченія, противъ князей, старавшихся вдоворить единовластіе, но при этомъ литовскому народу было мало дѣла до русскихъ земель, и если въ то время еще не было значительного сближенія литовской и русской народностей, то не было и вражды изъ-за преобладанія. Не было и жестокой племенной вражды. Послѣ Романа русскіе уже не помышляли о завоеваніяхъ въ самой Литвѣ. Даніиль стремился преимущественно къ подчиненію своей власти Полѣсся, т. е. земли ятвяговъ, и Черной Руси, въ которой однако не замѣчаемъ особаго тяготѣнія къ Галичу и Волыни. Преемники же Даніила вовсе не предпринимали завоевательныхъ походовъ. Въ Литвѣ было много враговъ зарождавшагося объединенія,—гораздо болѣе, чѣмъ ихъ было въ русскихъ земляхъ, не противившихся основанію литовско-русскаго государства, но это не приводило къ борьбѣ народностей.

Изъ источниковъ видно, что реакція со стороны литовскихъ народныхъ массъ и—главнымъ образомъ—со стороны мелкихъ князей направлялась противъ общей власти великаго князя безотносительно къ тому, на сторону какой народности и культуры (русской или литовской) онъ склонялся. Такъ было при Миндове, такъ было и при Воишелеѣ и слѣдовавшихъ за нимъ князьяхъ. Жмудь готова была стоять противъ Миндове, когда онъ не обнаруживалъ еще ни малѣйшаго намѣренія принять крещеніе²⁾. Очевидно, ей не нравилось стремленіе Миндове къ единовластію, и одинъ изъ жмудскихъ князей, Трениата, родственникъ Миндове, задумалъ воспользоваться этимъ настроениемъ народа для своихъ личныхъ цѣлей. Онъ принялъ на себя роль

¹⁾ Повидимому, еще въ XIV стол. это государство вызывало неудовольствие въ массахъ коренной Литвы. Въ Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae (Script. rer. Pruss. II, 78) читаемъ: „Hoc tempore (т. е. въ 50-хъ годахъ XIV стол.) Letwini de Stripeyke, Opythen, Mezevilte, Austeyten volebant se a Lethowia transferre; sed refutati per magistrum.“

²⁾ Ил., 541.

защитника жмудского народа противъ нѣмцевъ и, по словамъ нѣмецкихъ извѣстій, былъ отправляемъ Жмудью къ Миндове, чтобы отклонить его отъ союза съ нѣмцами. Миндове пересталъ, наконецъ, лицемѣрить, отрекся отъ принятаго крещенія и, по сообщенію нѣмецкихъ источниковъ, сталъ преслѣдовать христіанъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ нѣмцевъ¹⁾, русскіе помогали ему. Ясно, что гоненію подверглись только католики²⁾. Въ концѣ концовъ, Миндове, несмотря на то, что порвалъ связи съ христіанами, былъ убитъ: новое доказательство того, что противники его имѣли въ виду не минимую благосклонность Миндове къ христіанству, но руководствовались чисто своекорыстными побужденіями; о борьбѣ съ Русью, о подавленіи послѣдней они не думали³⁾. Изъ разсказа лѣтописей о послѣдовавшей затѣмъ распѣтѣ убийцѣ Миндове изъ-за оставшагося послѣ Миндове наслѣдія не видно, чтобы партіи Треняты и Товтвила состояли исключительно изъ людей одной какой-нибудь народности. Да-льше, Воишелькъ представляется въ нашихъ лѣтописяхъ ревностнымъ поборникомъ русскаго просвѣщенія и, очевидно, долженъ былъ стоять во главѣ русской партіи, если только таковая существовала, какъ политическая партія, противопоставлявшая себя національной литовской

¹⁾ Script. rer. Pruss. II, s. 42, 3. Ann.

²⁾ Ненависть вызывало не православіе, но католицизмъ. Въ одной изъ грамотъ Миндове говоритъ: *ut fine laudabili valeat consumari. quod in nobis est inchoatum. Fideique rebelles et turbatores regni nostri manu potenti reprimere valeamus. necessarium nobis vidimus. Magistri et fratribus auxilium.* Очевидно, что противъ Миндове враждовали за принятіе католицизма, какъ знамени заклятыхъ враговъ Литвы—нѣмцевъ; Миндове требовалъ помощи противъ *nostros ac Fidei inimicos*.

³⁾ Въ спискѣ лѣтописи, посыщемъ имя Ивана Черноризца (мы пользовались имъ въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ: Ms. № 2126) 6771 (стр. 143) г. о смерти Миндове говорится такъ: „Быс мажеъ вѣнѣ, и всташа сами на сѣ и ѹбиша кнѧжъ великого Меньдовта, свои сродничы, тогдѣ лѣта ѹдѣрвши ѹбоици Миндововы ш товары є и оубиша кнѧзѧ полотскаго Товтвила... и просиче ѹ половчѣ сна товтвилова ѹбити, шнъ же бѣжа вѣнѣгородѣ зборѣ свой“. Тоже читаемъ и въ лѣтописи Новгор. I (П. С. Р. Л., т. III, 58), гдѣ прибавлено, что Миндове убили „свои родици, сопищащеся отаи вспхъ“.

parti¹). Почему же Литва не поднялась противъ него, какъ скоро онъ выступилъ мстителемъ за смерть отца? Повидимому, Воишелькъ имѣлъ сторонниковъ и въ собственной Литвѣ, которые послали за нимъ на Русь послѣ убіенія Миндове²). Въ большинствѣ лѣтописей не встрѣчаемъ извѣстій о борбѣ Воишелька съ Литвою вообще, а только объ избіеніи имъ враговъ, которыхъ, насколько можно судить по разсказу источниковъ, было не слишкомъ много³); въ числѣ ихъ былъ убитъ и забѣжавшій изъ Рязани русскій князь Остафій Константиновичъ⁴). По словамъ нашей лѣтописи, „Литва же вся прияша и съ радостию своего господичица“. Литовцы присягнули Воишельку по языческому обычаяу, и онъ принялъ предводительство надъ ними противъ нѣмцевъ⁵.

Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ литовскихъ князей могли болѣе или менѣе поддаваться русской культурѣ, обнаруживать къ ней болѣе

¹) Въ Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae Воишелькъ названъ прямо Rutenus. Script. rer. Pruss. II, 45.

²) Ibid., 2 Anmerk. Ср. ниже извѣстіе Новгор. I о вояхъ Миндове и пріятеляхъ.

³) Въ упомянутомъ спискѣ лѣтописи (Ms. zakladu narodowego Jmienia Ossolińskich we Lwowie № 2126, стр. 142) говорится слѣдующее о Воишелькѣ подъ 6773 г.: „соима ссебѣ ризъ свою и на тѣ лѣта, и шбѣщася Іїзъ, како прияти ризъ свою, а ұстава мнишьскаго не ўстѣпатисѧ и со-вокъпѣшъ школо себѣ вой многъ, и ѿцца своє приатели, и помолисѧ христъ и шѣ на поіаною литву, и побѣди та и иссльче“. Извѣстіе Новгор. лѣт. о мести Воишелька (П. С. Р. Л. III, 58) принадлежить не очевидцу и должно быть отвергнуто въ нѣкоторыхъ подробностяхъ по сравненію съ другими лѣтописями: у южнаго лѣтописца нетерпимость замѣтна въ менѣшей степени. Въ Monumenta Poloniae, III, Lwów 1878, p. 133, читаемъ: „Anno domini 1264 Mendog rex Lythwanie a Thrognath nepote suo dolose (обратимъ вниманіе на это выраженіе: очевидно, открытаго возстанія не было противъ Миндове) cum filiis suis occiditur. Quod nefas Woysalk, filius regis Mendok, existens monachus Russie, egrediens de clauстро regicidam Thrognath cum aliis ducibus, ulciscens patris mortem, occidit.“

⁴) Ип., 569.

⁵) Script. rer. Pruss. II, 45. Перечень свидѣтельствъ источниковъ о Воишелькѣ см. на стр. 303 монографіи Sjögren'a объ ятвягахъ.

или менѣе симпатіи, но не это было причиною междуусобій. Во второй половинѣ XIII в. не замѣчаемъ никакихъ возстаній русскаго люда въ земляхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, а равно не видно стремленій русской народности опереться, въ противовѣсь утѣсненіямъ со стороны Литвы, на южную или сѣверо-восточную Русь, что было въ XV в. До конца XIV стол. въ литовско-русскихъ областяхъ не было ничего подобнаго. При Ольгердѣ, напр., язычество мирно уживалось въ Литвѣ съ христіанствомъ, и нѣтъ слѣдовъ попытокъ достигнуть преобладанія со стороны какого-нибудь начала, не видно насильтвенной пропаганды. Это признаеть самъ г. Антоновичъ, указывая (стр. 101) на то, что „...реакція въ княженіе Ольгерда не вспыхнула и мы не находимъ даже слѣда раздора между двумя народностями, населявшими великое княжество...“ Вообще религіозныя различія не приводили къ взаимной ненависти, какъ не вызывали ея и племенные. До конца XIV стол. въ Литвѣ не было борьбы народностей, и въ этой характеристической чертѣ литовско-русской исторіи и должно искать объясненія образованія литовско-русскаго государства и быстраго развитія его. Въ особенности много значила готовность литовскихъ вождей идти въ сдѣлку съ русской культурой и дѣлать ей уступки. Вошелкъ представилъ собою въ высшей степени яркій и не единственный примѣръ такой податливости литовскихъ князей.

Если принять все только что сказанное, то едва ли можно будетъ принять безъ ограниченія утвержденіе г. Антоновича, что „послѣ смерти Шварна Даниловича въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ преобладаетъ литовское начало“ (стр. 35). Всѣ братья Тройдена представляются въ лѣтописи кроткими христіанами, да и нелестные эпитеты, которыми она надѣляетъ Тройдена, сами по себѣ мало значать и объясняются или неудовольствиемъ лѣтописца на то, что Тройденъ не принялъ христіанства, какъ его братья, или мѣстною точкою зрѣнія¹⁾: новгородскіе лѣтописи на-

¹⁾ Что въ эпоху Тройдена не было отчужденія литовской и русской народностей, свидѣтельствуетъ, между проч., разсказъ Дусбурга о пребываніи нѣкоторое время на Руси Скомонда, знаменитаго вождя Судувитовъ. Dusburg I, 143. Н. И. Костомаровъ неправильно относилъ это извѣстіе къ языческой Руси. (Современникъ 1860, № 1, стр. 10—11).

зываютъ Ольгерда злопрѣннымъ, безбожнымъ, лъстивымъ, а какъ извѣстно, онъ не былъ гонителемъ русской народности. Въ повѣсти о Довмонтѣ жена Гердена называется Евпраксіею, значить была христіанкой. Съ ограничениами, кажется намъ можно допустить „устраниеніе Литвы отъ русской жизни“ (стр. 35). Ослабѣли, главнымъ образомъ, связи Литвы съ юго-западною Русью, что и понятно послѣ убіенія Воишелка Львомъ Даниловичемъ и при враждебности послѣдняго, но литовскіе князья, правившіе въ русскихъ земляхъ, починившихся Литвой, поддавались русскому вліянію и признавали права русской народности. Такъ, въ грамотѣ Гердена читаемъ: „Русськая земля словеть Полочкай“. Дружественные сношенія Литвы съ сосѣдями—христіанами не прерывались. Сохранились извѣстія о брачныхъ связяхъ¹⁾. Даже Льву помогали иногда литовцы²⁾.

Равнымъ образомъ не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, принимать въ слишкомъ большихъ размѣрахъ „стремленіе областей къ обособленію и приобрѣтенію многими изъ нихъ независимости по отношенію къ власти великаго князя“. При Герденѣ, Полоцкая и Витебская земли признавали верховную власть Воишелка³⁾. Обособленіе полоцкой земли могло произойти потомъ. Что же касается переуступки верховныхъ правъ на Полоцкъ Рижской церкви (Антоновичъ, стр. 50), то ее могъ сдѣлать еще Товтивиль, который, какъ извѣстно, крестился въ Ригѣ⁴⁾. Извѣстіе галицко-волынской лѣтописи о самостоятельномъ

¹⁾ Такъ одинъ изъ мазовецкихъ князей (Болеславъ Сомовитовичъ), которые вообще дружили съ Литвой, былъ женатъ на литовкѣ, и ея вліянію должно приписать имя одного изъ сыновей отъ этого брака: „Boleslaus autem de Lithuania Gaudemunda, devolissima domina, genuit Troydenum...“ *Monum. Pol.* III, 47. О краковскомъ епископѣ Павлѣ Полуцкомъ читаемъ: „hic eciam cum Lithvanis connubia miscuit, ut forcitus resisteret suis aduersariis, quos plures habebat propter sua facinora.“ *Ibid.*, 363.

²⁾ *Monum. Pol.* III, 50, 181.

³⁾ См. упоминаніе о послѣднемъ въ документѣ XXVth в. Русско-Литовскихъ актовъ и стр. 26 тамъ же.

⁴⁾ Интересныя данные для исторіи отношеній Полоцка къ Ригѣ въ то время находятся въ грамотѣ полоцкаго епископа Якова къ рижанамъ. См. о ней замѣчаніе г. Васильевскаго въ ст. его „Письма Гедимина и католическое посольство въ Вильнѣ“. *Виленский Вѣстникъ* 1869, № 63.

будто бы князь въ собственной Литвѣ—Буркивидѣ¹⁾) — ничего не значить, такъ какъ и при Миндове держались отдельные мелкіе князья да и въ послѣдующее время встрѣчаемъ ихъ, когда централизація сдѣлала замѣтные успѣхи. Упоминанія о такихъ князьяхъ могутъ свидѣтельствовать только о феодальномъ строѣ. И въ рассматриваемый періодъ находимъ упоминанія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ всей Литвы и Жмуди. Такъ, въ галицко-волынской лѣтописи говорится: „Ходиша Литва вся и Жемоть вся на нѣмцѣ къ Ризи“²⁾). Вообще, по нашему мнѣнію, не было особынаго ослабленія Литвы послѣ смерти Миндове. Тройдену принадлежали изъ русскихъ земель „отъ Копыля Полѣсье“, Турійскъ Волковыскъ, Слонимъ, Гродно³⁾). При Миндове Турійскъ не входилъ еще въ составъ литовскихъ владѣній⁴⁾; значитъ, границы литовскихъ земель съ этой стороны нѣсколько раздвинулись послѣ его смерти. Къ этому времени относится упоминаніе въ галицко-волынской лѣтописи о литовской „рати великой“⁵⁾). Отъ натиска крестоносцевъ пруссы и борты бѣжали къ Тройдену и были поселены въ Гроднѣ и Слонимѣ; этимъ литовская колонизація подвинулась въ русские предѣлы⁶⁾). Жемгала посыпала иногда взятыхъ пленныхъ въ Литву. Литва продолжала, такимъ образомъ, быть защитницею общихъ интересовъ литовского племени, и роль ея въ этомъ отношеніи уже вполнѣ опредѣлилась. Подчиненіе крестоносцами пруссовъ и жемгалы было результатомъ предшествовавшей давно тянувшейся борьбы и, конечно, не могло быть предотвращено теперь Литвою. Гибель же ятвяговъ и безучастность къ тому Литвы объясняются упорствомъ ятвяговъ и не желаніемъ примкнуть къ Литвѣ, отъ которой, впрочемъ, отдѣляла ихъ значительная

¹⁾ Будика, о которомъ говорить галицко-волынская лѣтопись подъ 1289 г. кажется, слѣдуетъ признать жмудскимъ княземъ Butegejde. Къ такому отождествленію склонялся и Даниловичъ: Skarbiec, I, 125, пр. 1.

²⁾ Ип., 590.

³⁾ Ип., 576, 578, 579.

⁴⁾ Ип., 544.

⁵⁾ Ип., 580.

⁶⁾ О поселеніяхъ въ Литвѣ и Жмуди другихъ литовскихъ племенъ см. цитированную ст. Ярошевича въ „Pismo zbiorowe wileńskie“, стр. 108—109. Dusburg, pp. 132 и прим., 136, 145, 146.

разность¹⁾. Ятвяговъ не пытался защищать уже Миндове,—вѣроятно вслѣдствіе того, что они поддерживали реакцію. Ятвяги помогали русскимъ за серебро противъ Литвы²⁾ и вообще готовы были стоять противъ нея³⁾ и потомъ сами же пострадали отъ нѣмцевъ, русскихъ и поляковъ: Даниилъ, въ соединеніи съ поляками, нанесъ имъ жестокіе удары, послѣ которыхъ они не могли оправиться. Уже при Миндове ятвяги изъявляли готовность принять крещеніе и поступить подъ власть одного изъ польскихъ князей (Ленчицкаго и Кульскаго), если только можно вѣрить словамъ его⁴⁾. Послѣ Миндове ятвяги, повидимому, были въ союзѣ съ литовцами⁵⁾, но это сознаніе ими своей ошибки явилось поздно на помощь имъ. Что касается Литвы и Жмури въ рассматриваемый періодъ, то тамъ нѣмцы не имѣли успѣховъ и, при вторженіяхъ, терпѣли пораженія.

Намъ кажется поэтому, через-чуръ темнымъ освѣщеніе, которое придалъ В. Б. Антоновичъ картины литовско-русскихъ земель въ періодъ отъ убіенія Миндове до княженія Витена.

Въ концѣ XIII стол. въ Литвѣ стала княжить новая династія⁶⁾, „окончательно установившая и упрочившая литовско-русское государство и разширившая его предѣлы до значительныхъ размѣровъ“ (стр. 39), и со временемъ ея вокняженія В. Б. Антоновичъ полагаетъ второй періодъ въ исторіи литовско-русского государства.

По мнѣнію г. Антоновича, княженіе Витена и Гедемина означалось поворотомъ во внутреннемъ строѣ великаго княжества литов-

¹⁾ Матвѣй изъ Мѣхова, писатель XVI в.. говоритъ: *Lithuani et Samogitiae proprium linguagium sortiti sunt, aliud a Jaczwingis.*

²⁾ Ип., 541.

³⁾ Ип., 544.

⁴⁾ Theiner, *Vet. monum. Pol. et. Lithuaniae*, I, № СХ.

⁵⁾ Dusburg, pp. 137, 141.

⁶⁾ Нельзя назвать этотъ родъ въ томъ смыслѣ, что онъ незадолго прежде великокняжескаго стола; тѣмъ не менѣе, члены этого рода могли *княжить* и до того времени; онъ могъ принадлежать къ мелкимъ княжескимъ родамъ, которыхъ было такъ много въ Литвѣ. Интересно, что Гедыминъ говорить въ своей грамотѣ о *progenitores*. Что касается вопроса объ отношеніи Гедымина къ Витену, то указаніе относительно того, есть между прочимъ, и въ надгробной надписи Софіи изъ рода Олельковичей, гдѣ Олелько названъ *Gedymini proueros, Viteni abnerpos.*

скаго и усвоеніемъ имъ болѣе культурныхъ формъ быта (стр. 42). Г. Антоновичъ обращаетъ вниманіе на „замѣтное усиленіе и усовершенствованіе строя литовскихъ военныхъ силъ“.

Въ этомъ отношеніи литовцы обнаружили замѣчательно быстрые успѣхи уже въ XIII стол. Подъ 1234 г.¹⁾ встрѣчаемъ упоминаніе объ „оружіи и щитахъ“ литовцевъ, подъ 1262 г. упоминаются „конѣ и во сѣдлѣхъ, щиты, сулицѣ, шеломы“²⁾). Уже при Миндове у литовцевъ были въ употребленіи окопы; Даниилъ Галицкій говорилъ своимъ воинамъ: „крестьяномъ пространство есть крѣость, поганымъ же есть тѣснота (окопъ): деражды есть обычай на брань“³⁾). При осадѣ нѣмецкихъ крѣпостей литовцы устраивали иногда укрѣпленные лагери. Объ одномъ принадлежавшемъ литовцамъ городѣ галицко-волынская лѣтопись сообщаетъ⁴⁾: „столпъ бѣ камень высокъ стоя передъ высоты города“; при этомъ упоминаются „забрала“. Въ Новгородѣ былъ „дѣгинецъ“ и „околный городъ“⁵⁾). Не только при Витенѣ и Гедеминѣ, но и при Миндове на границѣ разставлялись сторожа, которые должны были подавать вѣсть о приближеніи непріятеля⁶⁾). Уже при Миндове со стороны Ливонскаго ордена въ Куроніи были сооружены бурги⁷⁾). Одною изъ грамотъ Миндове уступиль нѣмецкому ордену нѣсколько мѣстностей, которая въ папской грамотѣ названы „castra seu munitiones et eorum villaе⁸⁾.—Наносились литовцами и пораженія непріятелямъ. Такъ, въ 1236 г. Ливонцы были совершенно разбиты, и при этомъ палъ магистръ Вольквинъ. Crinota (Тренята) выступилъ однажды съ войскомъ въ 21000 человѣкъ, по другимъ извѣстіямъ съ 30000⁹⁾). Упомянемъ, далѣе, о неудачѣ, которую потерпѣли нѣмцы при Дурбе. Подъ 1270 г. нѣмецкія лѣтописи сообщаютъ объ убіеніи литовцами преслѣдовавшаго ихъ магистра, 52 братьевъ и 600 другихъ

¹⁾ Лѣт. по Акад. сп., стр. 486.

²⁾ Ип., 567.

³⁾ Ип., 539.

⁴⁾ Ип., 579—подъ 1277 г.

⁵⁾ Ип., 576.

⁶⁾ Ип., 543.

⁷⁾ Script. rer. Prussic. II, 44.

⁸⁾ Грамота Иннокентія IV отъ 23 мая 1254.

⁹⁾ Sjögren, s. 302.

христіянскихъ витязей. Въ 1277 г. литовцы совершили жестокій на-
бѣгъ¹⁾, а въ 1294 нанесли жестокое пораженіе полякамъ²⁾.—Въ 1289 г.
Витенъ нападалъ съ 8000 конніцы, имя его упоминается и раньше.
Нѣмцы рано должны были повліять на литовцевъ въ военномъ дѣлѣ;
при Миндове нѣкоторое время они находились въ литовскихъ рядахъ.
Впрочемъ, еще и въ половинѣ XIV столѣтія литовцы отличались
своимъ вооруженіемъ; по одному извѣстію, они любили сражаться
lanceis, между тѣмъ какъ русские выступали съ луками и стрѣлами.

Во всякомъ случаѣ, княженіе Гедемина начинаетъ собою новую
эпоху литовско-русской исторіи. Самымъ виднымъ фактомъ этого кня-
женія было включеніе въ составъ литовско-русского государства огром-
наго пространства русскихъ земель, чѣмъ надолго опредѣлились судьбы
этого государства. Къ сожалѣнію, извѣстія о покореніи Литвою за-
падно-русскихъ земель, или крайне скучны, или весьма искажены.
В. Б. Антоновичъ подвергъ ихъ весьма тщательному критическому
пересмотру.

Въ виду важности этого событія мы остановимся на немъ по-
дробнѣ.

(Прод. следуетъ).

¹⁾ Monum. Pol. III, 176.

²⁾ Strages maxima facta est in militibus per Lithuanos et dux Kazimirus,
dux Lancicie occiditur pere osdem. Mon. Pol. III, 186.

КРИТИКО-БИБЛIOГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ.

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, УСЛОВІЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ И ПРИЧИНЫ УПАДКА.

II. *

По мнѣнію В. Б. Антоновича, „древнѣйшее владѣніе, пріобрѣтенное литовцами на Руси еще въ первой половинѣ XIII столѣтія и служившее основнымъ ядромъ, около которого слагалось литовско-русское государство, составляла Черная Русь съ городами: Новгородскомъ, Здитовомъ, Гродномъ, Слонимомъ и Волковыскомъ“ (стр. 4). Къ сожалѣнію, въ достовѣрныхъ источникахъ не дошло до насъ никакого извѣстія о покореніи Литвою этого участка, и о завоеваніи его говорить только вторая литовская лѣтопись, сохранившаяся въ рукописи Быховца и познанской,¹⁾ По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Смоленскъ должно признать первымъ русскимъ городомъ, противъ которого устремились литовцы съ цѣлью захвата. Татарское нашествіе на Русь доставило имъ полную возможность завоеваній, ослабивъ русскія военные силы, тогда какъ силы литовцевъ остались нетронутыми, и послѣ 1250 г.²⁾ Литва заняла Полоцкъ.

¹⁾) См. Унив. Изв. №№ 3 и 5.

²⁾) В. Б. Антоновичъ, стр. 23.

²⁾) Ср. у Bonnell'я: Russisch-litländische Chronographie, St.-Petersburg 1862, Commentar, s. 83.

Ростъ литовско-русского государства нѣсколько замедлился послѣ смерти Миндове и обнаружилъ съ особенною силою въ правлениѣ Гедемина, истиннаго продолжателя начинаній Миндове. Въ промежуточное время между княженіями этихъ основателей литовско-русского государства также должны были происходить территориальная приращенія.

Говоря о занятіи литовцами Тuroво-Пинской земли, В. Б. Антоновичъ оставилъ въ сторонѣ находящееся въ Воскресенской лѣтописи извѣстіе о присоединеніи Видомъ къ Литвѣ Деревской земли, а Витебскъ—земель до Буга. Быть можетъ, В. Б. Антоновичъ обошелъ это извѣстіе по обычной своей осторожности, руководясь тѣмъ, что оно передано въ позднѣйшемъ источникѣ; тѣмъ не менѣе, оно заслуживаетъ вниманія¹⁾.

Относительно Витебска, присоединеннаго къ Литвѣ при Гедеминѣ, замѣтимъ, что онъ уже въ XIII столѣтіи тяготѣлъ къ литовскому князю, сидѣвшему въ Полоцкѣ.

В. Б. Антоновичъ, перечисливъ земли, дѣйствительно признававшія, по его мнѣнію, власть Гедемина, обращается къ разбору преданій о завоеваніи Гедеминомъ Волыни и Киевской земли, которыми по его словамъ, „присоединены были гораздо позже къ великому княжеству Литовскому“ (стр. 52).

Завоеваніе Волыни и Киевскаго княжества было весьма важнымъ событиемъ въ исторіи литовско-русского государства. Несмотря на упадокъ Киева въ XIV и послѣдующихъ столѣтіяхъ, онъ все еще не вполнѣ лишился своего давнаго значенія, которое не могло быть такъ скоро забыто, и продолжалъ еще нѣкоторое время считаться религіознымъ центромъ Руси, хотя митрополія была перенесена на сѣверъ; не вполнѣ изгладилось изъ памяти народа и политическое его значеніе. Витовтъ выразился такъ однажды о Киевѣ: „Kywen ein hepth ist

¹⁾ Необходимо только примирить разногласіе источниковъ относительно именъ князей, правившихъ въ Литвѣ послѣ Тройдена. Несомнѣнно, что нѣкоторыя не одинаково переданныя имена относятся къ одному и тому-же лицу. Опыты соглашенія противорѣчій см. у Карамзина, Voigt'a, Даниловича (Skarbiec I, № 229) и въ Script. rer. Pruss. I, 146, Ann. 2.

von alders aller Russischen landen“¹⁾). Присоединение Киева къ Литвѣ должно было значительно усилить авторитетъ послѣдней въ глазахъ русской народности. Съ паденiemъ галицко-волынскаго княжества со-биранiemъ западно-русскихъ земель могла заняться исключительно Литва, между тѣмъ какъ до того времени она имѣла весьма сильныхъ соперниковъ въ лицѣ галицко-волынскихъ вкзей. Правда, Польша также заявила притязанія на ихъ наслѣдие, но въ теченіи долгаго времени споръ шелъ только о западной Волыни и о Подольѣ. Вмѣстѣ съ Киевомъ Литвѣ досталось огромное пространство приднѣпровскихъ земель, которыя, на ряду съ Волынью и Подольемъ, сдѣлались лучшими областями Литвы, какъ потомъ—Польши. Присоединеніе этихъ земель чрезвычайно усилило Литву и окончательно доставило перевѣсь въ ней русскому началу. Ясно изъ этого, насколько важенъ вопросъ о времени и обстоятельствахъ подчиненія Литвою Волыни и Киевскаго княжества. Вопросъ этотъ поднять въ исторической наукѣ не такъ давно, въ 40-хъ годахъ, въ извѣстной книгѣ Стадницкаго „Synowie Gedymina“. До того времени лишь повторяли въ продолженіи $2\frac{1}{2}$ столѣтій разсказъ, занесенный въ хронику Стрыйковскаго, не сомнѣваясь въ полной его достовѣрности. Стадницкій, не отрицая самого факта за-воеванія южной Руси Гедеминомъ, не нашелъ возможнымъ согласиться съ поставленной у Стрыйковскаго хронологическою датою и попытался установить время дѣйствительного присоединенія южной Руси къ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ решеніе вопроса почти вовсе не подвинулось до появленія „Очерка исторіи великаго княжества Литовскаго“ В. Б. Антоновича, и нельзя не поблагодарить автора этой книги за то, что онъ посвятилъ обстоятельный трактатъ извѣстіямъ объ этомъ событии и подвергъ ихъ тщательному разсмотрѣнію. Разборъ разсказа о поко-реніи Гедеминомъ южной Руси привелъ В. Б. Антоновича къ отри-цанію этого события и къ отнесенію его въ позднѣйшее время.

В. Б. Антоновичъ превосходно доказалъ невѣроятность извѣстія объ одновременномъ завоеваніи Волыни и Киева Гедеминомъ въ 1319—21 гг. и освѣтилъ всю недостовѣрность этого разсказа, кото-

¹⁾) Editionum collegii historici Acad. literarum Cracoviensis № 23. Codex epistolaris Vitoldi, collectus opera Antonii Prochaska, Cracoviae 1882, p. 780.

рый нашелъ досту́пъ въ весьма многія ученыя изслѣдованія и учебники. Кроме того, замѣчаніемъ, что „события въ повѣстованиі лѣтописи Быховца насильственно сведены лѣтописцемъ въ одну картину“ (стр. 63), В. Б. Антоновичъ проложилъ дорогу правильному и критически-научному отношенію къ этому сказанію, а равно собралъ немало матеріала для рѣшения вопроса.

Послѣ труда г. Антоновича нѣкоторое разногласіе возможно на нашъ взглядъ только въ различії отдѣльныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ составлено сказаніе лѣтописи Быховца, и въ опредѣленіи источниковъ и цѣнности различныхъ частей этого сказанія, и мы позволимъ себѣ значительно отступить отъ мнѣнія г. Антоновича, что завоеваніе Киева и вообще южной Руси вовсе не имѣло мѣста при Гедеминѣ (Г. Антоновичъ, какъ увидимъ, предполагаетъ, что Гедеминомъ была отнята только Подляхія). Въ виду того, что вопросъ все еще не можетъ считаться рѣшеннымъ, предложимъ нѣсколько гипотетическихъ соображеній.

О времени завоеванія Волыни Литвою мы подробнѣе поговоримъ въ иномъ мѣстѣ, а здѣсь ограничимся немногими замѣчаніями о томъ и перейдемъ къ рассказу о завоеваніи Киева.

Ізвѣстіе о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ, безспорно, заключаетъ въ себѣ немало анахронизмовъ на первый взглядъ и не можетъ быть принято историческою наукой *въ томъ видѣ, въ какомъ зачесено во вторую литовскую лѣтопись (Быховца) и въ хронику Стрыйковскую*, но сущность этого извѣстія заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія, а равно и многія подробности. Слѣдуетъ только отнести къ нему не какъ къ строгому документальному или лѣтописному свидѣтельству современника, а какъ къ позднѣйшей передачѣ и своду первоначальныхъ данныхъ. Раскраска скучныхъ извѣстій первоисточниковъ, произвольное сопоставленіе ихъ свидѣтельствъ и дополненіе по собственному усмотрѣнію были нерѣдки у польскихъ и литовско-русскихъ историковъ XV и XVI-го стол. Какъ извѣстно, Длугошъ и Стрыйковскій допустили немало подобныхъ погрѣшностей. Сказаніе о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ представляетъ именно такого рода распространеніе и произвольную обработку первоначально вполнѣ достовѣрныхъ, но относившихся къ *разновременнымъ* происшествіямъ извѣстій, и мы не находимъ возможнымъ отринуть вполнѣ это сказа-

ніе и не считаемъ вымыщленными реъ его подробности; не выдерживаетъ критики только общая комбинація.

Такъ какъ и Стрыйковскій, и Густынская лѣтопись, подробно говорящіе о завоеваніи Волыни и Кіева Гедеминомъ¹⁾, черпали изъ второй литовской лѣтописи (такъ наз. лѣтописи Быховца) (В. Б. Антоновичъ, стр. 53), то слѣдуетъ остановить вниманіе преимущественно на разборѣ разсказа этой послѣдней.

При опѣнкѣ повѣствованія второй литовской лѣтописи прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что оно лишено опредѣленной хронологической даты, встрѣчающейся лишь у писавшаго позднѣе Стрыйковскаго. Лѣтопись эта сообщаетъ только, что война Гедемина съ южнорусскими князьями началась, когда онъ „вспокоилъ землю жомоитскую отъ нѣмцовъ“. Очевидно, что изъ такого указанія не вполнѣ ясно время похода Гедемина: онъ могъ случиться сейчасъ послѣ примиренія съ нѣмцами, но могъ также произойти позднѣе. Притомъ нападенія нѣмцевъ на Жмудь при Гедеминѣ возобновлялись нѣсколько разъ²⁾. Отсутствіемъ точной даты отнимается извѣстная доля недостовѣрности, усвоемой сказанію лѣтописи Быховца, хотя съ другой стороны можно думать, что лѣтописатель умышленно не пропустилъ даты, для чего—сейчасъ увидимъ. Такъ какъ годъ описываемыхъ во второй литовской лѣтописи событий не обозначенъ, то нѣть основанія отвергать разсказъ ея въ силу хронологической его несостоятельности, и возникаетъ вопросъ о времени этихъ событий.

Опредѣляя это время путемъ тщательного анализа подробностей разсказа и провѣряя частности посторонними данными, нельзя не признать, что отдельные эпизоды сказанія (не говоримъ: общий ходъ), которыхъ мы насчитываемъ четыре, находять, если только рассматривать ихъ въ отдельности, подтвержденіе въ достойныхъ вниманія свидѣтельствахъ. Мы не признаемъ потому возможнымъ согласиться съ мнѣ-

¹⁾ Извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедеминомъ встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ русскихъ родословныхъ книгахъ.

²⁾ Если исходнымъ пунктомъ сказанія лѣтописи Быховца было въ первоисточникѣ извѣстіе о завоеваніи Гедеминомъ Кіева, то можно допустить, что въ приведенныхъ словахъ разумѣлся рядъ нападеній нѣмцевъ на Жмудь въ 30-хъ годахъ XIV-го столѣтія.

ніемъ В. Б. Антоновича, что „подробности, которыми изобилуетъ этотъ разсказъ,... частью вымышлены, частью же состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій“ (стр. 59). Весьма многія, даже мелкія подробности могутъ быть прияты послѣ провѣрки.

Начнемъ съ разсказа о столкновеніи Гедемина съ Волынскими князьями. Вторая лѣтопись говоритъ, что ранѣе другихъ войнъ Гедемина съ южнорусскими князьями произошла стычка его съ Владимірскимъ княземъ: „и пошелъ на князи Русскія, и приде напередъ къ городу Володимиру“, князь которого назывался также Владиміромъ. Самъ В. Б. Антоновичъ допускаетъ, что „несомнѣнно въ началѣ своего княженія Гедеминъ велъ войну съ Галицко-Володимірскими князьями“, что „Подляхія вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго“, и самъ готовъ признать нѣкоторую долю достовѣрности за этой частью повѣстованія лѣтописи Быховца (стр. 64—65). Зацищаая ее, мы имѣемъ, стѣдовательно, опору уже въ столь авторитетномъ мнѣніи автора „Очерка исторіи великаго княжества литовскаго“. Мы рѣшаемся пойти дальше по проложенной имъ дорогѣ и расширить количество данныхъ, которые могутъ быть признаны достовѣрными. Не раздѣляя мнѣнія В. Б. Антоновича о томъ, что „послѣдній князь Волынскій, носившій имя Владиміра, былъ внукъ Даніила Романовича—Владиміръ Васильковичъ“, который „не могъ принимать участія въ войнѣ противъ Гедемина“ (стр. 59—60), я сошлюсь, вслѣдъ за гг. Стадницкимъ и Шараневичемъ, на факты, свидѣтельствующіе, что въ первой четверти XIV-го вѣка былъ во Владимірѣ-Волынскомъ князь, носившій имя Владиміра¹⁾). Автору были известны эти факты, и онъ, по поводу догадки Стадницкаго, что „князь Владиміръ (по лѣтописи Быховца) вѣроятно тоже лице, что и Андрей Юрьевичъ, кото-

¹⁾) Въ дополненіе къ указаніямъ этихъ ученыхъ обратимъ вниманіе еще на одно упоминаніе о князѣ Владиміре первой четверти XIV-го в.: Стрыйковскій называетъ такъ Владимірскаго князя, отца Любартовой жены. Интересно далѣе, что князь Владиміръ упомянутъ Стрыйковскимъ въ извѣстіи о покореніи Литвою пинскихъ земель (Stryjkowski, I, 381—382). Ясно, что это имя встрѣчалось не только въ разсказѣ лѣтописи Быховца о покореніи Литвою Волыни и Кіева, но и въ другихъ источникахъ.

рый могъ носить, по обычаю того времени, два имени: мірское и церковное¹⁾, замѣчается: „предположеніе это устраниется уже на томъ основаніи, что оба имени: Владимиръ и Андрей—церковныя, а не мірскія“ (стр. 60, примѣч. 1). Мы позволимъ себѣ указать на то, что церковное имя Владимира I—было Василій, а Владимира Василько-вича—Іоаннъ²⁾, какъ назывался и одинъ изъ незаконныхъ сыновей послѣдняго галицкаго князя изъ дома Ростиславичей³⁾. Точно также и одинъ изъ Владимира князей первой четверти XIV-го в. могъ имѣть двойное имя. Мы только не беремся рѣшать, о комъ это должно сказать, о Юрии ли I, какъ думаетъ г. Шараневичъ⁴⁾, или объ Андреѣ Юрьевичѣ, какъ думаетъ г. Стадницкій; отаемъ, впрочемъ, предпочтеніе послѣднему предположенію. Помимо того обстоятельства, что Владимиръ, по лѣтописи Быховца, княжилъ одновременно съ Львомъ Луцкимъ,⁵⁾ обратимъ вниманіе на то, что Гедеминъ, по этой лѣтописи, не завоевывалъ Берестья и другихъ лежавшихъ съвернѣе Владимира городовъ, а пошелъ прямо ко Владимиру. Съ этимъ соглашаются приведенное выше извѣстіе Воскресенской лѣтописи о присоединеніи Берестья и Черной Руси къ Литвѣ уже при Витенѣ, извѣстіе, переданное Стрыйковскимъ, о томъ, что Левъ Луцкій пытался отнять Берестье и Дрогичинъ у Гедемина, и сообщеніе Равданской рукописи о томъ, что, въ концѣ 1315 г., когда умеръ Витенъ, Гедеминъ находился въ походѣ противъ русскихъ князей⁶⁾. Мы

¹⁾ Ср. у Зубрицкаго: Исторія древняго галичско-русскаго княж., III, 250.

²⁾ Жена Владимира Васильковича причитывала надъ нимъ: „воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеніи Иванъ“ (Ил., 604).

³⁾ Одинъ изъ сыновей Владимира Ярославича Галицкаго назывался Іоанномъ Владимиromъ. Theiner, Vetera monumenta historica, Hung. sacram illustrantia, I, № 16, р. 9.

⁴⁾ Ист. Гал.-Волод. Руси, стр. 128, прим. 3.

⁵⁾ Андрей Юрьевичъ Владимиро-Волынскій также княжилъ одновременно съ Львомъ. См. грамоту его 1320 г.

⁶⁾ Narbutt, Dzieje nar. lit., t. IV, 466. Свѣдѣнія о Равданской рукописи Нарбуттъ сообщилъ въ 1-мъ томѣ на стр. 159. О той-же войнѣ въ концѣ 1315 г. и въ началѣ 1316 г. Нарбуттъ упоминаетъ на стр. 469, предполагая, что она была вызвана территоріальнымъ расширеніемъ Литвы съ юга насчетъ русскихъ областей.

даже готовы признать вѣроятнымъ самый фактъ гибели Владимірскаго князя въ этой борьбѣ: какъ известно, въ 1324 г. ни Владимірскаго князя, ни Льва Луцкаго уже не было въ живыхъ¹⁾). Эта хронологическая дата не противорѣчитъ сказанію 2-й лит. лѣтописи о томъ, что война Гедемина съ волынскими князьями случилась вскорѣ послѣ улаженія отношеній къ вѣмцамъ. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, нельзя отвергать подробности разсказа лѣтописи Быховца о войнѣ Гедемина съ Владимірскимъ княземъ. Вымысломъ должно признать лишь выставленный 2-ю лит. лѣтописью результатъ этой войны, т. е. подчиненіе Гедеминомъ Владиміра-Волынского тотчасъ послѣ этого пораженія Владимірскаго князя, правившаго не позднѣе 1324 г. Присоединеніе Владиміра къ Литвѣ произошло, какъ это неопровержимо доказываютъ выдвинутые В. Б. Антоновичемъ факты, только 20 лѣтъ спустя. Тогда также не обошлось, по всей вѣроятности, безъ борьбы,²⁾ и вотъ, быть можетъ, въ силу этой аналогіи и слито было болѣе раннєе извѣстіе о походѣ Гедемина на Владиміръ съ извѣстіемъ о полномъ подчиненіи этого города, относившимся къ послѣднему году княженія Гедемина, къ какому должно пріурочить занятіе Литвою Владиміра-Волынского. На первый-же разъ дѣло окончилось полнымъ присоединеніемъ къ Литвѣ Берестья и окрестныхъ земель, несомнѣнно послѣ смерти Андрея и Льва уже не принадлежавшихъ преемнику ихъ, Юрію II-му, который, какъ мы скажемъ о томъ въ иномъ мѣстѣ, былъ не кто иной, какъ пресловутый Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій³⁾). О томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, грамота

¹⁾ До сихъ поръ указываютъ мѣсто погребенія этого Владиміра. См. „Труды Вол. губ. статистич. комитета на 1867 г.“, „Исторический очеркъ Волыни“, стр. 53, примѣч.

²⁾ Мы не находимъ возможнымъ принять извѣстіе 1-й литовской лѣтописи, изданной Іаніловичемъ, о томъ, что Волынская земля перешла къ Любарту Гедеминовичу въ качествѣ наслѣдія по смерти тестя его, Владимірскаго князя, и что „слѣд., она не была завоевана Гедеминомъ“ (Б. В. Антоновичъ. стр. 52). Мы считаемъ это извѣстіе тенденціознымъ, если только усвоить ему тотъ смыслъ, какой придаютъ ему, и доказательства представимъ въ изготовленной нами къ печати монографіи по истории южной Руси во второй половинѣ XIII-го стол. и въ первой XIV-го.

³⁾ Что Берестье и Черная Русь не принадлежали къ Галичу и Во-

его 1339 г., давно изданная, но доселѣ остававшаяся неизвѣстно русскимъ изслѣдователямъ.

Разсказавъ о столкновеніи Гедемина съ Владимірскимъ княземъ, 2-я литовская лѣтопись сообщаетъ затѣмъ о борьбѣ его съ княземъ Луцкимъ—Львомъ. Этотъ второй отдѣлъ сказанія лѣтописи Быховца можетъ быть обоснованъ не менѣе перваго. Личность князя Льва Луцкаго въ первой четверти XIV-го в., а равно отдѣльность въ то время Луцка отъ Владимира-Волынскаго не подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; это признаетъ и В. Б. Антоновичъ. У Стрыйковскаго есть заимствованное не изъ лѣтописи Быховца, а изъ какого-то другаго источника, извѣстіе о войнѣ этого князя съ Литвою за Подляхію. Вполнѣ правдоподобнымъ является фактъ борьбы этого князя въ отдѣльности отъ Владимирскаго князя. Мы думаемъ лишь, что Левъ Луцкій погибъ, если только это случилось во время войны съ Литвою¹⁾), ранѣе борьбы Гедемина съ Владимірскимъ княземъ: повидимому, Льва Луцкаго не было въ живыхъ уже въ 1320 г., отъ какового года имѣется грамота, писанная отъ имени одного Андрея, между тѣмъ какъ въ грамотѣ 1316 г. поименованы оба князя. Притомъ 2-я литовская лѣтопись, говоря о походѣ Гедемина ко Владиміру-Волынскому, не упоминаетъ о покореніи Подляхіи, что должно было, такимъ образомъ, совершиться раньшѣ. Во всякомъ случаѣ, достойно вниманія, что сама литовско-русская лѣтопись отдаляетъ войну Гедемина съ Луцкимъ княземъ отъ войны его съ Владимиро-Волынскими.

Переходимъ къ извѣстію лѣтописи Быховца о покореніи Гедеминомъ Житомира и Овручъ. По словамъ этой лѣтописи, округъ назван-

лыни при Юрії II-мъ, доказываетъ грамота послѣдняго, въ которой перечислены воеводы, сидѣвшіе въ главныхъ городахъ галицко-волынской земли: Берестейскій воевода не названъ въ ней.

¹⁾ По сказанію литовско-русской лѣтописи, Луцкій князь былъ убитъ позднѣе—во время движенія Гедемина къ Киеву. В. Б. Антоновичъ не придаетъ (стр. 60), повидимому, значенія извѣстію этой лѣтописи о гибели Владимирскаго и Луцкаго князей въ битвахъ съ Литвою, ссылаясь на письмо современника этихъ князей—польского короля къ папѣ, въ которомъ говорится, что они „decesserunt ex hac luce“. Но эти слова неопределены и не даютъ яснаго понятія о причинѣ смерти лицъ, къ которымъ относятся.

ныхъ городовъ принадлежалъ къ киевскому княжеству и былъ занятъ Гедеминомъ предъ завоеваниемъ Киева.—В. Б. Антоновичъ, обвиняя литовско-русскую лѣтопись въ топографическихъ анахронизмахъ, говорить: „города киевской области названы въ разсказѣ этой лѣтописи сообразно съ ихъ позднѣйшимъ значеніемъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ“. Житомиръ и Овручъ В. Б. Антоновичъ причисляетъ къ тѣмъ городамъ, въ „которыхъ существовали „господарскіе замки“ и которые служили центрами управлениія „повѣтовъ“ только со времени Витовта“ (стр. 61—62), и этимъ какъ-бы хочетъ сказать, что извѣстіе о подчиненіи этихъ городовъ въ качествѣ важнѣйшихъ пунктовъ киевской земли при Гедеминѣ должно считать вымысломъ.

Что касается Житомира, то есть полное право думать, что онъ и до Витовта былъ уже значительнымъ городомъ. Онъ является въ числѣ городовъ, названныхъ Свидригайломъ въ запискѣ, сообщенной нѣмецкому ордену, а въ ней упомянуты главнѣйшіе города литовской Руси. Житомиръ оказывается въ числѣ значительнѣйшихъ городовъ Литвы и въ грамотѣ Казимира IV 1441 г. Въ половинѣ XV-го столѣтія велъ торговлю съ Данцигомъ¹⁾). Естественно, что онъ не могъ такъ возрасти въ нѣсколько лѣтъ²⁾.

Равнымъ образомъ и Овручъ могъ пользоваться значеніемъ виднаго земскаго центра не только при Витовтѣ, но и во времена Гедемина. Подъ 1202 г. Овручъ упомянутъ въ лѣтописи по кенигсбергскому списку³⁾, какъ городъ киевскаго княжества. Насколько можно судить на основаніи Любечскаго помянника, въ Овручѣ сидѣли послѣ татарскаго нашествія князья черниговской вѣты⁴⁾; такъ какъ нѣкоторые изъ князей этого дома правили по временамъ и въ Киевѣ послѣ татарскаго нашествія, то можно думать, что Овручъ причислялся къ

¹⁾) *Hirsch, Danzigs Handels—und Gewerbegeschichte, Leipzig 1858, s. 175.*

²⁾) Нѣкоторые предполагаютъ, что Житомиръ существовалъ уже во времена татарскаго нашествія (см. „Волынские Губ. Вѣд.“ 1847, ст. „Житомиръ“), но едва ли это можно доказать.

³⁾) Спб. 1767, стр. 297.

⁴⁾) Во времена, непосредственно слѣдовавшее за татарскимъ погромомъ, извѣстіе объ Овручѣ встречается подъ 1259 г.: Ип. 559. Предшествующее упоминаніе, кажется, у Татищева подъ 1219 г.: III, 425.

кіевскому княжеству. Грамоты Владимира Ольгердовича и Александра Владимира вича также указывают на то, что въ составъ кіевского княжества татарского периода входили, между прочимъ, теперешніе уѣзды Житомирскій и Радомышлскій¹⁾). Изъ записи сына Владимира Ольгердовича, Василия Владимира вича, видно, что Овручъ принадлежалъ къ его удѣлу²⁾.

Точно также мы находимъ возможнымъ принять извѣстіе 2-й літовской лѣтописи и относительно другихъ городовъ, которые будто-бы принадлежали къ кіевскому княжеству при Гедеминѣ, пользовались виднымъ значеніемъ въ этомъ княжествѣ въ качествѣ кіевскихъ пригородовъ³⁾ и были покорены Гедеминомъ.

Едвали слѣдуетъ думать, что Бѣлгородъ и Вышгородъ заимствованы авторомъ лѣтописи Быховца изъ старыхъ русскихъ лѣтописей и что въ XIV стол. они уже не были кіевскими пригородами и находились въ упадкѣ съ XIII-го стол. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о Вышгородѣ подъ 1214 г.⁴⁾, а Лаврентьевский списокъ называетъ Бѣлгородскаго епископа подъ 1231 г.⁵⁾ Тѣ же пункты являются *кіевскими городами* въ извѣстномъ географическомъ отрывкѣ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись, гдѣ говорится: „А се грады кіевскіе: Каневъ... Переяславль. Русскій... Бѣлгородокъ. Вышегородъ, Мирославицъ, Тмутораканъ, Остреческій“⁶⁾. Этотъ отрывокъ, доселѣ еще не вполнѣ объясненный, былъ относимъ Ходаковскимъ ко времени Витовта; мы думаѣмъ, что онъ написанъ послѣ смерти Витовта и заключаетъ, быть можетъ, разнообразныя вставки; во всякомъ случаѣ, изъ него явствуетъ, что Бѣлгородъ и Вышгородъ заимствованы 2-ю літовскою лѣтописью не изъ древне-русской лѣтописи, и что они въ мо-

¹⁾ Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warsz. 1853, стр. 33—35.

²⁾ В. Б. Антоновичъ и Козловскій, Грамоты великихъ князей літовскихъ, Кіевъ 1868, стр. 74.

³⁾ О „пригородкахъ“ лѣтопись Быховца говорить и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 56 по изд. Нарбутта.

⁴⁾ Никон. II, 317.

⁵⁾ Лѣт. по сп. Лаврент., стр. 434.

⁶⁾ П. С. Р. Л. VII, 240—241. Поправки текста у Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, № XL (Приложение къ XI-му т. Зап. Ак. Н., № 2, стр. 98—99).

ментъ составленія географическаго отрывка еще не были деревнями. Въ грамотѣ вел. кн. Александра киевскаго мѣщавамъ (1494 г.) говорится: „А Вышгородскаго и Чернобыльскаго и Бѣлогородскаго и Глевацкаго мыта имъ не платити“. Долго держалось и самое название пригородовъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ упоминаемый ниже ярлыкъ Менгли-Гирея¹⁾.

Въ приведенныхъ нами словахъ географическаго отрывка Воскресенской лѣтописи названы киевскими городами почти всѣ пункты, упомяннутые 2-ю литовскою лѣтописью въ разсказѣ о завоеваніи Кieва. Но кромѣ этого свидѣтельства въ защиту литовско-русской лѣтописи можно найти и другія доказы. Сообщаемъ, что намъ удалось подыскать.

Не станемъ распространяться о Каневѣ, о которомъ послѣ татарскаго нашествія упоминаетъ Плано-Карпини. Что касается Черкасъ, то преданіе объ основаніи этого города, существовавшее будто бы у приднѣпровскаго населенія въ XVI стол.²⁾, и въ которомъ, по мнѣнію В. Б. Антоновича, вместо имени Гедемина должно поставить имя Витовта, не можетъ быть выдвинуто противъ лѣтописи Быховца, такъ какъ нельзя приписать ему безусловной вѣрности: вѣдь смысло оно Витовта съ Гедеминомъ, усвоивъ послѣднему и основаніе Канева. Преданіе половины XV в., которымъ, по словамъ В. Б. Антоновича (стр. 63), воспользовался составитель 2-й литовской лѣтописи еще не могло смышивать Витовта съ Гедеминомъ и существовать въ томъ видѣ, въ какомъ передавалось въ XVI в., да и не было надобности составителю литовско-русской лѣтописи знать это преданіе для включенія Черкасъ въ число городовъ Кieвской земли, признавшихъ власть Гедемина. Притомъ, судя по словамъ Папроцкаго, что „Черкасы основаъ какой-то Осташкій“, у черкассцевъ въ концѣ XVI стол. было какое-то

¹⁾ Тотъ-же терминъ пригородовъ встрѣчается и въ русской лѣтописи, въ разсказѣ ея о событияхъ XV-го стол. У сель были приселки. См. напр., Грамоты великихъ кн. лит., собр. и изд. подъ ред. В. Б. Антоновича и К. Козловскаго, К. 1868, стр. 2.

²⁾ Ср. слова Сtryjковскаго объ Ольгердѣ: „Torgowice, Biały—cérkiew, Swinogród, i wszystkie pola aż za Oczaków do Kijowa, i od Putywla aż do ujścia Donu (Litwa) wolne uczynili od tatarów... i wypłoszyli ich aż do Wołgi“.

особеннѣе преданіе¹⁾), а въ метрику литовскую занесено каневское преданіе. Въ началѣ XVII стол. исчезла и память, когда были основаны Черкасы²⁾. Этотъ городъ не могъ быть построенъ Витовтомъ, который засталъ его, покоряя киевскую землю³⁾). Черкасы являются въ ярлыкѣ, которымъ Хаджи-Гирей уступалъ Витовту свои права на Подолье, какъ то можно видѣть изъ цитаты самого В. Б. Антоновича (стр. 150, примѣч.), но основаніе ихъ восходить къ болѣе раннему времени⁴⁾, и городъ Черкасы могъ существовать въ концѣ первой половины XIV в. По словамъ ревизіи каневского замка 1552 г., Черкасы были воздвигнуты Гедеминомъ одновременно съ Каневомъ, а такъ какъ Каневъ возникъ раньше, то не слѣдуетъ ли истолковать преданіе половины XVI стол. такъ, что, по смыслу его, Гедеминъ только возобновилъ Черкасы, которые были разрушены? Черкасы, какъ народъ, упомянуты въ Троицкой лѣтописи въ половинѣ XIV в. рядомъ съ Фрязами (Генуэзцами и Венеціанцами), жившими на сѣверномъ Чёрноморскомъ побережье. Замѣчательно, что, по словамъ Михалона Литвина, въ Крыму въ его время были указываемы „quidam Gedimini ac Vitoldani valles, colli, putei, pontes, viae, fossae et moenia etc.“ Оказывается, что преданіе о походѣ Гедемина въ приднѣпровье было широко распространено въ XVI столѣтіи.

¹⁾ Оно не могло относиться къ Осташію Дацкевичу, жившему въ первой половинѣ XVI в., потому что была-бы названа фамилія послѣдняго: онъ былъ слишкомъ хорошо известенъ.

²⁾ См. цитату изъ рукоп. Спб. Имп. Публ. Библ. у г. Кулиша въ I-мъ т. его „Історії возоединенія Руси“.

³⁾ Лѣтопись, изданная Даниловичемъ, упоминаетъ о Черкасахъ въ разсказѣ о борьбѣ Витовта съ Владиміромъ Ольгердовичемъ.

⁴⁾ *Брунъ*, Черноморье, ч. I, Одесса 1879, стр. 117. Статья Руликовскаго о Черкасахъ въ „Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich, wydany pod redakcyą F. Sulimirskiego, B. Chlebowskiego, W. Walewskiego“, t. I, (Warsz. 1880), str. 803-804. Ср. „Болоховская земля и ея значение въ русской исторії“, стр. 50. Въ числѣ татарскихъ данниковъ у Ruyssbroek'a названы Cherkisii: равнымъ образомъ о нихъ упоминаетъ Benedictus Polonus, спутникъ Илано-Карпини. У кавказскихъ черкесовъ сохранилось преданіе, что предки ихъ обитали нѣкогда въ Крыму. Городъ Czirkassy встрѣчаемъ въ перечнѣ городовъ, принадлежавшихъ Свидригайлу.

О Переяславлѣ встрѣчаемъ упоминаніе послѣ татарскаго погрома у Плано-Карпини и въ галицко-волынской лѣтописи. Что къ Кіеву могли принадлежать волости на лѣвой сторонѣ Днѣпра и послѣ татарскаго нашествія и что къ нему и тогда тянули, по старой памяти, нѣкоторыя лѣвобережныя земли, это становится вѣроятнымъ въ виду нѣсколькихъ отрывочныхъ фактovъ и прежде всего—рассказа о смерти Скиргайла. Владѣль землями за Днѣпромъ и Владиміръ Ольгердовичъ, если считать подлинною грамоту его, польскій переводъ которой напечатанъ Руликовскимъ въ „Opis powiatu Wasylkowskiego“¹⁾. На основаніи грамоты Семена Александровича²⁾ можно, кажется, думать, что къ Кіеву причислялась Прилука. Рассказъ половины XVI-го в., приведенный В. Б. Антоновичемъ (стр. 63), также указываетъ на то, что связь правобережнаго населенія съ Заднѣпровьемъ не была порвана и въ преданіи. Въ концѣ XVI стол. кіевская область также простиравась за Днѣпръ³⁾.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Слѣповродѣ, упомянутомъ во 2-й литовской лѣтописи. Повидимому, существовало населенное мѣсто такого названія. Оно встрѣчается въ перечнѣ городовъ, внесенныхъ въ Воскресенскую лѣтопись, въ числѣ кіевскихъ городовъ: „а на Сѣлѣ Снипорѣ“ (по тексту Срезневскаго). Ярлыкъ Менгли-Гирея 1506 г., перечисляя земли, которыя будто-бы были пожалованы ханомъ великому князю литовскому, говорить: „ибо поченши отъ Кіева, и Днѣпромъ и до устья, и Снепорожъ и Глинескъ со осими ихъ мѣдью, Жолва же, Путивль зъ землями и зъ водами...“⁴⁾

¹⁾ Стр. 33.

²⁾ В. Б. Антоновичъ и К. Козловскій, Грамоты и пр., стр. 20.

³⁾ Въ брошюре *Werещинскою*: „Publika Xiѣdza Wereszczyńskiego z Wereszczyna z ѣaski Bożey Biskupa Kijowskiego i Opata Sieciechowskiego.... W Krakowie Roku Pańskiemu 1594“ (въ концѣ 50-хъ годовъ эта брошюра была перепечатана въ Краковѣ; мы пользовались оригиналымъ изданіемъ, принадлежащимъ краковской Ягеллонской библіотекѣ) говорится о великомъ князѣ Московскому: „ważył się zamek zbudować w własnym gruncie Biskupstwa Kijowskiego nazwiskiem Kuropiem ábo rácze z wieku názwanym na Horodyszczu Murowiejskim od Ostrzã zamku J. K. M. Ukráinnego iedno we dwu mil á od Kijowá ſwe trzynaście mil gdzie iuż y Miasto niemałe osadza sie zbiegi...“ (стр. 3).

⁴⁾ Акты Зап. Россіи, II, 4. Замѣчательно, что и въ приведенномъ

Что касается бѣгства кіевскаго князя въ Брянскъ, то этотъ фактъ, повидимому, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго¹).

Мы разсмотрѣли повѣствованіе лѣтописи Быховца о завоеваніи кіевской земли Гедеминомъ съ историко-географической точки зренія. Попытаемся теперь проявить основной фактъ, передаваемый этимъ повѣствованіемъ, т. е. самое завоеваніе.

Не можетъ быть спора о завоеваніи Гедеминомъ Житомира и Овруча, такъ какъ нѣть никакихъ постороннихъ извѣстій ни за, ни противъ. Мы, съ своей стороны, готовы считать не невѣроятнымъ это завоеваніе въ силу того, что, съ занятіемъ Турово-Пинской земли, Литвѣ не трудно было овладѣть и Деревскою землею, которая не принадлежала къ сильному галицко-волынскому княжеству. По свидѣтельству Плано-Карпини, литовцы дѣлали постоянные набѣги на кіевскую территорію уже въ половинѣ XIII-го столѣтія.

Не такъ съ завоеваніемъ Кieва Гедеминомъ. Указываютъ, въ противовѣсь литовско-русской лѣтописи, на то, что въ 1331 г. въ Кieвѣ сидѣлъ князь Феодоръ, независимо отъ Литвы, и что Кieвомъ онъ владѣлъ еще въ 1362 г., когда Кieвъ былъ отнятъ у него Ольгердомъ, по словамъ Густынской лѣтописи. Тогда-то, по мнѣнію В. Б. Антоновича, и произошло присоединеніе Кieва къ Литвѣ.

Намъ кажется, что показаніе Густынской лѣтописи не можетъ опровергнуть возможности бояче раннаго завоеванія Кieва Литвою, о чёмъ также говорить Густынская лѣтопись.

Какъ признаетъ это самъ В. Б. Антоновичъ, Густынская лѣтопись не говоритъ о завоеваніи Кieва въ 1362 г., она говорить только о смѣщеніи въ этомъ году князя Феодора (стр. 151). Правда, она тутъ же замѣчаетъ, что Ольгердъ началъ владѣть тѣми, которымъ отды его дань давали, но эти слова могли указывать на полное под-

В. Б. Антоновичемъ каневскомъ преданіи XVI в., занесенномъ въ литовскую метрику, говорится о Снепородцахъ, которые таѣзъ названы по имени Снепорода. Это преданіе приводитъ Снепородцевъ въ связь съ позднѣйшимъ населеніемъ кіевской земли. О названіи Слѣпородъ см. въ III-мъ выпускѣ монографій А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ (Варшава, 1881, стр. 68 и сл.).

¹) Болоховская земля, стр. 38.

чинение Киева съ этого времени; притомъ они сильно напоминаютъ подобную же фразу польскихъ историковъ, напр.—Дlugosha. Если наше толкованіе извѣстія Густынской лѣтописи справедливо, то до 1362 г. Феодоръ могъ княжить въ Киевѣ какъ подручникъ великаго князя литовскаго.

Трудно допустить завоеваніе¹⁾ Киева литовцами впервые въ 1362 г. Намъ кажется сомнительной хронологическая дата, выставленная Густынскою лѣтописью. Годы 1360—62 прошли въ усиленной борьбѣ литовцевъ съ немцами. Въ 1362 г. Литва долженствовала въ особенности направлять свои силы для самозащиты, потому что въ этомъ году былъ предпринятъ цѣлый рядъ нападеній со стороны немцевъ: немецкая лѣтопись насчитываетъ четыре похода. Есть указаніе на то, что вмѣстѣ съ Кейстутомъ выступалъ противъ немцевъ въ это время и Ольгердъ²⁾. Въ 1363—64 гг. продолжались военные дѣйствія рыцарей противъ Литвы³⁾. Заставляютъ заподозрить справедливость хронологической даты Густынской лѣтописи и другие факты. Котлубегъ, который, согласно лѣтописи, былъ разбитъ въ этомъ году Ольгердомъ, умеръ предъ 1359 г.⁴⁾ В. Б. Антоновичъ ссылается на документъ 1362 г., по которому Кутлубуга былъ начальникомъ Крымской области (стр. 149, прим. 3).⁵⁾ Послѣднее обстоятельство, если только Кутлубуга этого документа тождественъ съ названнымъ въ литовскихъ лѣтописяхъ, подтверждаетъ наше сомнѣніе, указывая на то, что въ это время часть татаръ была уже вытѣснена изъ Подолья въ Крымъ. Наконецъ, въ документѣ, изготовленномъ въ 1367 г. со стороны немецкаго ордена, Владимира Ольгердовичъ является представителемъ своего отца: значитъ, онъ не былъ еще въ Киевѣ, или же не жилъ въ немъ постоянно. Всѣмъ этимъ мы не отрицаемъ вполнѣ событія,

¹⁾ В. Б. Антоновичъ утверждаетъ (стр. 150—151), что Киевъ былъ занятъ „безъ борьбы“ вслѣдствіе предварительного разбитія татаръ на Подольѣ, и, такимъ образомъ, допускаетъ завоеваніе, хотя и непрямое.

²⁾ Script. reg. Prussicar., II, 81—82, 533, 537

³⁾ Ibid., 84.

⁴⁾ Шараневичъ, Ист., 187.

⁵⁾ Объ этомъ Кутлубугѣ и Кутлубугѣ, который выступаетъ въ актахъ конца XIV-го стол., см. у Бруна: Черноморье, I, 224—225; II, 145.—Подъ 1277 г. въ Ипатскомъ спискѣ также упоминается Котлубуга.

переданного Густынскою лѣтописью, мы стоимъ только противъ толкованія его въ смыслѣ *завоеванія*, встрѣчая хронологическая затрудненія, какъ и завоеваніе Подолья относимъ къ болѣе раннему времени, о чёмъ рѣчь впереди. Всѣ трудности исчезнутъ, если предположить въ 1362 г. не завоеваніе Подолья и Кieва, а лишь смѣщеніе Феодора. Извѣстіе Густынской лѣтописи будетъ согласоваться тогда съ другимъ извѣстіемъ, на которое мы хотимъ обратить вниманіе читателей вслѣдъ за Стадницкимъ.

Принимая къ свѣдѣнію показаніе Густынской лѣтописи, сообщающей о Кieвѣ противорѣчащія нерѣдко и весьма сомнительныя извѣстія, каковыхъ, впрочемъ, въ ней вообще немало¹⁾), не слѣдуетъ оставлять безъ разсмотрѣнія упоминаніе о завоеваніи Кieва, сохранившееся въ такъ называемой Кieво-Печерской рукописи XVII стол.²⁾: „*B auto*

¹⁾ Напр., она утверждаетъ, что Кieвъ принадлежалъ одно время Калитѣ. П. С. Р. Л. II, 348.

²⁾ Такъ обозначена эта рукопись Стадницкимъ въ *Syn. Ged.* t. II, Lwów 1853, стр. 26 и прим. 45. Бѣлѣвскій сопровождается выписку, приведенную изъ нея, такою цитатой: „*Rekordist mezyhorski*, str. 104“ (Bibl. Ossol., poczet nowy, t. III, Lwów 1863, str. 361, nota), что правильнѣе. На верхней доскѣ пергам. переплета этого манускрипта вытиснута золотомъ надпись: „Лѣтописи Волыни и Оукраїни“. Рукопись представляетъ собою сборникъ нѣсколькихъ лѣтописей, заключающихъ въ себѣ рядъ извѣстій, нигдѣ до сего не встрѣчавшихся. По всей вѣроятности, одну изъ этихъ лѣтописей имѣлъ въ виду Стадницкій, говоря о неизданной Кieвской лѣтописи (Olgierd i Kiejestut, str. 157, прим.) Въ половинѣ прошлаго столѣтія рукопись поступила въ книгохранилище Львовскаго Юрьевскаго монастыря. Въ настоящемъ столѣтіи она, какъ намъ передавали, принадлежала Свято-Онуфріевскому Базиліанскому монастырю во Львовѣ, откуда была взята извѣстнымъ польскимъ ученымъ Бѣлѣвскимъ и, вмѣстѣ съ другими манускриптами Бѣлѣвскаго, поступила послѣ его смерти въ библіотеку Института Оссолинскихъ во Львовѣ, директоромъ котораго былъ Бѣлѣвскій въ послѣдніе годы своей жизни. Въ „Русалкѣ Днѣстровой“ (Будимъ, 1837) помѣщено (на стр. 122—129) описание манускриптовъ монастыря св. Василія Вел. во Львовѣ, составленное Я. Ф. Головацкимъ, но тамъ нашъ сборникъ уже не значится, а равно мы не встрѣтили упоминанія о немъ у Дудика (Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien, Wien 1867). Въ рукописномъ каталогѣ манускриптовъ Института Оссолинскихъ Межигорская рукопись значится

жъштъ. Гедими^н кніа^з літовски^и, повсталъ на князя кіевскаго Станислава и побѣди^л его з ру^кимъ и татарскій во^ско^ю на рѣкою Ирпѣ^ю, и пронавши татаръ Кіевъ в свою власть взя^л“¹).

подъ № 2168. Въ бытность нашу во Львовѣ осенью 1879 г. мы не успѣли разсмотрѣть эту рукопись, не предполагая по рассказу о ней, что она могла быть занесена въ каталогъ подъ тѣмъ названіемъ, съ какимъ тамъ значится, и ознакомились съ ея содержаніемъ лишь въ маѣ 1880 года благодаря В. Б. Антоновичу, сообщившему номеръ ея по каталогу, за что долгомъ считаемъ выразить нашу искреннюю признательность В. Б. Антоновичу. На ту же рукопись указалъ г. Шараневичъ въ 1880 году: „Pamiętnik pierwszego zjazdu historycznego polskiego imienia Jana Długosza, Kraków 1881“, str. 38. Подробное описание Межигорской рукописи, составленное В. Б. Антоновичемъ, а равно одна изъ статей ея уже явились въ юльской книжкѣ „Кievskoy Stariны“ 1882 г. (стр. 97—105):

¹) Тоже извѣстіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Межигорской рукописи. На стр. 72, въ отдѣлѣ „Ш Литвѣ“, послѣ разсказа объ Эрдивилѣ, говорится: „По смерти за^л того Ердивила кніаза, пото^{ки} его почали шире^е па^{ст}во свое в зе^лѣ ру^кой^и ро^зширятъ, которы посполу и^и съверо^и и с Кіевомъ, волынне^и и подо^емъ и иными па^{ст}вы щдержали. В^и року за^хат^и Гедими^н кніа^з літовски^и повсталъ на кніазѣ кіевскаго Станислава, и побѣди^л его з^и кіевски^и и татарскимъ во^скомъ на^и рѣкою Ирпѣ^ю, и Кіевъ в^и свою вла^{ст}ь взя^л, и зостава^л Кіевъ по^з літовскою вла^{ст}ю ажъ до князя літовскаго Іаге^{ло} которы^и поты^и зосталъ короле^м Поль^{ши}, а што^и по^з королевскою вла^{ст}ю Кіевъ ажъ до Гетмана Хмѣни^{кого} зосталъ“. — На стр. 80-й, между прочимъ, говорится: „В лѣто с^хвіл^и. Умеръ кніа^з літовски^и Гедиминъ, которы^и выгна^л татаръ с Кіева, и Кіевъ взя^л во свою вла^{ст}ь, а поне^х съль съ^х его ш^игердъ въ літвѣ.—На стр. 90, упомянувъ о завоеваніи Кієва Гедеминомъ, лѣтопись продолжаетъ: „Поты^и Гедими^н кніа^з літовски^и выгна^л татаръ съ Кієва, и владѣли Кіевомъ кніази літовскіи. Которы^и Гедими^н бы^л в^и лѣто с^хвіл^и а поне^х Іаге^{ло} кро^н полскіи^и под^{ал}ъ Кіевъ и всю зе^лю малороссійскую по^зкролевство Поль^{ское}; а што^и того часу король Поль^{ский} владѣли Кіевомъ до Гемана Хмѣни^{кого}. — А батіна, до Гедимина, бы^л Кіевъ по^з вла^{ст}ю татарскою, лѣть сто. А ш^и Гедимина бы^л Кіевъ подъ властью Літовскою.“ Внизу на полѣ припи-

Несомнѣнно, что подобное же, если не тоже самое, извѣстіе положено въ основу сказанія 2-й литовской лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедеминомъ: какъ въ лѣтописи, такъ и въ Межигорской рукописи встрѣчаемъ одинаковыя подробности: князя Станислава, битву при Ирпени. Лѣтопись Быховца передаетъ исторію покоренія Кіева только подробнѣ-

сано: „^о Гедимина до кролевства *Iare*^o лѣса по^o властю литовскою бы^o Кіевъ лѣтъ й.“—На стр. 11-й говорится о Кіевѣ: „и стогала тата мона^o хла и книаженіе ажъ до царя татарскаго *Batia* лѣ^o Ѳос, а татарове владѣли Кіевомъ лѣтъ сто, ажъ до книазія литовскаго Гедимины коли шпановаль Кіевъ Гедиминъ року *хлтма*“.—Такимъ образомъ, извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедеминомъ повторяется нѣсколько разъ въ Межигорской рукописи съ небольшими различіями въ хронологическихъ датахъ. Повидимому, оно уцѣлѣло не въ одной только этой рукописи. Въ концѣ ея на оставшихся двухъ чистыхъ листкахъ Бѣлѣвскимъ написано:

Do str. 104

Na tey stronicy mówi rocznikarz: „W leto 6841 (1333 p. Chr.) Gedymin... wziął.“

Do ztwardzenia tego zdarzenia posłużyć może nastepujacy szczegół za- ciągniony w roczniku przy tłumaczeniu polskiem Nestora znajdującym się na str. 32 (w moim odpisie str. 68).

„Anno 1333. Albracht Gastoldus Palatinus Vilnensis fundavit arcem et monasterium inter Kijoviam et Czernichoviam super fluvium Ostr extra Boristhenem et Desnam, fluvios in bonis suis hereditariis (sic), et tradidit villas: Wypołczow, Philipowszczyzna, Jestaminka, Krochajew, Rodenkowicze, Zuwin, Czerwin, Zowłyńsczyzna, Prorokowszczyzna, et circa monasterium ac arcem oppidum Ostr, ac stagna, in Czerwin stagnum ex Boristhene toni dwie, in Chodenkowicze stagnum ex Desna, toni dwie, in Krochajew stagnum ex Desna tonia jedna, in Jalmunka stagnum ex Desna toni dwie, et stagnum civitatense ex Desna tonia jedna. Cum vero illud cum arce monasterium subvererent Tartari, non est amplius reddificatum: unde Sigismundus Augustus arcem solam reddificavit et primum Capitaneum Ostrensem Constantinum Ratomski instituit.“.

Gastold był istotnie hetmanem Gedymina, jak to widać z kroniki Bychowca (wyd. Narbutta str. 14)...“

Стрыковскій считаетъ родоначальникомъ Гаштольдовъ Skoldon'a, котораго онъ называетъ Stoldonem, упоминаемаго лѣтописами подъ 1313 г.

нѣе. Нельзя думать, что извѣстіе Межигорской рукописи заимствовано изъ литовско русской лѣтописи: не говоря о томъ, что въ Киево-Печерской рукописи оно сопровождается хронологическою датою, какой нѣть въ лѣтописи, оно исполнено въ послѣдней амплификації, не встрѣчающихся въ Межигорскомъ манускриптѣ. Съ другой стороны, повѣствование Межигорской рукописи не заключаетъ въ себѣ никакой несообразности, между тѣмъ какъ въ сказаніи литовско-русской лѣтописи есть нѣсколько очевидныхъ искаженій и анахронизмовъ. Остается допустить, что литовско-русская лѣтопись и Межигорскій манускриптъ черпали изъ одного источника, таєкъ какъ въ противномъ случаѣ будетъ непонятно совпаденіе частностей въ обоихъ извѣстіяхъ. Притомъ, отрицая тотъ фактъ, что въ основу сказанія 2-й литовской лѣтописи о завоеваніи Киева было положено извѣстіе въ родѣ сохранившегося Межигорскаго манускрипта, трудно будетъ объяснить возникновеніе этого сказавія.

Н. Дашиевичъ.

(Прод. следуетъ).

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, УСЛОВІЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ И ПРИЧИНЫ УПАДКА *).

Весь вопросъ о времени присоединенія Киева къ Литвѣ сводится, такимъ образомъ, къ проверкѣ факта, сообщеннаго въ Межигорской рукописи. Выдумывать его не было никакой подобности и интереса въ періодъ, предшествовавшій 1569 г., такъ какъ до того времени изъ-за Киева не было споровъ у Литвы съ Польшею¹), а еслибы и происходили они, то для решенія ихъ было безразлично, быль-ли покоренъ Киевъ Гедеминомъ или Ольгердомъ. Послѣ Люблинской унії известіе о за-воеваніи Киева, переданное Межигорскою рукописью, не могло быть измыщено²). По всей вѣроятности, оно заимствовано ею, какъ и некоторые другія указанія, сохранившіяся исключительно ею, изъ болѣе древняго манускрипта. Легенда о завоеваніи Киева Гедеминомъ не могла быть выдумана и ради большаго возвеличенія этого князя: въ Межигорскомъ манускрипте она стоитъ особнякомъ. Сообщенію этой рукописи противорѣчить, повидимому, известіе русскихъ лѣтописей о томъ, что въ 30-хъ годахъ XIV-го стол. въ Киевѣ княжилъ не Стани-славъ, а Феодоръ, но это противорѣчіе не имѣетъ слишкомъ серьезнаго

^{*}) См. Унів. Изв. №№ 3, 5 и 8.

¹⁾ Ср. у Максимовича: Собрание сочиненій, т. I, Киевъ 1876, стр. 150—151.

²⁾ Въ Межигорской рукописи есть подробность (объ участіи татаръ), не вошедшія въ лѣтопись Быховца, но включенная въ хронику Стрыйковскаго, писавшаго во второй половинѣ XVI вѣка.

значенія: Феодоръ могъ носить, по обычаю того времени, свѣтское имя Станислава (не Святослава-ли скорѣе?) ¹⁾, да и другіе извѣстные факты не только не подрѣваютъ разбираемаго извѣстія, но, напротивъ, даже объясняются имъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ тридцатыхъ годахъ XIV-го вѣка въ борьбѣ Литвы съ немецкимъ орденомъ замѣчается перерывъ и какъ-бы раздѣлъ. Въ „Die altere Chronik von Oliva“ читаемъ: „....per XXXVI. annos nihil notabilis mali in terra factum est per Letwinos“ ²⁾). Это не совсѣмъ вѣрно, но все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIV вѣка мирныя отношенія Литвы и ордена не нарушались ³⁾—фактъ, довольно рѣдкій въ исторіи Литвы XIII и XIV столѣтій. Вполнѣ правдоподобнымъ является засвидѣтельствованное Межигорскою рукописью и литовско-русской лѣтописью присутствіе татаръ въ войсѣ кievскаго князя. Русскія лѣтописи упоминаютъ о татарскомъ баскакѣ въ Кіевѣ подъ 1331 г. Татары, считая Кіевъ и южную Русь своимъ владѣніемъ, должны были отстаивать ихъ противъ литовцевъ, и подъ 1336 г. въ русскихъ лѣтописяхъ значится, что татары воевали Литву; предшествующій походъ ихъ на Литву относится къ 1324 г., что также даетъ поводъ думать, что онъ былъ обусловленъ движеніемъ литовцевъ на южную Русь ⁴⁾). Враждебное отношеніе татаръ къ Литвѣ при Гедеминѣ и Ольгердѣ ⁵⁾ объясняется завоевательными стремленіями Литвы. При этомъ необходимо различать татаръ, подъ чьей-кою властью которыхъ могло пребывать Подолье, отъ татаръ приволжскихъ (Золотой Орды). Кіевъ наход-

¹⁾ Имя Станислава уже до того времени давалось въ родѣ Владимира I. Это имя носилъ одинъ изъ сыновей Владимира. Интересно, что Стебельскій (*Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim*, t. III, Lwów 1867, str. 12) называетъ Станислава Кіевскаго сыномъ Данила Александровича. Ср. извѣстія Густынской лѣтописи о принадлежности Кіева послѣ татарскаго нашествія сѣвернымъ князьямъ. Въ сокращенной Новгородской лѣтописи князь Михаилъ, убитый въ ордѣ въ 1245 г., названъ кievскимъ княземъ (изд. Оболенского, М. 1836, стр. 34) и т. д.

²⁾ Script. ger. Prussic., V, 606.

³⁾ Ср. у В. Б. Антоновича стр. 79—80. Script. ger. Pruss., III, 67 и сл.

⁴⁾ По иностраннымъ извѣстіямъ, Гедеминъ три раза воевалъ съ татарами (Lucas David).

⁵⁾ См. у В. Б. Антоновича стр. 80 и 136.

дился въ зависимости отъ послѣднихъ¹⁾, заявлявшихъ притязаніе также на верховное владычество въ Галичѣ и на Волыни. Завоеваніе Киева могло потому произойти помимо присоединенія Подолья, и, для занятія Киева, не было надобности разбить предварительно подольскихъ татаръ²⁾. Интересно, далѣе, что верховенство татаръ признавалось до извѣстной степени въ Киевѣ довольно долго и при литовскомъ владычествѣ³⁾, чѣмъ не могло бы имѣть мѣста, еслибы Киевъ достался Литвѣ вслѣдствіе пораженія татаръ на Подольѣ⁴⁾: подольскіе татары не были особенно сильны. Вѣроятнѣе предположить, что Гедеминъ, взявъ Киевъ, былъ принужденъ впослѣдствіи, въ виду сопротивленія татаръ, оставить Феодора своимъ намѣстникомъ⁵⁾ и призналъ

¹⁾ По словамъ папской буллы 1320 г., онъ былъ „in confinibus Ruthenorum et Tartarorum“. *Theiner, Vet. monum. Pol. et Lithuan.* I, № CCLII, p. 162, и № CCLV, p. 167. И во время Витовта Киевъ былъ какъ-бы важнѣйшимъ пограничнымъ городомъ со стороны татаръ. См. цѣлый рядъ упоминаній о сношеніяхъ съ татарами въ Киевѣ и о пребываніи послѣднихъ въ окрестностяхъ его въ „Codex epistolaris Vitoldi“.

²⁾ Если Черкасы и Звенигородъ причислялись къ Подолью—см. у В. Б. Антоновича стр. 150, примѣч.—то такъ было въ позднѣйшее время. Во время составленія 1-й литовско-русской лѣтописи (въ началѣ XV-го столѣтія) этого еще не видимъ. Ученые записки втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, книга I, Спб. 1854, Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, стр. 40.

³⁾ См. рефератъ В. Б. Антоновича: „О новонайденныхъ монетахъ съ именемъ Владимира“ въ „Трудахъ третьаго археологическаго съѣзда“, т. II, стр. 153—164. Ср. въ монографіи Стадницкаго „Koriat Gedyminowicz“. Съ выводомъ В. Б. Антоновича относительно монеты Владимира Ольгердовича согласился и графъ И. И. Толстой въ своемъ изслѣдованіи „Древнія монеты Великаго Княжества Киевскаго“, Спб. 1882.

⁴⁾ Впрочемъ, и на Подольи литовскіе князья не сразу достигли полной независимости. См. ниже.

⁵⁾ По словамъ 2-й литовской лѣтописи, занявъ Киевъ, Гедеминъ посадилъ тамъ своимъ намѣстникомъ „Миндогова сына Ольгимонта, великого князя Гольшанского“. Мы не встрѣтили другихъ упоминаній объ этомъ Миндогѣ, но личность Ольгимонта, посаженного въ Киевѣ (такъ понимаемъ мы приведенные слова лѣтописи вопреки ученымъ, думающимъ, что намѣстникомъ въ Киевѣ былъ оставленъ Миндогъ), несомнѣнно историческая. *Narbutti, Dzieje narodu litewskiego*, t. IV, Wilno, 1838, str. 273, 295, 296, dodatek X, str. 39 и Dodatek X Tomu VII, считаетъ Ольгимунта сыномъ Гольши, брата

въ тоже время верховную власть татары падъ Киевомъ. Этимъ было-бы примирено извѣстіе Межигорской рукописи и 2-й литовской лѣтописи

Тройдена. Хроника Германна Вартбергскаго упоминаетъ подъ 1371 г. объ укрѣпленіи „Algeminen (въ Жмуди), ubi Algeminne magnus satrapa habitationem suam elegit“. Совпаденіе названія мѣстности съ именемъ владѣльца заставляетъ предположить, что это было родовое имѣніе, и что были и прежде лица съ этимъ прозвищемъ. Упомянутый Ольгимунтъ былъ въ числѣ пословъ, отправленныхъ Ягайломъ въ Польшу въ 1385 г. (*Stadnický, Bracia Władysława-Iagieły, str. 242, nota 4*), а въ 1388 г. былъ посылаемъ, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, въ Новгородъ. Трактать съ крестоносцами 1379 г. подписалъ съ литовской стороны, между проч., Иванъ, сынъ Ольгимунта. Въ документѣ 1390 г. онъ обозначенъ какъ „ilfruchte furst herczog Iwan von Galschan Ougemundes son“. Cod. ep., № LXII, р. 20. Поэтому можно думать, что прозвище Гольшанскій также заимствовано отъ мѣстности. — Не Феодоръ ли, сидѣвшій потомъ въ Киевѣ, упомянутъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1326 г.? Въ числѣ пословъ, прибывшихъ въ Новгородъ изъ Литвы, тамъ названъ Феодоръ Святославичъ. Супр. рукопись, стр. 51; Новгор. I: П. С. Р. Л. III, 74. Въ Никоновской лѣт. (III, 130) названъ „Князь Феодоръ Ростиславичъ Менский“. Киевскій князь Феодоръ, судя по извѣстію новгородскихъ лѣтописей подъ 1331 г., былъ, повидимому, въ зависимости отъ Гедемина; по крайней мѣрѣ, онъ держался стороны литовскаго князя и дѣйствовалъ въ его интересѣ: Супральская рукопись, стр. 55. Новгор. I, 75—76. Новг. IV: П. С. Р. Л., т. IV, стр. 52. Арсеній, посланный къ митрополиту литовцами, возвращался чрезъ Киевъ, Василій же, архіепископъ новгородскій, не рѣшился на то. Нѣкоторое время этотъ Феодоръ могъ быть и въ Рязани, исторія которой представляеть не мало пробѣловъ. Такой пробѣлъ замѣчается въ извѣстіяхъ о Рязани въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Ивана Коротопола, не имѣвшаго, повидимому, сыновей. *Д. И. Иловайскаго Исторія Рязанскаго Княжества*, стр. 140; ср. стр. 158 и на стр. 146 извѣстіе о какомъ-то Феодорѣ. — Косвенное подтвержденіе того обстоятельства, что Киевъ уже до 1362 г. находился во власти Литвы, можно видѣть въ соборномъ опредѣленіи патріарха Каллиста о предѣлахъ кievской и литовской митрополій, относящемся къ юлю 1361 г., гдѣ сказано, что литовскій митрополитъ Романъ, пришедши въ Киевъ (въ 1356 г.), „не по праву соверша здѣсь литургіи и рукоположенія и дерзостно называлъ себя единственнымъ митрополитомъ кievскимъ и всяя Руси, что вызвало смуту и замѣшательство въ области преосвященнаго митрополита кievскаго и всей Руси и побудило литовскаго государя возстать противъ христіанъ и причинить имъ не мало бѣдъ и кровопролитія“. *Русская историч. библиотека*, изд. Археографич-

о завоеванії Києва Гедеминомъ съ извѣстіемъ Густынскай лѣтописи о смѣщенії Феодора Ольгердомъ¹⁾.

Въ Межигорской рукописи извѣстіе о подчиненії Києва Гедеминомъ стоитъ, повидимому, въ совершенной отдѣльности отъ сказанія о покореніи Волыни; не видно, чтобы рукопись сообщала объ одновременномъ присоединеніи этихъ земель. Если же литовско-русская лѣтопись, пользовавшаяся для разсказа о завоеванії Киева Гедеминомъ тѣмъ же извѣстіемъ, которое вошло и въ Межигорскую рукопись, говорить объ одновременномъ присоединеніи къ Литвѣ Киева и Во-

скую Коммиссію, т. VI, Спб. 1880, прилож., столб. 78. Ясно, что Київъ принадлежалъ ко владѣніямъ Ольгерда, будучи причисляемъ въ тоже время въ Константинополь къ вѣдомству московского митрополита въ подтверждение всероссийского авторитета его. Романъ видимо простираль свои притязанія на епископіи, находившіяся въ предѣлахъ литовско-русского государства, потому что присвоилъ себѣ, между проч., и Брянскую (тамъ-же, столб. 80).

¹⁾ Не на покореніе ли *всей южной Руси* (по крайней мѣрѣ--Волыни и Киева) литовцами указываютъ и слова папской буллы 1351 г., цитирующей В. Б. Антоновичемъ въ примѣч. на стр. 148? Особенно важными кажутся намъ слова буллы, что въ захваченныхъ Ольгердомъ земляхъ „*posunt constitui septem episcopatus cum suo metropolitano*“. Укажемъ здѣсь еще на то, что въ инвентарѣ польского королевскаго архива, составленномъ въ 1730 г., копія котораго хранится въ Дрезденской королевской библиотекѣ (Ms. G. 25. Fol.), мы встрѣтили слѣдующія интересныя указанія: въ отдѣлѣ „*Palatinatus Cijoviae*“: „*Cuius nulla in Archivo reperiuntur Documenta tantum modo ex antiquis Connotationibus patet Descriptio quinque Instrumentorum quae hic in Thesauro reperiebant...*

1333

2. Kłodimirus Vladislao Homagium praestat и т. д. (Pag. 377).
Palatinatus Volhiniae

1333

Theodori Romani et Alexandri Ducum et Aliorum Homagium et Fidelitas Vladislao Regi promissa (Pag. 400).

Замѣчательно хронологическое совпаденіе этихъ документовъ съ датою завоеванія Киева въ Межигорской рукописи.—Манускриптъ Дрезденскій, изъ котораго мы привели выписки, описанъ въ приложениі къ одному изъ отчетовъ о заграничной командировкѣ г. Вѣржбовскаго, напечатанныхъ въ „*Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*“. См. также „*Katalog der Handschriften der königl. öffentlichen Bibliothek zu Dresden, bearbeitet von Dr. Franz Schnorr von Karolsfeld.* I Bd., Leipzig 1882, s. 439.

лыни, то ясно, что рассказъ этой лѣтописи представляетъ сплавъ нѣсколькихъ первоначально отдельныхъ извѣстій о разновременныхъ событіяхъ. Тоже до извѣстной степени принимаетъ и В. Б. Антоновичъ, который вообще предложилъ въ этомъ случаѣ образцовый критический анализъ свидѣтельствъ о завоеваніи Киева. По приведенному уже разъ нами мнѣнію В. Б. Антоновича (стр. 63), „событія въ повѣствованіи лѣтописи Быховца насильственно сведены лѣтописцемъ въ одну картину“. В. Б. Антоновичъ различаетъ два преданія въ этомъ повѣствованіи: первое—о походѣ Гедемина на Волынь, кажущееся ему правдоподобнымъ, и второе—о походѣ на Киевъ, передѣланное будто-бы изъ разсказа древнѣйшей литовской лѣтописи о походѣ Витовта на Киевъ ггъ 1392 г. и потому ложное (стр. 63—65) ¹⁾.

Читатель могъ замѣтить изъ предыдущаго, въ чемъ мы рѣшились уклониться отъ выводовъ почтеннаго автора „Очерка исторіи великаго княжества литовскаго“, вполнѣ раздѣляя въ тоже время общій взглядъ его на сказаніе лѣтописи Быховца о покореніи южной Руси Гедеминомъ, какъ на составное. Мы различаемъ въ этомъ сказаніи сплавъ достовѣрныхъ извѣстій о четырехъ или трехъ разновременныхъ движеніяхъ литовскихъ князей съ цѣлью захвата южно-русской территоріи, именно: 1) о столкновеніи Гедемина съ княземъ Луцкимъ, 2) о войнѣ его съ княземъ Владимірскимъ, 3) о захватѣ имъ Овруча и Житомира и 4) о покореніи Киева и остальной части Киевской земли. Два послѣднія пріобрѣтенія Гедеминъ могъ, впрочемъ, сдѣлать въ одинъ походъ ²⁾.

Первоначальная краткія извѣстія, въ родѣ сохраненнаго Межигорскою рукописью, были распространены, слиты въ литовско-русской лѣтописи въ одну картину и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнены произвольными вставками и умышленно исказены, что можно сказать, напр., о легендѣ касательно борьбы Гедемина съ галицко-волынскими князьями: послѣдніе могли быть только разбиты, но позднѣйшій компилиаторъ обратилъ побѣду надъ ними въ полное завоеваніе ихъ зе-

¹⁾ Мы не замѣтили въ этомъ послѣднемъ разсказѣ особаго сходства со сказаніемъ о завоеваніи Киевской земли Гедеминомъ.

²⁾ Въ Познанскомъ спискѣ литовско-русской лѣтописи, fac—simile котораго мы видѣли въ библиотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (Ms. № 2070) описание битвы съ Владимірскимъ княземъ, Владиміромъ, имѣть особое заглавіе, при чёмъ годъ не выставленъ; затѣмъ говорится: „И потомъ пойдетъ на князя Льва Луцкого...“

мель. Ясно, что все повествование 2-й литовской лѣтописи расположено такъ, чтобы представить покореніе южной Руси Литвою фактомъ, совершившимся весьма быстро и съ большою удачею для литовцевъ. Весь разсказъ оканчивается словами: „А князь великий Гедеминъ прогнавши князей русскихъ и ѿ немецъ землю свою вспокоивши и пановалъ много лѣтъ во впокой“. Предъ этими словами говорится о судьбѣ Станислава Кіевскаго, а послѣ нихъ—объ основаніи Трокъ и Вильна. Очевидно, что весь разсказъ литовско-русской лѣтописи о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ—позднѣйшая эпизодическая вставка, начинающаяся и оканчивающаяся одними словами: разсказъ не имѣть характера лѣтописи и представляетъ какъ-бы рядъ эпизодовъ.

Тѣмъ не менѣе, все это еще не даетъ права счесть содержаніе повѣствованія вымысломъ. Историческимъ фактомъ въ этомъ повѣствованіи мы признаемъ пораженіе Владимірскаго и Луцкаго князей и завоеваніе Гедеминомъ Кіева и Кіевской земли, которое не могло произойти въ 1320—21 гг., но легко могло совершиться послѣ 1332 г. Впрочемъ, повторяемъ, этимъ не было уничтожено верховное владычество татаръ надъ Кіевомъ, и даже князь потомъ могъ остаться тотъ же самый, какъ оставляемы были прежніе князья и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, покоренныхыхъ Литвою.

Да не поставить намъ читатель въ вину эту длинную остановку на разборѣ сказанія о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ. Исторія южной Руси во второй половинѣ XIII стол. и въ XIV в. крайне темна и скучна извѣстными и достовѣрными фактами. Отдѣль, посвященный ей въ книгѣ В. Б. Антоновича, является просвѣтомъ въ этой тѣмѣ и заслуживаетъ особенного вниманія.

На ряду съ отдѣломъ, посвященнымъ Галичу и Волыни, полны интереса строки, отведенныя исторіи присоединенія Подолья къ Литвѣ. Завоеваніе Подолья совершилось при Ольгердѣ и разсмотрѣно потому В. Б. Антоновичемъ въ концѣ разбираемаго выпуска, но мы здѣсь передадимъ результаты, къ которымъ пришелъ авторъ касательно этого событія, чтобы представить въ цѣльномъ очеркѣ исторію перехода всей южной Руси къ Литвѣ.

Древнѣйшая исторія Подолья до сихъ поръ мало освѣщена русскою наукою, которой, несмотря на изслѣдованія гг. Васильевскаго, Успенскаго и Бруна, предстоитъ вообще не мало работы надъ древнѣйшую исторіею русскаго племени въ земляхъ, прилегающихъ къ

Черному морю и Дунаю¹⁾). Страницы, отведенныя Б. Б. Антоновичемъ краткому очерку исторіи Подолья, читаются съ глубокимъ интересомъ: это первый цѣльный обзоръ древнѣйшихъ судебъ Подолья, отмѣчающей притомъ рядъ важныхъ фактовъ, которые являются новостью для большинства читателей. Какъ весь трудъ В. Б. Антоновича, и этотъ очеркъ дышитъ новизною и свѣжестью.

Обзоръ древнѣйшей исторіи Подолья восходитъ ко временамъ Уличей²⁾ и Тиверцевъ. В. Б. Антоновичъ оставилъ въ сторонѣ извѣстія объ этихъ племенахъ до начала русскаго государства³⁾ и начинаетъ съ IX-го столѣтія.

Едвали возможно прослѣдить прямую и непосредственную связь населенія позднѣйшаго Подолья съ древними Уличами и Тиверцами. Эти древніе насыльники съвернаго Черноморья были вытѣснены на

¹⁾ Статья покойнаго Бѣляева „О съверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ, до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ“ (въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи“) написана только по русскимъ источникамъ; авторъ воспользовался не всѣми лѣтописными свидѣтельствами и допустилъ неправильныя толкованія ихъ.

²⁾ Вопросъ о томъ, какъ писать название этого племени, еще не решенъ окончательно. Г. Ламбинъ стоитъ за чтеніе „Ульцы“ и Тиверцевъ и Угличей считаетъ двумя отраслями Ульцевъ; греческое название Антовъ будто-бы передѣлано изъ названія Ульцевъ. Г. Голубинскій думаетъ, что Уличи и Тиверцы были „соединены въ одно политическое цѣлое“. Мы раздѣляемъ старое мнѣніе, что Угличи и Уличи—варіанты одного и того-же племеннаго названія Углицы; это лучше всего доказывается названіемъ Unlici у Баварскаго землеписца (IX в.).

³⁾ Въ 40-хъ годахъ вопросъ объ Уличахъ и Тиверцахъ былъ поднятъ Надеждинымъ въ статьѣ „О мѣстоположеніи Пересячена“ (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. I). Въ послѣднее время древнѣйшую исторію Уличей и Тиверцевъ попытался возстановить г. Ламбинъ въ статьяхъ подъ заглавиемъ: „Славяне на съверномъ Черноморье“, помѣщенныхъ въ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1877, №№ 5 и 6 и 1879, № 12. См., далѣе, разборъ монографіи г. Ламбина, написанный А. Ф. Бычковымъ, въ „Отчетѣ о XIV присужденіи наградъ графа Уварова“, Спб. 1872, стр. 89—105; ст. г. Ламбина „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ въ Ж. М. Н. Пр. 1874, №№ 6 и 7; нѣсколько замѣчаній въ „Исторіи русской церкви“ Голубинскаго, т. I, 35 и слѣд., въ книгѣ Д. И. Иловайскаго „Разысканія о началѣ Руси“, изд. 2-е, М. 1882.

время изъ своихъ земель и, если потомъ возвратились на прежнія мѣста и вновь колонизовали побережье, то—значительно смѣшавшись съ другими южно-русскими племенами, Дулѣбами и Хорватами¹⁾. Къ со-жалѣнію, обстоятельства этихъ передвиженій еще не достаточно выяснены. По мнѣнію г. Ламбина, жившіе между Днѣпромъ и Днѣстромъ Уличи и Тиверцы были покорены Олегомъ, затѣмъ были или истреблены или отодвинуты изъ ихъ древнихъ жилищъ, „и только слабые остатки ихъ, спасшись на сѣверъ, при верховьяхъ Буга и Днѣстра, вошли въ составъ русского государства при Игорѣ“; истребленіе и изгнаніе ихъ произошло, по г. Ламбину, въ началѣ X-го столѣтія, а по мнѣнію г. К. Грота—еще ранѣе, въ концѣ IX-го вѣка²⁾.

Трудно согласиться съ этимъ.

Лѣтопись не говоритъ о подчиненіи Уличей и Тиверцевъ Олегомъ; какъ справедливо замѣтили гг. Антоновичъ (стр. 143) и Гротъ (стр. 278), она упоминаетъ только о войнѣ Олега съ этими племенами, неизвѣстно чѣмъ окончившейся. Полного подчиненія не могло быть, потому что во всѣ почти списки пачальной лѣтописи, за исключеніемъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго и сходныхъ съ ними, занесено извѣстіе подъ 914 г. о походѣ Свѣнельда на Улицкій Пересяченъ. В. Б. Антоновичъ не придаетъ особенного значенія этому извѣстію на томъ основаніи, что оно „записано въ весьма позднемъ лѣтописномъ сводѣ“, но гг. Ламбинъ и Бычковъ, намъ кажется, вполнѣ убѣдительно установили принадлежность его къ древнѣйшему тексту начальной лѣтописи. Вся трудность только въ опредѣленіи мѣсто положенія Пересячена. Но ставить ли этотъ городъ вмѣстѣ съ Карамзиномъ и Ламбиномъ въ приднѣпровья,

¹⁾ Г. Ламбинъ полагаетъ, что Ульцы — „отрасль Хорватовъ, спустившаяся съ восточной отлогости Карпатскихъ горъ“. Уличи могли избѣжать смѣщенія съ другими племенами только въ сѣверной части своей терри-торіи, где они несомнѣнно граничили съ Древлянами, какъ то видно изъ словъ позднѣйшихъ списковъ, что Аскольдъ и Диръ „быша ратни съ Дре-влянами и съ Угличи“ и изъ поставленія рядомъ этихъ племенъ въ извѣстіи подъ 914 г.

²⁾ К. Я. Гротъ, Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка, Спб., 1881, стр. 277: „если дѣйствительно Печенѣги принудили Черноморскихъ Славянъ бѣжать на сѣверъ и искать себѣ тамъ новыхъ жи-лищъ, то это должно было произойти не позже конца IX вѣка (въ 90-хъ г.), когда Печенѣги вытѣснили Мадьяръ“ (изъ Ателькузу).

„тамъ, гдѣ впослѣдствіи въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, существовала, Сѣль Запорожская“, или же съ Надеждинымъ въ Бессарабіи¹⁾), известіе лѣтописи подъ 914 г. свидѣтельствуетъ, что въ то время Уличи не были еще отодвинуты далеко на сѣверъ. Отгѣсненіе могло произойти позднѣе — въ половинѣ X-го столѣтія, когда Печенѣги достигли рѣшительного господства въ Приднѣпровья. Бродить по черноморскимъ стечіямъ они могли и раньше, но изъ этого не вытекаетъ еще необходимости допустить *полное и постоянное занятие кочевниками сѣверного черноморского побережья на широкомъ пространствѣ*. Мы не думаемъ, чтобы Уличи и Тиверцы были прогнаны слишкомъ далеко на сѣверъ, на верховья Буга и Днѣстра. Слова лѣтописи: „посемъ придоша (Уличи) межи Богъ и Днѣстръ“, относить ли ихъ къ движению Уличей на западъ съ Днѣпра, или къ общему отступленію Уличей съ юга²⁾, не даютъ права на такое предположеніе: придерживаясь ихъ, можно думать, что Уличи остались между средними теченіями Буга и Днѣстра. Допускай примученіе Уличей, мы въ тоже время, вмѣстѣ съ В. Б. Антоновичемъ, не находимъ возможнымъ принять полное подчиненіе Уличей и Тиверцевъ Кіевскими князьями до Свято-слава. Послѣ 914 г. Тиверцы еще разъ упомянуты въ нашей лѣтописи, именно подъ 944 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ, какъ участники похода Игоря на Греконъ³⁾). Употребленіе лѣтописцемъ въ этомъ случаѣ старого племенного названія позволяетъ думать, что Тиверцы были только союзниками кіевскихъ князей, хотя въ лѣтописи они названы воями. Присутствіе въ войскѣ еще не означало подчиненія: и Хорваты, сосѣди Тиверцевъ, участвовали въ походахъ на грековъ, а въ составъ русского государства включены они были позже. Дружина, шедшая на Константинополь, могла составляться изъ разнаго сброва. Во всякомъ случаѣ, въ половинѣ X-го вѣка еще не была слажена племенная особность Уличей и Тиверцевъ, а следовательно они удерживали и земли, изстари принадлежавшія имъ, по крайней мѣрѣ значительную

¹⁾ Болѣе вѣроятности, что Уличи сохранили въ то время независимость и удерживали позицію на западныхъ окраинахъ своей земли, а не на восточныхъ.

²⁾ Еще не выяснено убѣдительно, когда произошло движение Уличей изъ приднѣпровья на западъ, до Олега ли, при немъ ли, или при Игорѣ: мы стоимъ за первое предположеніе.

³⁾ Лѣт. по Лаврент. сп. 44.

часть этихъ земель. Константинъ Багрянородный назвалъ Уличей и Тиверцевъ (послѣднихъ видѣть въ Тѣвѣзіонѣ) въ числѣ славянскихъ племенъ, признававшихъ власть Руси. Но мѣстность, первоначально занятая этими племенами, была весьма широка. Земля Уличей соприкасалась съ Древлянскою; Уличи жили нѣкоторое время по Днѣпру, по мнѣнію г. Ламбина—на „углу“ „между Ингульцемъ и Днѣпромъ у пороговъ“; Тиверцы граничили съ Дулѣбами. Часть Уличей и Тиверцевъ, дѣйствительно, могла подпасть власти кievскихъ князей.—На основаніи Игорева договора, поставлявшаго Руси въ обязанность не допускать Черныхъ Болгаръ до нападенія на Корсунскую область, г. Барсовъ предполагаетъ¹), что „Русь господствовала тогда надъ всѣмъ теченіемъ Днѣпра и Восточного Буга“; сухопутное сообщеніе Кієва съ придунайскими землями также не было прекращено въ X-мъ столѣтіи²); но всего этого недостаточно для признанія господства кievскихъ князей надъ Уличами и Тиверцами на протяженіи всей ихъ земли.

Имя Уличей повсѣ не упоминается въ лѣтописи послѣ 922 г., въ второму отнесла Новгородская лѣтопись войну съ Древлянами. Находясь на самой южной окраинѣ русской земли, эти племена пострадали болѣе другихъ восточныхъ славянъ, будучи тѣснены различными инородческими толпами, кочевавшими на югѣ Руси. Съ этого-то момента движенія кочевыхъ ордъ началось, вѣроятно, разрѣженіе, а въ нѣкоторыхъ случаахъ и исчезновеніе славянскихъ поселеній къ сѣверу отъ Дуная. Писатель, внесшій въ начальную лѣтопись сказаніе о до-государственномъ бытѣ восточныхъ славянъ и жившій не ранѣе Владимира I, говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ: „суть гради ихъ и до сего дне“. „Гради“ этихъ племенъ могли оставаться въ придунайскихъ земляхъ и на сѣверномъ Черноморѣ, но въ значительной мѣрѣ съ чуждымъ населеніемъ, или же уподоблялись оазисамъ въ пустынѣ, будучи окружены бродячимъ населеніемъ³). Слова „до моря“ приба-

¹⁾ Очерки истор. геогр., стр. 116.

²⁾ Ср. извѣстіе Іллігоша, кн. II, по изд. 1711 г.—стр. 100: „Non contentus Dux Russiae Swatislaus Principatu paterno Bulgaris vicinis suis infert bellum.“

³⁾ По мнѣнію г. Ламбина, лѣтописецъ имѣлъ въ виду „полуразрушенные города ихъ, о которыхъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный, описывая земли Печеиѣговъ въ половинѣ X вѣка“; но нельзѣ основаній думать, что приведенное мѣсто лѣтописи „было написано не позднѣе половины X вѣка“.

влены недаромъ: очевидно, во времена лѣтописца эти племена не занимали всего того пространства, какое принадлежало имъ прежде. Они могли удержаться безъ значительного смѣшения съ другими народностями только по Днѣстру и Бугу, въ верховьяхъ и по среднему течению этихъ рекъ¹⁾). Въ придунайскихъ земляхъ русскіе поселки должны были значительно порѣдѣть: со второй половины XI-го столѣтія тамъ стали являться половцы, но тѣмъ же менѣе, русское населеніе продолжало держаться²⁾). Во второй половинѣ XII-го в. половцы устремились туда съ новою силою³⁾). По словамъ Эдриси, писателя того времени, Куманія простиралась на западъ до Днѣстра или Прута. Интересно переданное имъ извѣстіе о томъ, что въ землѣ Куманъ было и осѣдлое населеніе, сидѣвшее по гоvodамъ. Это вѣроятно въ виду того, что смѣшанное населеніе было въ XII и XIII вв. и въ придунайскихъ земляхъ, въ Трансильваніи и позднѣйшей Молдавіи.

Съ основаніемъ галицкаго княжества, поднѣстровье въ южной своей части должно было стать въ нѣкоторую зависимость отъ Галича.

¹⁾ Упомянутое въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1229 г. село „Угльники“ (Ил. 506)—едвали отголосокъ племенного названія Угличей. По словамъ А. С. Петрушевича, это—„урочище на углахъ, нынѣ искусованное на *Не-умова корчма*“ (Наук. сб., изд. Общ. Галицко-русской Матицы 1865, I, стр. 46, прим. 2). Г. Левицкій указываетъ на большое поле „Угольники“ („Слово“ 1881, ч. 9, ст. „Еще о Галичѣ и его окрестностяхъ“). Въ Польшѣ въ XIII в. было село *Vagelnici* (*Бодуэнъ де-Куртенэ*, О древне-польскомъ языке до XIV столѣтія, Лейпцигъ, 1870, Словарь, стр. 49). Несомнѣнно стоитъ въ связи съ именемъ Уличей село *Ulicz* (теперь *Ulucz*) на р. Сянѣ, названное въ документахъ 1373 и 1402 гг. (См. „Akta grodzkie i ziemske z czasów Rzeczypospolitej polskiej, t. VII, we Lwowie 1878“, стр. 15, 44). Какъ видно изъ путешествія Арсенія Суханова, придунайскій край посыпалъ позваніе Угличей еще въ половинѣ XVII в.—фактъ, свидѣтельствующій, что древніе Угличи не были совершенно вытѣснены оттуда.—Въ восточной Галичинѣ есть три поселка съ названіемъ Дулибы, а равно встрѣчаются они и на Волыни (*Słownik geograficzny etc.*, t. II, стр. 216). Dulybѣ мы встрѣтили въ документѣ 1464 г.

²⁾ См. извѣстную, важную статью г. Васильевскаго „Византія и Неченѣги“, помѣщенную въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1872. Успенскому Образованіе втораго болгарскаго царства, Одесса 1879, приложение V, стр. 31 и сл. Въ послѣднее время Rössler старался доказать принадлежность древнѣйшаго населенія Молдавіи и Трансильваніи къ русскому племени.

³⁾ Успенскій, Образованіе втораго болгарскаго царства, стр. 80 и сл.

Н. И. Костомаровъ полагаетъ, что Бессарабія и прилегавшій берегъ Чернаго моря входили въ составъ галицкаго княжества, такъ какъ иначе были бы невозможны свободныя торговыя сообщенія. Г. Барсовъ думаетъ¹⁾, что Галичу принадлежалъ лѣвый берегъ Днѣстра. Намъ неизвѣстны положительныя доказы, которыя свидѣтельствовали бы о принадлежности этого края къ Галичу до начала XIII-го столѣтія. Эдриси и Абульфеда упоминаютъ о городахъ Руссовъ на Черномъ морѣ²⁾, но извѣстія ихъ нуждаются еще въ критической обработкѣ. Несомнѣнно однако, что по прибрежью Чернаго моря кочевыя орды имѣли свободный проходъ. Не было ли поэтому на низовьяхъ Днѣстра и Буга тоже самое, что имѣло мѣсто на нижнемъ теченіи Днѣпра, т. е. не приходилось ли торговымъ караванамъ постоянно искать опоры въ княжескихъ дружинахъ противъ нападеній со стороны степныхъ хищниковъ?

Это положеніе измѣнилось въ первой половинѣ XIII-го стол. Тогда, дѣйствительно, замѣчается оживленное торговое движеніе по Днѣстру и въ прилегающей мѣстности. Изъ Олешья, причислявшагося къ Галичу, ладьи съ рыбою и виномъ шли въ Днѣстръ... Въ „полѣ“ (т. е. стени), которое начиналось за Онутомъ, двигались возы³⁾. Въ 1224 г. галицкая флотилія, спустившись по Днѣстру, вошла потомъ въ Днѣпръ. Возможность такого оживленнаго движенія явилась, вѣроятно, вслѣдствіе побѣдъ Романа Мстиславича, Галицко-Волынского князя, который „покори Половецкую землю“⁴⁾ и которымъ „Половци дѣти страшаху“⁵⁾. Какъ извѣстно, Романъ проникъ до предѣловъ Ви-

¹⁾ Очерки, стр. 99—100.

²⁾ Эдриси было извѣстно, что при устьѣ Днѣстра русскимъ принадлежала Зака, а при устьѣ Днѣпра Молза и Алеска (Олешье) *J. Lelewel, Polska wieków średnich*, t. II, Poznań 1847, str. 410. Въ перечнѣ русскихъ городовъ Эдриси называлъ Tiwer безъ означенія мѣста его нахожденія. По мнѣнію Лелевеля, это—Туровъ; впрочемъ, говоритъ онъ, можетъ быть кто-нибудь пожелаетъ отнести его къ Тиврову надъ восточнымъ Бугомъ. *Ibid.*, 399. Г. Ламбинъ полагаетъ (Ж. М. Н. Пр. 1879 № 12, стр. 146), „что название Днѣстра у Геродота и у другихъ древнихъ писателей Τύρης, Τύρας, происходитъ отъ финского *tivri*—быстротекущая рѣка“.

³⁾ Ип., 491.

⁴⁾ Ип., 536.

⁵⁾ Ип., 540.

зантійской имперії¹⁾). Въ первой половинѣ XIII в. едвали полоса у Днѣстра между его притоками Серетомъ и Ушицею составляла юго-восточную галицкую украину. Въ словахъ галицко-волынской лѣтописи подъ 1229 г.: Даніилъ „собравъ землю Галичскую... собра отъ Боброкы даже и до рѣки Ушицѣ и Прута“²⁾ нельзя видѣть, по нашему мнѣнію, опредѣленія границъ галицкаго княжества; ими очерчена до извѣстной степени только граница галицкой земли, кромѣ которой были и другія въ этомъ княжествѣ (напр., Переяславльская). Если придавать особенное значеніе этому извѣстію, то должно признаать и рѣку Бобрукъ западною границею галицкаго княжества, что немыслимо. Намъ кажется, что приведенные слова лѣтописи не имѣли въ виду обозначенія границъ галицкой земли; лѣтописецъ обозначилъ только участокъ, съ котораго успѣлъ собрать войско Даніила. Къ югу отъ собственно галицкой земли, о которой идетъ рѣчь въ разбираемыхъ словахъ лѣтописи, было въ XIII вѣкѣ Понизье. Было-ли оно и въ XII стол., какъ отдельная область галицкаго княжества, неизвѣстно: это название встрѣчается впервые въ лѣтописи XIII-го в. Если Понизье было колонизовано Русью и въ XII-мъ стол., тогда города Микулинъ и Ушица были на пограничии Галицкой земли со стороны Понизья. Округъ этихъ городовъ нельзя считать присоединеннымъ къ Галичу незадолго до попытки Берладника на томъ основаніи, что они обнаружили сочувствіе послѣднему: тоже сочувствіе замѣчается и въ центральныхъ пунктахъ галицкой земли, напр. въ Галичѣ.— Во всякомъ случаѣ, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что въ первой половинѣ XIII-го стол. до татарскаго нашествія Поднѣстровье вплоть до моря стояло въ зависимости отъ Галича.

Обращаемся къ Побожью, которое, какъ и Понизье, составило часть позднѣйшаго Подолья. Сѣверное Побожье до половины XII в. причислялось, повидимому, къ Киеву³⁾. Южнѣе при Мономахѣ были половецкія кочевья⁴⁾. Между землями, принадлежавшими кievскимъ

¹⁾ О цѣломъ рядѣ походовъ Романа см. въ рецензіи г. Васильевскаго на книгу г. Успенскаго „Образование втораго болгарскаго царства“, стр. 16 и сл. отдельного оттиска.

²⁾ Ип., 506.

³⁾ Болоховская земля и значеніе ся въ русской исторіи, Киевъ, 1876, стр. 7—8. *Барсукъ*, Оч. р. ист. геогр., стр. 99, 120.

⁴⁾ См. лѣт. по Лавр. сп.

князьямъ, и кочевьями, находилась терриорія, стоявшая въ какомъ-то особенному положеніи, пребывавшая въ союза земель, подчинившихся роду Владимира I. Лѣтописи назвали эту землю (Болохово), но не сообщали подробностей объ отношенияхъ ея къ сосѣднимъ князьямъ до 30-хъ годовъ XIII-го в. Неизвѣстно поэтому, насколько успѣла отстоять эта земля свою независимость оть Мстислава Удалаго, который, отрекшись оть Галича, составилъ особый, повидимому, удѣль, тянущійся продольною полосою оть средняго и нижняго Днѣстра (Галицкое Понизье) далеко на востокъ, до предѣловъ Киевской земли. Столичнымъ городомъ этой вновь обособившейся земли былъ Торческъ, въ которомъ Мстиславъ и скончался¹⁾ (1228).

Отношенія Болоховцевъ къ сосѣдямъ ясно обрисовываются во второй четверти XIII-го вѣка, когда Понизье досталось Даніилу Галицкому и когда въ союзѣ съ Болоховымъ оказывается и сѣверное Побожье, принадлежавшее въ XII-мъ стол. кіевскимъ князьямъ. Въ XIII в. мы видимъ русское племя вновь подвинувшимся далеко на югъ, такъ какъ оно заняло басейнъ Бога (Побожье лѣтописи). Болоховская земля становится центромъ движенія противъ Даніила, пытавшагося включить всѣ эти земли въ составъ государства, которое онъ стремился создать на юго-западѣ. Движеніе галицко-волынскихъ князей на эти земли, о которомъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1257 г., было попыткою возстановить власть рода Владимира I въ земляхъ, отпавшихъ по примѣру Болохова, и подчинить это послѣднее. Попытка окончилась однако неудачею²⁾.

Земли по среднему Днѣстру и Богу остались въ непосредственной зависимости оть татаръ, сохранивъ въ тоже время общинное самоуправлѣніе, что имѣло весьма важныя послѣдствія. Болоховцы стали въ такое отношеніе къ татарамъ уже при Батыѣ, и, повидимому, тотъ же порядокъ продолжался впослѣдствії. Можно думать, что уже въ этотъ періодъ татарскаго господства край находился въ цвѣтущемъ со-

¹⁾ Длугошъ сообщаетъ (I, 291), что Мстиславъ умеръ въ Іорек, по Іорек стоять ошибочно вмѣсто Торческъ. На кіевскую землю указываетъ и Никоновская лѣтопись, говорящая подъ 1228 (II, 358), что Мстиславъ умеръ на пути изъ Галича въ Кіевъ. Интересно, что предъ тѣмъ и плѣненный Венгерскій королевичъ содержался въ Торческѣ.

²⁾ Вскорѣ мы надѣемся вновь коснуться вопроса о Болоховцахъ и о началѣ козачества и представить новые доводы, подтверждающіе, по нашему мнѣнію, наши прежніе выводы.

стоянії, иначе будетъ необъяснимо быстрое экономическое развитіе Подолья, какъ стало именоваться Понизье¹⁾ послѣ литовскаго завоеванія. При татарахъ города продолжали существовать; неизвѣстно только, были ли они лишены укрѣплений. Въ Болоховской землѣ укрѣпленія были оставлены татарами. Можетъ быть, возникали даже новые города. Такимъ мы готовы признать Каменецъ-Подольскій, о которомъ мы не нашли упоминаній до XIV-го столѣтія²⁾.

Н. Дашкевичъ.

(*Ирош. сливаетъ*).

¹⁾ Держалось, впрочемъ, и прежнее название. У Верещинскаго (оп. cit.) встрѣчаемъ нѣсколько разъ *Niz* въ примѣненіи къ Подолью. Такъ, на стр. 8 онъ говоритъ, что лучше было бы шляхтѣ проводить время на Украинѣ въ дикихъ поляхъ, „aniżeli gdzie na burku, albo niewet na Nizie czabany Tureckie łupiąc“... На стр. 12-й своей брошюры (изд. 1594 г.) Верещинскій говоритъ: „A Jestliby też Ruska ziemia z strong dziesięciem wezdrge czyniła (życząc sobie żeby... synowie ich na Nizie swe ćwiczenie rączey miaiąc czabany Tureckie łupili“... Ср. въ ст. *Симашкевича*: „Историко-географический и этнографический очеркъ Подолія“, помещенной въ „Сборникѣ свѣдѣній о Подольской губерніи“, вып. I, Каменецъ-Подольскъ 1880.

²⁾ Упоминаніе о Каменецѣ до XIV-го стол. относятся къ другимъ Каменцамъ, но не къ Подольскому. См. „Княжение Дан. Гал.“, „Болох. з.“ и „Очерки“ Барсова, прим. 179. Каменцовъ было нѣсколько. На сѣверной окраинѣ Владимірской земли, со стороны Литвы былъ Каменецъ еще до основанія Каменца на Лоснѣ. Ип., 565.

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, условія его возникновенія и причины упадка *).

Съ 60-хъ годовъ XIII-го столѣтія галицко-волынскія лѣтописи оставляютъ насъ въ совершеннѣй неизвѣстности относительно Подолья. Свѣдѣнія наши о немъ возобновляются съ половины XIV-го столѣтія, но, тѣмъ не менѣе, время и обстоятельства присоединенія Подолья къ Литвѣ и судьбы его въ первыя десятилѣтія литовскаго владычества вплоть до 90-хъ годовъ XIV в. представляютъ настоящій Гордіевъ узелъ. Въ этомъ случаѣ повторяется также неясность, съ какою мы встрѣчались въ вопросѣ о покореніи Литвою Киева.

Отъ времени съ 60-хъ до 90-хъ годовъ XIV-го в. до насъ дошло весьма мало достовѣрныхъ документовъ по исторіи Подолья. Сохранилось также нѣсколько скучныхъ лѣтописныхъ упоминаній, но и они не совсѣмъ ясны и не вполнѣ согласны между собою. Которому же изъ нихъ вѣрить, да и можно ли вообще вѣрить имъ на слово? Вѣдь это извѣстія не современниковъ; ихъ передали люди, писавшіе вдали отъ мѣста дѣйствія, когда давно уже прошли отмѣченныя ими события.

*) См. Унив. Изв. №№ 3, 5, 8, 9.

Естественно, возникаетъ сомнѣніе и становится необходимой строгая оцѣнка дошедшихъ до насъ данныхъ.

Въ трудахъ г. Стадницкаго о Подольѣ встрѣчаемъ весьма цѣнную попытку критической разработки существующихъ данныхъ о Подольѣ въ XIV-мъ стол. В. Б. Антоновичъ высказалъ нѣсколько новыхъ сопрѣзначеній и относитъ завоеваніе Подолья Ольгердомъ къ 1362 г., слѣдя „указаніямъ лѣтописей Густинской и Никоновской, какъ единственнымъ возможнымъ“.

Намъ однако думается, что историческая критика еще не исполнила всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ источникамъ для исторіи Подолья въ XIV-мъ вѣкѣ, и что все еще нельзя считать вполнѣ выясненою исторію этой земли до изгнанія изъ нея Витовтомъ Федора Корыятовича¹⁾.

Извѣстій о Подольѣ въ этотъ періодъ, заслуживающихъ вниманія, семь: они переданы въ двухъ литовско-русскихъ лѣтописяхъ, у Кромера, въ Густинской лѣтописи, въ Никоновской, у Стрыйковскаго и у Длугоша.

До послѣдняго времени историческая критика отбрасывала извѣстія Длугоша и Кромера, какъ недостовѣрныя, за исходный пунктъ своихъ заключеній принимала 1-ю литовско-русскую лѣтопись, изданную Даниловичемъ и во второй разъ А. И. Чоповимъ, и, согласно свидѣтельствамъ Никоновскаго лѣтописного свода и Густинской хроники, относила завоеваніе Подолья къ 1362 г., предполагая, что оно явилось результатомъ разбитія татаръ у Синей Воды Ольгердомъ.

Но, прежде чѣмъ отдавать предпочтеніе тому или другому изъ извѣстій, необходимо провѣрить значеніе каждого изъ нихъ; прежде чѣмъ сводить во едино показанія различныхъ источниковъ, необходимо удостовѣриться, что разскажъ ихъ относится къ одному и тому же событию. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ гаданіями.

Рассмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ извѣстія объ утвержденіи литовской власти на Подольѣ и мы убѣдимся, что изслѣ-

¹⁾ Такое же мнѣніе о годѣ завоеванія Литвою Подолья высказалъ и Стадницкій въ книгѣ *Olgierd i Kieistut*, str. 7. Въ новѣйшемъ изданіи монографіи о Кориатѣ (*Synowie Gedymina wielko-wladey Litwy. Monwid-Naramunt.—Iewnuta.—Koriat. Wydanie nowe przerobione i powiększone. We Lwowie 1881*) г. Стадницкій относитъ завоеваніе Подолья т. къ 1351—1363 гг. (стр. 123 и 137), то къ годамъ 1357—1363 (стр. 161, 248).

дователь долженъ отказаться пока отъ окончательного рѣшенія вопроса о томъ по недостатку надежныхъ данныхъ.

1) Самое подробное и, на первый взглядъ, наиболѣе заслуживающее вниманія извѣстіе находится въ 1-й л.-р. лѣтописи. Къ нему относились до сихъ поръ почти съ полнымъ довѣріемъ и потому не сомнѣвались въ томъ, что занятіе Подолья Корыятовичами произошло непосредственно вслѣдъ за пораженіемъ татаръ Ольгердомъ у Синей Воды, или же въ слѣдующемъ 1363 г. Намъ кажется, что разсказъ 1-й л.-р. возбуждаетъ немало сомнѣній. Она не говоритъ прямо о связи этихъ двухъ событій по времени, не доказываетъ и внутреннаго соотношенія ихъ. Она не указываетъ точно времени, когда Корыятовичи завладѣли Подольемъ, и, по всей вѣроятности, не знала того. Вообще въ извѣстіяхъ этой лѣтописи о Подольѣ немало несообразностей¹⁾, и все это даетъ право поставить вопросъ, не умышленно ли присоединилъ литовско-русскій лѣтописецъ извѣстіе о разбитіи трехъ татарскихъ хановъ у Синей Воды къ разсказу о занятіи Подолья Корыятовичами, чтобы тѣмъ еще лучше об-

¹⁾ Вся исторія присоединенія Подолья къ Литвѣ носить въ 1-й лѣтописи характеръ эпизодической вставки, составленной тенденціозно и по даннымъ, не отличавшимся полною достовѣрностю. Первое доказывается въ особенности словами: „А то было добыто Литовскими силами, и никто ему (Витовту) ни которыхъ сторонъ не помогаль“ (стр. 45 по изданію Чопова). Неточностей въ исторіи Подолья, переданной въ 1-й литовско-русской лѣтописи, можно отмѣтить нѣсколько. Извѣстныя намъ данныя опровергаютъ показаніе ея объ отсутствіи городовъ на Подольѣ до Корыятовичей: Бакота и другіе города встрѣчаются уже въ галицко-волынской лѣтописи XIII-го столѣтія. Толковать слова 1-й л.-р. лѣтописи: „и тогда въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ“ (стр. 44) въ смыслѣ отсутствія укрѣплений нѣть основанія, потому что слово *городъ* въ то время не имѣло такого исключительного значенія. Не подтверждается извѣстіе 1-й л.-р. лѣтописи и о томъ, что Корыятовичи „босакомъ выхода не почали давати“ (стр. 44:) дань платилась татарамъ и послѣ 1363 г. Татарскіе ханы, разбитые Ольгердомъ, съ умысломъ называли „отчими и дедичами Подольской земли“. Такъ могли быть названы потомки Ногая, но сдавали они постоянно и преемственно владѣли Подольской землею, на дань съ которой, безъ сомнѣнія, заявляла притязаніе Золотая Орда. На это какъ-бы намекаютъ слова 2-й литовско-р. лѣтописи, что татарскіе баскаки отвозили подольскую дань въ *Орду*; лѣтопись говоритъ, что „тыѣ три браты у Ордѣ цановали“ (стр. 19). Обѣ литовско-

сновать права Литвы на Подолье? Несмотря на победу Ольгерда, Кориатовичи должны были вновь бороться съ татарами: они „вонши у приязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю от Татаръ“¹⁾. Освобождение Подолья видимо было неполное²⁾, и Але-

рускія лѣтописи пользовались однимъ источникомъ для исторіи Подолья, но въ 1-й нѣть только что указанныхъ прибавокъ. Золотая Орда могла собирать „выходъ“ одновременно съ ногайцами, которые могли набѣгать съ Чёрноморского побережья, гдѣ они кочевали вплоть до Дуная. Такъ, надобно исправить, быть можетъ, замѣчаніе Стрыйковскаго о томъ, что онъ видѣлъ въ Добруджѣ потомковъ подольскихъ татаръ, говорившихъ по славянски. Вліяніе слѣянъ на татаръ вѣроятнѣе всего могло обнаружиться въ придунайскихъ земляхъ начиная со второй половины XIII-го столѣтія. О татарахъ на низовьяхъ Дуная см. ст. архим. Леонида: „Ханъ Нагай и его вліяніе на Россію и южныхъ славянъ“ въ „Чт. въ Имп. Общ. Ист. и древн. Росс.“ 1868, кн. III; Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одесса 1878, стр. 350 и др., въ особенности стр. 375, 383, 387, 535. На Подольѣ, судя по словамъ лѣтописи, татары не жили совмѣстно съ русскими; съ атаманами сносились только баскаки. Отмѣтимъ, далѣе, сомнительное извѣстіе 1-й л.-р. лѣт. о томъ, что Подолье было заложено Ягайлой за 20000. См. замѣчанія г. Смольки въ его „*Szkice historyczne, zeguta pierwsza, Warsz.* 1882“, стр. 60—61. Вообще можно усмотрѣть немало неточностей въ разсказѣ этой лѣтописи. Укажемъ, напр., въ дальнѣйшей исторіи Подолья на невѣрность слѣдующаго разсказа: „...Князь великий Витовтъ идѣ въ землю Подольскую; а князю Володимиру Олгирдовичу тогда соущу въ Киевѣ, и не восхотѣ покоры оучинити и чоломъ ударити великому князю Витовту... князь великий Витовтъ выведѣ его съ Киева... самъ ж... поидѣ на Подольскую землю“ (стр. 39—40). Витовтъ вывелъ Владимира изъ Киева потому, что ранѣе обѣщалъ то Скиргайлу (Cod. ep. Vit., № XCVIII, р. 31). Покореніе Подолья произошло ранѣе подчиненія Киева: Подолье принадлежало Витовту уже въ маѣ 1393 (Cod. ep. № CV), а Владимиръ сидѣлъ въ Киевѣ еще въ началѣ 1394 г. (Cod. epist. № CIX, р. 35). По словамъ 1-й л.-р. лѣт., въ Винницѣ сидѣлъ Витовтовъ староста, когда половина Подольской земли была уступлена Витовтомъ Ягайлѣ, но это неправда: Винница также была отдана Ягайлѣ.—Въ виду всего этого, намъ кажется, не слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу 1-й л.-р. лѣтоиси о присоединеніи Подолья къ Литвѣ.

¹⁾ 1-я л.-р. лѣтопись, стр. 44.

²⁾ Подольские князья продолжали платить дань татарамъ. Впрочемъ

ксандъ Корыятовичъ погибъ во время борьбы съ татарами, которые, значитъ, не оставили своихъ притязаній на владычество на Подольѣ. Ясно, что разбитіе трехъ татарскихъ царьковъ Ольгердомъ не имѣло рѣшающаго значенія, и нѣтъ твердыхъ основаній думать, что занятіе Подолья Корыятовичами произошло непосредственно вслѣдъ за битвой на Синей Водѣ и тогда только стало возможнымъ.

2) 1-я литовско-русская лѣтопись не ставить опредѣленной даты и выражалась лишь такъ, что присоединеніе Подолья къ Литвѣ совершилось по утвержденіи верховнаго владычества Ольгерда: „Коли государемъ былъ на Литовской земли князь великий Олгирдъ...“ 2-я лит.-р. лѣтопись повторяетъ разсказъ 1-й, но опускаетъ только что приведенные слова ея, относить это событие къ 1351 г. и говорить о захватѣ Подолья послѣ разсказа о смѣщеніи Явнутыя. Принявъ эту дату, пришлось бы допустить, что Корыятовичи отправились на Подолье во время борьбы Литвы съ Казимиромъ, и такое движеніе было совершенно понятно, такъ какъ Казимиръ могъ попытаться захватить Подолье одновременно съ Галичемъ и Волынью.

3) Таковы извѣстія дошедшихъ до насъ литовско-русскихъ лѣтописей. Сохранилось упоминаніе о третьемъ изводѣ того же сказанія, именно у польскаго историка XVI-го вѣка Кромера¹⁾). Разсказавъ о выведеніи изъ Киева Витовтомъ Владимира Ольгердовича, о княженіи тамъ и о смерти Скиргайла, Кромеръ продолжаетъ: „Prosequitur deinde Lituania historia, Vitoudum Kiouiensibus misisse ducem Ioannem Olgermundi filium... Tartaros deinde a legato Vitoudi Olgerdo duce profligatos, caesis tribus eorum ducibus, quibus Podolia tributum pendebat. Theodorum autem Coriathi filium Podoliae ducem, imperium Vltoudi detrectantem, uictum captumque, et Bratislauiam, Cameneciam, Smotriaciam, Scalam, Ceruonygrodum et omnem Podoliam in potestatem redactam esse. Postea uero Vitoudum Vuladislae regi petenti partem Podoliae cum supra memoratis arcibus concessisse, quadraginta millibus florenorum ab eo acceptis. Haec ita bona fide e Lituania historia hic

грамота Александра Корыятовича 1375 г. считается подложной. Ср. Стадницкаго Koriat., стр. 124—125.

¹⁾ Стрыйковскій (Kronika, t. II, стр. 111) передаётъ этотъ изводъ съ некоторыми подробностями, заслуживающими вниманія.

*retulimus*¹⁾). Такимъ образомъ, по словамъ Кромера, въ какой-то *Lituania historia* разбитіе трехъ татарскихъ хановъ, которые брали дань съ Подолья, было отнесено ко времени Витовта и усвоялось его полководцу Ольгерду. При обсужденія приведенныхъ словъ Кромера возникаетъ прежде всего вопросъ, не изобрѣтена ли имъ самимъ цитируемая имъ *Lituania historia*? На нашъ взглядъ,—нѣтъ, потому что самъ Кромеръ возражаетъ противъ своего источника и не извлекаетъ изъ него никакихъ выводовъ въ защиту собственного мнѣнія: онъ не отвергалъ занятія Подолья Корыатовичами и утверждалъ только, что Казимиръ занялъ западную часть Подолья—до Бременца. Повидимому, въ этой *Lituania historia* должно признать списокъ литовско-русской лѣтописи, не дошедшій до насъ. Если сопоставимъ разсказъ Кромера съ 1-ю л.-р. лѣтописью²⁾, то увидимъ значительныя совпаденія между ними въ послѣдовательности разсказа о событияхъ, совершившихся во время занятія Витовтомъ Киева и Подольской земли: въ обоихъ источникахъ одни и тѣ же извѣстія о Рязани, Смоленскѣ, о свиданіи Московскаго князя съ Витовтомъ. Но только, повидимому, „исторія“, которую пользовался Кромеръ, излагала связно судьбы Подолья, чего не видимъ въ дошедшей до настъ 1-й л.-р. лѣтописи, въ которую разсказъ о Подольѣ вставленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Авторъ этой лѣтописи, который, какъ самъ говоритъ, былъ малолѣтъ во время смерти Скиргайла³⁾, заимствовалъ извѣстія о Подольѣ изъ хроники, упоминаемой Кромеромъ, но разбитіе трехъ татарскихъ хановъ приписалъ великому князю Ольгерду. Были и еще отмѣны въ спискѣ, который имѣлъ предъ собою Кромеръ: по его словамъ, Юрій Корыатовичъ былъ убитъ „a Valachis ei ore finitimus“, а въ 1-й лит.-р. лѣтописи говорится: „А князя Юрья Волохове возма къ собе его воеводою и тамо его отжормили“⁴⁾. Наше предположеніе о несамостоятельности исторіи Подолья, переданной въ этой послѣдней лѣтописи, подтверждается тѣмъ, что эта исторія имѣеть тамъ видъ эпи-

¹⁾ Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basileae 1554, p. 376.

²⁾ Стр. 39—41, 45.

³⁾ „АЗъ ж того не вѣмъ, зане ж бехъ тогда младъ“.

⁴⁾ Стр. 45.

зодической вставки, прервавшей собою погодную запись событий: она поставлена несчастно къ концу правления Витовта¹⁾, между рассказами объ освобождении Свидригайла и о Луцкомъ съездѣ. На болѣе соответственномъ мѣстѣ поставленъ разсказъ о Подольѣ во 2-й лѣт.-р. лѣт. Вообще 1-я л.-р. лѣтопись излагаетъ события безъ строгаго порядка и ставить иной разъ позднѣйшій годъ предъ болѣе раннимъ.

4) Въ Густинской лѣтописи повторено вкратцѣ извѣстіе сохранившихся литовско-русскихъ лѣтописей, но при этомъ выставленъ 1362 годъ: „Въ сіе лѣто Ольгердъ побѣди трехъ царьковъ Татарскихъ и зъ ордами ихъ, си есть, Котлубаха, Казчая (вар. Качбая), Дмитра; и оттоли отъ Подоля изгна власть Татарскую“²⁾. На полѣ противъ этого извѣстія читаемъ въ печатномъ текстѣ: „Гвагн. о Литвѣ 26“. И дѣйствительно у Гваныни говорится объ Ольгердѣ: „Tartarorum Regulos fratres Germanos Kutlubachum, Kaczbeium et Dmitrimum profligavit, Podoliaque eiecit“³⁾. Сходство обоихъ извѣстій несомнѣнно, но необходимо выяснить, откуда взялъ составитель Густинской лѣтописи дату, которая, что въ особенности замѣчательно, совпадаетъ съ годомъ, поставленнымъ въ Никоновской лѣтописи. Объясненіе можетъ быть двоякое. Замѣствуя у Гванына извѣстіе о Синеводской битвѣ, лѣтописецъ могъ взять годъ изъ лѣтописи, которую воспользовался Никоновскій сводъ. Но Густинская лѣтопись могла узнать объ этой битвѣ и не изъ Гванына, что вѣроятно въ виду нѣкоторыхъ частностей⁴⁾, а прямо изъ лѣтописи, изъ которой черпалъ и Гванынъ. Если предположить, что въ этой послѣдней былъ выставленъ 1362 годъ, то этимъ только повторилось бы извѣстіе Никоновскаго свода о походѣ въ 1362 году на татаръ, но не было бы еще доказано отношеніе разбитія ихъ къ занятію Подолья. Гванынъ или источникъ его и

¹⁾ А между тѣмъ лѣтописцу представлялся случай ранѣе подробнѣ поговорить о Подольѣ, когда шла рѣчь о походѣ Витовта противъ Федора Корыятовича: стр. 39--40.

²⁾ Полн. собр. р. лѣт., II, 350.

³⁾ Guagninus. Rerum Polonicarum Tomi tres, Francofurti 1584, t. I, 321.

⁴⁾ Обращаемъ вниманіе на незначительное различіе обоихъ разсказовъ: въ Густинской лѣтописи неходимъ словъ, соответствующихъ замѣчанію Гванына: „fratres germanos“ и, наоборотъ, встрѣчаемъ подробность и эти ордами ихъ“, опущенную Гваныномъ.

вмѣстѣ Густинской лѣтописи говорилъ о присоединеніи Подолья къ Литвѣ, руководствуясь дошедшими до насъ л.-р. лѣтописями¹⁾, показаніе которыхъ, какъ мы видѣли, возбуждаетъ большія сомнѣнія, да вдобавокъ исказилъ ихъ, потому что усвоилъ занятіе Подолья самому Ольгерду, что, во всякомъ случаѣ, невѣроятно.

5) Извѣстіе, сообщенное Густинскою лѣтописью, составляетъ какъ-бы переходъ къ такому-же краткому упоминанію, занесенному подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновскій сводъ. Тамъ говорится: „Того же лѣта Литва взяша Коршеву. Того-же лѣта князь великии литовскии Олгердъ Гедиминовичъ Синюю воду и Белобережие повоева“²⁾. Упомянутое здѣсь Бѣлобережье находилось гдѣ-то на востокѣ южно-русской Украины. По мнѣнію Лерберга, Несторово Бѣлобережье находилось у Херсона. Чертковъ искалъ его на островѣ Левки. Вагнеръ, Шлѣцерь и Штриттеръ полагали, что Несторово Бѣлобережье было въ окрестностяхъ Березанского лимана. Къ тому же склоняется и окончательное мнѣніе Бруна³⁾). На картахъ съверного черноморскаго побережья XIV-го столѣтія встрѣчается въ окрестностяхъ Березанского лимана *barbarese*, которое Брунъ готовъ былъ удачно объяснить, какъ искаленіе слова Бѣлобережье⁴⁾). По Костомарову Бѣлобережье въ XIV столѣтіи называлось „пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра“⁵⁾. В. Б. Антоновичъ говоритъ, что „имя это изстари носило Днѣпровское порѣчіе отъ пороговъ до устья“⁶⁾. Въ извѣстномъ спискѣ городовъ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись, Бѣлобережье поставлено между Ржищевымъ и Самарою и Броницей. Быть можетъ, Никоновская лѣтопись разумѣла то самое Бѣлобережье, которое находилось въ XIII-мъ столѣтіи за Болоховской землею. Вопросъ о томъ, что такое Бѣлобережье 1362 г., еще остается открытымъ, но какъ-бы ни толковать Бѣлобережье, не

¹⁾ Въ этихъ лѣтописяхъ первымъ названо имя Хачебея (вар. Хочеба, Хачибея).

²⁾ Никон. лѣт. IV, 5.

³⁾ Брунъ, Черноморье, I, 90 и сл.

⁴⁾ Тамъ же, 87 и 168.

⁵⁾ Исторический Вѣстникъ 1880, № 5, стр. 180.

⁶⁾ Стр. 150.

сомнѣнно, что походить великаго князя Литовскаго имѣль цѣлью обезопасить восточныя границы Литвы отъ татарскихъ набѣговъ и укрѣтить татаръ, кочевавшихъ гдѣ-то у устьевъ Днѣпра, быть можетъ — крымскихъ: съ этимъ согласуется упоминаніе о взятіи Херсона (Коршева¹), предшествовавшемъ занятію Синей Воды и Бѣлобережья. Со стороны Крыма была главная опасность, и потому-то Витовтъ основалъ Очаковъ²). Въ ярлыкѣ 1362 г. Кутлубуга названъ начальникомъ Крымской области. Если Ольгердъ думалъ занять Подолье и освободить его отъ власти Подольскихъ татаръ, то ему нечего было направляться къ Крыму. Если даже Подолье зависѣло отъ Крымскихъ татаръ, то все-таки въ 1362 году дѣло шло не о немъ. Возможно, что Ольгердъ желалъ обезопасить Киевскую землю отъ нападеній татаръ и смѣстить Феодора, какъ ненадежного подручника.

6) Въ ряду известій о Подольѣ въ XIV столѣтіи разсказъ Стрыйковскаго, представляющій развитіе сказанного у Гванына³), долженъ занять послѣднее мѣсто. Повидимому, этотъ историкъ собиравшій столь тщательно материали, имѣль подъ руками даныя, отличающіяся отъ дошедшіхъ до нась источниковъ. О разбитіи трехъ татарскихъ хановъ онъ говорить въ двухъ мѣстахъ своей хроники. Въ первомъ онъ повторилъ сказанное въ имѣющемся у нась литовско-русскихъ лѣтописяхъ, но при этомъ раскрасилъ ихъ известія подробностями о битвѣ на Синей Водѣ и своими домыслами и паблоніями. Къ числу домысловъ относится дата, выставленная Стрыйковскимъ — 1351-й годъ, которая не заслуживаетъ даже опроверженія. Не есть-ли она искаженіе даты, поставленной во 2-й литовско-русской лѣтописи, или-же она умышленно сочинена Стрыйковскимъ, отстаивавшимъ права Литвы на Подольѣ⁴)? — Нѣкоторыя изъ соображеній Стрыйковскаго, хотя не могутъ быть принимаемы за свидѣтельства, не внушающія сомнѣнія, представляютъ

¹⁾ Брунъ напрасно думалъ, что вмѣсто Коршевъ слѣдуетъ читать Ржевъ.

²⁾ „...quae quondam Vitoldi tempore Lituaniae colonia erat.“ Guagn., 321. Ср. въ Густинской лѣтописи подъ 1415: „...въ то время Очаковъ подъ властію Полскою бѣ“. П. С. Р. Л. II, 353.

³⁾ Kronika, t. II, str. 6—8.

⁴⁾ Это послѣднее видно изъ его словъ на стр. 104—107.

интересъ. Прежде всего заслуживаетъ вниманія догадка Стрыйковскаго о томъ, что Подолье находилось въ зависимости оть Крымскихъ таръ¹⁾: она подтверждается сообщеніемъ, что по имени Качибя „dziś jest nazwane jezioro słone w dzikich polach ku Oczakowi idąc Kacibejskie“. Не лишены и правдоподобія и предположенія, что походъ Ольгерда былъ вызванъ набѣгами татаръ и что на Подольѣ, до занятія его литовцами, не было замковъ²⁾. Въ особенности важно сообщеніе Стрыйковскаго, что онъ видѣлъ въ Добруджѣ татаръ, изгнанныхъ изъ Подолья Литвою³⁾. На основаніи ихъ преданія Стрыйковскій, допускал зависимость Подолья оть татаръ Перекопскихъ, заключилъ также, что и на Подольѣ сверхъ того были татары во время похода Ольгерда, которыхъ онъ также будто-бы разбилъ. Если вѣрить, Стрыйковскому, это были какія-то шайки, не имѣвшія никакихъ вождей⁴⁾. Подолье какъ-бы признавало двойную зависимость: оть татаръ близайшихъ и оть ордъ Перекопскихъ. Подольскіе татары видимо не принадлежали къ тѣмъ, которые жили въ Крыму, потому что, убѣживъ по разбитію на Подольѣ „przez Dniestr nad Czarne morze i do Prekopi“, поселились потомъ въ Добруджѣ. Намъ кажется, что, въ виду извѣстія литовско-русскихъ лѣтописей, нѣть основаній думать, что татары жили на самомъ Подольѣ. Стрыйковскій могъ слышать сохранившееся у нихъ преданіе, но оно было неопределенно и сообщало просто о пребываніи нѣкогда Добруджскихъ татаръ на Подольѣ, затѣмъ въ Перекопѣ, и о переселеніи потомъ въ Добруджу. Это преданіе, не указывавшее датъ, Стрыйковскій пріурочилъ ко времени Ольгерда, между тѣмъ какъ оно могло относиться къ болѣе позднему времени и, во всякомъ случаѣ, было неясно. Намъ кажется, что Добруджскіе

¹⁾ „Tatarowie Prekopscy i Krymscy w ten czas wszystki pola dzikie za Kijowem szeroko leżące, i Podole wszystko Litewskim ziemią przyległe trzymali“...

²⁾ Такъ понялъ Стрыйковскій слова литовско-русскихъ лѣтописей о томъ, что на Подольѣ во время татарскаго господства не было городовъ.

³⁾ „A ci potyni w Dobruckich polach osiedli, za Dunajem na gościńcu Tureckim którymyśmy i my jachali, przeniozwszy się u Oblucicę i Silistrię przez hordę tych Tatarów Dobruckich, których też większa część słowiańskiim językiem mówią, i gospodarstwem się bawią, i nas wdzięcznie przyjmowali, i częstowali winnymi gronami i garbusami słodkimi, też to sami gdym ich pytał powiadali, iż przodkowie ich z Podola od Litwy byli wygnani.“

⁴⁾ „Wodzów ani carza niemieli.“

татары — потомки татаръ, рыхавшихъ въ придунайскихъ земляхъ со второй половины XIII в., или же остатки бродячихъ шаекъ, кочевавшихъ по Черноморскому побережью, также называвшемуся Подольемъ¹⁾, и прогнанныхъ оттуда не при первомъ занятіи Подолья Литвою, а позже,— Корятовичами или при Витовтѣ. Борьба съ татарами за Подолье не прекратилась до начала XV-го столѣтія²⁾. Стрыйковскій далъ полный просторъ своей фантазіи въ описаніи занятія Подолья Литвою и до того увлекся, что приписалъ Ольгерду очищеніе отъ татаръ земель до Волги. Одна лишь подробность говорить, повидимому, въ пользу предположенія, что въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ, бывшихъ предъ Стрыйковскимъ въ этомъ случаѣ, заключалось нѣкоторое отличіе по сравненію съ дошедшими до насть: третій изъ татарскихъ цариковъ, разбитыхъ Ольгердомъ, названъ у Стрыйковскаго *Dimeitr Soltan*, а второй *Kacibey*. Замѣчательно, что у Кояловича имена этихъ вождей переданы опять въ иной формѣ: „*Katlubach Soltan, Kaczybey Gierey et Dimeyter Soltan*“³⁾. Но, какъ Кояловичъ измѣнилъ въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію имена, найденные у Стрыйковскаго, такъ и послѣдній позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить имена, встрѣченныя въ лѣтописяхъ.—Въ другомъ мѣстѣ своей хроники⁴⁾ Стрыйковскій приписывалъ, подобно Кромеру разбитіе трехъ татарскихъ хановъ Ольгерду, полководцу Витовту, и, повидимому, пользовался при этомъ особымъ, подобнымъ Кромерову спискомъ л.-р. лѣтописи.

7) Особую группу давнихъ о Подольѣ въ XIV-мъ столѣтіи составляютъ польскія, имѣвшія цѣлью утвердить права Польши на Подолье. Эти данные возбуждаютъ вопросъ, который не лишенъ важности для критики извѣстій, переданныхъ литовско-русскими лѣтописями, вопросъ о томъ, какъ далеко на востокъ простирались въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIV-го столѣтія владѣнія Казимира. Сохранились жалованыя грамоты этого короля на земли на Подольѣ⁵⁾.

¹⁾ Это доказываетъ разсказъ Гильбера де Лянноа. Существуетъ и иное извѣстіе о Добруджскихъ татарахъ. *Namsherg-Purgstall*, 353.

²⁾ 1-я л. р. лѣт., изд. Попова, стр 46; слова Ягайла Витовту: „...а пани Спѣтковая овдовела, а дети малы, а от Татаръ земли некому боронити“...

³⁾ *Historiae Litvanae pars prior*, Dantisci 1650, p. 288.

⁴⁾ Стр. 111.

⁵⁾ См., напр., *Staroѣtna Polska* II, 1011.

Стадницкій признаетъ ихъ подложными¹⁾, по памъ кажется весьма вѣроятнымъ временное присоединеніе къ Польшѣ при Казимирѣ западной части Подолья, о которомъ говорятъ Длугошъ и Кромеръ²⁾. На это указываетъ какъ-бы исторія послѣдующаго времени. При Ягайловъ судьбы Подолья связывались съ судьбами Червонной Руси, и, повидимому, Венгрия имѣла какія-то притязанія на Подолье³⁾, что заслуживаетъ вниманія. Эти притязанія могли основываться на правахъ на наслѣдіе Казимира, если не выводились изъ вассальной подкорности Федора Корыятовича. Витовтъ долженъ былъ отдать Ягайлу половину Подольской земли, замки Каменецъ, Смотричъ, Чарвныградъ, Скалу, Бакоту, Межибожье, Божскій, Винницу. Послѣдніе три города Ягайло памѣревался удержать для себя и своихъ наслѣдниковъ, что также характерно, а остальную часть уступленного

¹⁾ Koriat, стр. 136.

²⁾ Длугошъ положительно утверждалъ занятіе Подолья Казимиромъ. Подъ 1352 г. у него упомянута Podolia Regno Poloniae subiecta (изд. 1711, р. 1069). По его словамъ, „Podoliam... Casimirus secundus Poloniae optimus rex armis et ferro de Thartarorum potestate et manibus quesierat...“ Кромеръ также говорить о занятіи Казимиромъ Подолья „usque ad Степенесциамъ“ (р. 376). Подольские города, принадлежавшіе Казимиру, указаны подъ 1447 г. въ рѣчи польскихъ пословъ на сеймѣ; это: Каменецъ, Хотинъ, Чекунъ, Бакота, Межибожье.—Извѣстіе это считается тенденціознымъ. Восточные границы владѣній Казимира указаны Стадницкимъ: Koriat, стр. 132—133.—Въ дополненіе къ приведеннымъ у него даннымъ обратимъ вниманіе на то, что Казимиру и Владиславу Опольскому принадлежали „Districtus Trebowliensis et Sczenca“, причислявшіеся, повидимому, къ позднѣйшему Подолью (Cod. ep. Vit. № CXV, р. 39). Укажемъ въ связи съ этимъ на то, что въ концѣ XIV-го столѣтія къ Подолью принадлежали города Межибожье и Божскій: значитъ, въ него вошла часть Болоховской земли. Бѣлобережье, по прежнему, было отдельно, о чёмъ см. выше—при разборѣ извѣстія Никоновской лѣтописи подъ 1362 г.

³⁾ Въ договорѣ Ягайла съ королемъ Сигизмундомъ, относящемся къ 1412 году, говорится: „Quibus treugis durantibus prefatus dominus Wladislaus rex Poloniae etc. terram Russie teneat pacifice prout tenet, sine impedimento dicti domini Sigismundi regis vel regnorum aut subditorum ejus aliquali, in terra autera Podolie, idem dominus Sigismundus rex promisit eundem dominum Wladislaum regem per se necper suos subditos facere impediri, nec alicui ad illam impediendam consilium vel auxilium vel favorem procurare treugis durantibus prenotatis. Cod. ep. Vit., № XDI, р. 229.

ему Подолья предоставилъ 13 іюля 1395 года въ вѣчное владѣніе знаменитому польскому магнату того времени, Спытку изъ Мельштына¹⁾. Неизвѣстно достовѣрно, на чёмъ основывалось требование Ягайла относительно половины Подолья, на правахъ ли его, какъ польского короля, или въ силу того, что онъ считался верховнымъ владѣтелемъ всей Литвы²⁾. Движенію Витовта на Подолье предшествовало пожалованіе ему Ягайломъ въ 1394 г. Каменца. Быть можетъ, это обстоятельство нѣсколько объясняетъ сущность сдѣлки польского короля и великаго князя Литовскаго: первый предоставилъ Витовту право отнять Подолье у Корыятовича.

8) Для исторіи Подолья въ XIV-мъ столѣтіи было бы весьма важно найти какія-нибудь восточные извѣстія о татарахъ, съ которыми могли сталкиваться Литовскіе князья въ Приднѣпров'ѣ и на Подольѣ. Къ сожалѣнію, восточные источники представляютъ мало цѣнныхъ данныхъ о томъ³⁾; и, напротивъ, ставить въ затрудненіе изслѣдователя, называя цѣлый рядъ Кутлубугъ⁴⁾. Hammer-Purgstall, по-видимому, не имѣлъ предъ собою другихъ извѣстій о Подольѣ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше, и повторилъ дважды извѣстіе о разбитіи Оль-

¹⁾ Cod. ep. Vit., p. 39.

²⁾ Федоръ Корыятовичъ призналъ послѣ 1386 г. верховную власть Ягайла. Kromer, p. 376. Спытко и его наследники должны были признавать верховную власть польскихъ королей, и въ тоже время Подолье было пожаловано ему на литовскомъ правѣ: „cum pleno jure decali, quo ceteri nostri duces Lithuaniae et Russiae fui solti sunt..“ Г. Смолька думаетъ, что вся эта сдѣлка была устроена Витовтомъ, желавшимъ привлечь на свою сторону Спытка, стоявшаго до того времени во главѣ враговъ Витовта въ Польшѣ, и тѣмъ пріобрѣсти вліяніе на польскія дѣла. По мнѣнію г. Смольки, Спытко, получивъ Подолье, сталъ подручникомъ литовскаго князя и признавалъ его верховную власть (это доказывается участіемъ его въ походѣ 1399 г.), не теряя въ тоже время своего значенія въ Польшѣ. Szkice historyczne, стр. 48—50, 63. Силу доводовъ г. Смольки ослабляетъ то обстоятельство, что въ походѣ 1399 г., кромѣ Спытка, приняли участіе и другие польскіе вельможи.

³⁾ Hammer-Purgstall, Gesch. d. Gold. Horde, s. 315.—Новѣйшую монографіею Howorth'a о татарахъ (History of the Mongols, 1877) мы не могли воспользоваться.

⁴⁾ Hammer-Purgstall, s. 297—298, 303, 317, 331, 337—338, 352, 364.—О Хаджибѣ стр. 325.

гердомъ трехъ татарскихъ хановъ, одинъ разъ подъ 1333 г., слѣдяя Стрыйковскому и польскимъ аниалистамъ, а въ другой разъ подъ 1363 г.¹⁾). Одинъ разъ онъ считалъ этихъ татаръ Крымскими, а въ другой разъ приводить ихъ на Подолье изъ Фракіи.

Что касается указываемой В. Б. Антоновичемъ дружбы татарь съ Ольгердомъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIV-го столѣтія, то она не говоритъ противъ возможности занятія Подолья уже въ то время: неизвѣстно, что это были за татары: тѣ ли, которые кочевали къ западу отъ Днѣпра, или приволжскіе, смотрѣвшіе на захватъ Казиміромъ Львовской земли, какъ на завладѣніе ихъ улусомъ. Послѣ 1349 г. Ольгердъ могъ примириться съ Золотою Ордою. Во всякомъ случаѣ, необходимо доказать, что татары, помогавшіе Ольгерду, кочевали на Подольѣ. Да и не тенденціозно ли прікрасою со стороны Длугоша должно считать замѣчаніе, что татары нападали на польско-руssкія земли по наущенію Ольгерда? Возможность нападеній татаръ на Польшу преду-сматривалъ мирный договоръ Казиміра и князей Мазовецкихъ съ князьями литовскими. Очевидно, татары не примирились сразу съ занятиемъ Львовской земли поляками, такъ какъ считали за собою верховныя права на всѣ русскія земли. Татары помогали Ольгерду и до 1351 г.²⁾). Это также бросаетъ тѣнь на извѣстіе о союзѣ Ольгерда съ татарами около 1351 г. Легко могло статья, что во всѣхъ этихъ случаахъ выступали просто отдѣльные бродячія шайки, которыхъ было немало на всемъ протяженіи Черноморскаго побережья, начиная отъ Дуная, и которыхъ готовы были пристать ко всякому ради добычи. Систематической политики онѣ, конечно, не преслѣдовали и потомъ присоединились къ Казиміру. Вообще извѣстіемъ о союзѣ Ольгерда съ татарами трудно воспользоваться для какого-нибудь опредѣленного вывода, въ виду совершенной неясности его.

Мы разсмотрѣли всѣ важнѣйшія свидѣтельства источниковъ о Подольѣ въ XIV-мъ столѣтіи. Разборъ ихъ приводить къ слѣдующимъ выводамъ:

¹⁾ Тамъ-же, стр. 297 и 319.

²⁾ По словамъ Виганда Марбургскаго подъ 1347 г. (*Script. rer. Pruss.* II, 508), „der grosz furst Olgerdus mit hulffe seines brudern Kinstandi... eine grosse macht volcks von Littawen, Reussen und *benachbarden unglaubigen* versamleten“. Ранѣе Владиславъ Іоаннѣтъ хлопоталъ о крестовомъ походѣ противъ татаръ и литовцевъ.

Какая-то лѣтопись, изъ которой черпалъ авторъ 1-й дошедшій до насъ л.-р. лѣтописи, а также Кромеръ, приписывала разбитіе татарскихъ хановъ, которымъ Подолье платило дань, Ольгерду, полководцу Витовта, и не отрицала въ тоже время болѣе раннаго покоренія Подолья Корыятовичами.

Древнійшій прямо дошедшій до насъ разсказъ о присоединеніи Подолья къ Литвѣ, занесенный въ 1ю л.-р. лѣтопись, не заключаетъ опредѣленной даты. Онъ ставить рядомъ походъ великаго князя Ольгерда на татаръ къ Синей Водѣ и занятіе Подолья Корыятовичами, но изъ него не видно, въ какой связи произошли эти события, были-ли они тѣсно взаимно обусловлены, и какъ скоро одно совершилось послѣ другаго. Что первоначально извѣстіе о побѣдѣ Ольгерда отѣлялось въ источникахъ отъ разсказа о занятіи Подолья Корыятовичами, доказываетъ между прочимъ разсказъ Кромера.

Косвенно это подтверждается извѣстіемъ Никоновской лѣтописи подъ 1362 г. Она не знаетъ завоеванія Подолья и говорить только о походѣ Литовскаго князя къ устьямъ Днѣпра. Столкновеніе съ Крымскими татарами, которыхъ, по всей вѣроятности, разбила великий князь Литовскій¹⁾, могло произойдти, какъ вслѣдствіе предварительного занятія Подолья Литвою, такъ и по инымъ причинамъ.

Неизвѣстно точно, отъ какихъ татаръ стояло Подолье въ зависимости до присоединенія его къ Литвѣ, отъ Золотой-ли Орды, отъ Крымскихъ улусовъ, или отъ Ногайевъ²⁾.

Извѣстіе Густинской лѣтописи не заслуживаетъ вовсе того вниманія, какое можно удѣлять извѣстіямъ, занесеннымъ въ поздній Никоновскій сводъ; эти послѣднія вполнѣ замѣняютъ первое, но еще нуждаются сами въ проверкѣ, потому что сомнительно, чтобы Ольгердъ могъ рѣшиться на открытую борьбу съ Золотою Ордою, въ зависимости отъ которой стоять въ то время Крымъ: съ татарами не могъ совладать даже Витовтъ, какъ то показала битва на Ворсклѣ. Въ виду того мы вслѣдъ за Бруномъ³⁾ признаемъ вѣроятнымъ отне-

¹⁾ Ср. Hanmer-Purgstall., s. 297, 303. Всѣ данные говорять въ пользу того предположенія, что были разбиты Крымскіе татары.

²⁾ Ногайцы могли кочевать къ востоку отъ Днѣстра. Брунь, Черноморье, I, 79. Въ 1421 г. Джамбулукская орда находилась, быть можетъ, у Днѣпра. Брунь, Путешествія Ивана Шильбергера, Одесса 1866, стр. 61.

³⁾ Черноморье I, 171—173.

зеніе Синеводской битвы ко времени Витовта, полководцемъ котораго былъ Ольгердъ, упоминаемый въ источникахъ¹⁾). Тожество имени этого вождя съ именемъ известнаго великаго князя могли подать поводъ приписать послѣднему дѣло, совершенное другимъ, и это было на руку литовскимъ лѣтописцамъ, желавшимъ доказать, что Подолье по всѣмъ правамъ должно было принадлежать Литвѣ.

Съ полною увѣренностью можно говорить только о занятіи Подолья Корытовичами при Ольгердѣ, но время и обстоятельства этого событія также не могутъ быть точно установлены на основаніи существующихъ свидѣтельствъ. Судя по тому, чтобъ намъ известно о Корытовичахъ, сомнительно, чтобы всѣ они принимали участіе въ занятіи и защадѣ Подолья и сидѣли тамъ постоянно: нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаемъ въ иныхъ мѣстахъ въ годы, когда Подолье было уже за-воевано.

Древнѣйшая опредѣленная дата покоренія Подолья Литвою находится во 2-й л.-р. лѣтописи.

Нельзя настаивать на полной достовѣрности ея въ виду того, что авторъ этой лѣтописи составилъ свой разсказъ примѣнительно къ 1-й л.-р. лѣтописи, но онъ могъ пользоваться такимъ спискомъ послѣдней, заключавшимъ нѣкоторыя отступленія отъ уцѣлѣвшихъ доселѣ, въ которомъ могъ быть выставленъ 1351-й годъ.

Самъ по себѣ этотъ годъ не можетъ возбуждать особыхъ со-мѣній.

Во время борьбы Литвы съ Польшей за южную Русь естественно было каждой изъ сторонъ попытаться захватить Подолье, находившееся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ галицко-волынскою Русью и могшее причисляться къ ней въ западной своей части. Изъ Луцкой земли, принадлежавшей Литвѣ съ 40-хъ годовъ XIV столѣтія, открывалась дорога на Подолье, которое было смежно. Обратимъ вниманіе на то,

¹⁾ Молчаніе объ этомъ Ольгердѣ въ послѣдующее время можетъ объясняться гибеллю его во время похода 1399 г. Замѣтимъ, что имя Ольгерда могло быть и не чисто литовскаго происхожденія, какое нѣкоторые усвояютъ ему (см. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LXVI, ст. Данилло: „Значеніе нѣкоторыхъ имёнъ литовскихъ князей и названій мѣстностей Литвы“, стр. 151). Въ концѣ XIV стол. упоминается въ исторіи Литвы *Algardus*, графъ Гогенштейнскій.

что около 1351 г. татары, обитавшие у съверо-западныхъ береговъ Чернаго моря, были ослаблены поражениемъ, которое потерпѣли отъ Мадьяръ¹⁾). Если Подолье находилось въ зависмости преимущественно отъ этихъ татаръ, то литовцы легко могли занять его въ то время. Со стороны Польши не могло быть особыхъ трудностей, потому что главнымъ полемъ борьбы были Волынь и Галицкая земля.

Всѣмъ сказаннымъ мы имѣли въ виду выдвинуть тѣ сомнѣнія, какія возникаютъ при сопоставленіи извѣстій о Подольѣ въ XIV-мъ столѣтіи, и представить соображенія, позволяющія считать еще неопровергнутою дату, выставленную во 2-й литовско-русской лѣтописи. Несостоятельности ея не доказали ни г. Стадницкій, ни В. Б. Антоновичъ.

Съ завоеваніемъ Подолья, литовско-русское государство широко раздвинуло свои предѣлы и утвердилось даже на съверо-западномъ берегу Чернаго моря до Очакова включительно. Оттуда начали оттѣснять литовцевъ турки и татары только въ концѣ XV-го столѣтія, взявъ въ августѣ 1482 г. Аккерманъ, который въ современномъ этому событию извѣстіи названъ „Ключемъ Литвы²⁾“.

III.

Покореніемъ южной Руси окончательно опредѣлились идея литовско-русскаго государства и его дальнѣйшія задачи; на западѣ Руси оно стало преслѣдовать ту же цѣль, какую на востокѣ поставила себѣ Москва, т. е. начало заботиться о собираніи русскихъ земель, и въ 1358 г. литовцы говорили императорскимъ посламъ, что вся Русь должна принадлежать Литвѣ³⁾.

Этими стремленіями литовско-русскихъ князей были обусловлены надолго послѣдующія отношенія ихъ государства къ сосѣднимъ.

До сихъ поръ главными врагами Литвы были галицко-волынскіе князья и нѣмецкій орденъ, вступившіе въ тѣсный союзъ, поддержан-

¹⁾ Stadnický, Koriat, стр. 163 и сл.

²⁾ Bibl. Ossol., poczet nowy, t. II, Lwów 1863, str. 344.

³⁾ Script. rer. Pruss. II, p. 80: „Item postulabant... quod nihil iuris ordo sibi reservaret apud Rutenos, sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere“. По словамъ 1-й л.-р лѣтописи (изд. Попова, стр. 42), Витовтъ надѣялся, что Тохтамышъ его „посадить на всей Роуской земли“.

вавшійся нѣсколькими поколѣніями¹⁾). Въ особенности былъ опасенъ Литвѣ нѣмецкій орденъ, питавшій непримиримую вражду къ ней, представлявшій значительную военную силу и отличавшійся замѣчательною военною организаціею. Весь католический западъ внимательно слѣдилъ за ходомъ борьбы и постоянно высылалъ свѣжія силы для подкрѣпленія ордена.

Въ 1-й половинѣ XIV-го стол. литовско-руssкіе князья начали и сами искать союзниковъ извѣ и нашли ихъ наиранѣе въ орденскихъ земляхъ, хорошо высмотрѣвъ слабое мѣсто противника.

Внутреннимъ врагомъ ордена была прежде всего Рига. Споры высшаго духовенства съ Орденомъ въ занятыхъ нѣмецкими рыцарями прибалтійскихъ земляхъ начались довольно рано, можно сказать — еще въ первой половинѣ XIII-го стол.²⁾, когда происходили разногласія изъ-за земель³⁾. Ливонскіе рыцари пытались освободиться изъ-подъ авторитета рижскаго епископа, но тѣмъ не менѣе, при соединеніи ордена меченосцевъ съ нѣмецкимъ, первые, въ силу папской буллы, остались подчинены верховенству епископовъ. Лифляндскіе рыцари не оставили, конечно, своихъ стремленій выйтти изъ положенія, столь отличавшагося отъ положенія ихъ прусскихъ собратовъ, а для послѣднихъ былъ также прямой интересъ достигнуть полнаго господства въ странѣ, въ которой были ихъ владѣнія. Отсюда споръ съ епископами, который проходитъ красною нитью по всей исторіи лифляндскихъ рыцарей съ конца первой половины XIII-го стол. Булла Григорія IX, помѣченная 12 мая 1237 г., пролагала дорогу безпрерывнымъ расправамъ. Свѣтская власть епископовъ была несомнѣнна съ полновластіемъ Ордена. Это ясно сказалось, когда архіепископомъ Пруссіи, Лифляндіи и Эстляндіи былъ поставленъ съ конца 1253 г. Альбертъ Суэрбеरъ. Уже въ исторіи этого архіепископа встрѣчаются намеки на связи съ язычниками, т. е.

¹⁾ Первое столкновеніе литовцевъ съ прусскими рыцарями, вопреки Петру Дусбургскому, относится къ 40-мъ годамъ XIII-го вѣка. Theiner, I, № LXXXII.

²⁾ См. Albert Suerbeer, Gesch. Darstellung von P. v. Goetze, St.-Petersb. 1854, с. 27—28.

³⁾ Ib., 40; cf. 43.—О борьбѣ ордена съ Ригою подробное изслѣдованіе см. въ книгѣ Rathlef'a: d. Verhältn. des livländ. Ordens zu den Landesbischof en u. zur Stadt Riga im 13 и 14. Jahrh. Dorpat 1875.

литовскими племенами, а равно при немъ начались столкновенія архиепископовъ съ городомъ Ригою.

Вотъ въ эти-то распри и начали вмѣшиваться болѣе или менѣе дѣятельно литовскіе князья съ начала XIV вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ они нашли и другое средство для болѣе успѣшной борьбы съ своимъ постояннымъ врагомъ—союзъ съ Польшею, мысль о которомъ возникла въ правлѣніе Гедемина.

Соперничество изъ-за земель юго-западной Руси, сдѣлавшихся яблокомъ раздора между Польшею и Литвою по смерти послѣдняго галицко-волынского князя, разрушило почти на полустолѣтіе этотъ союзъ, возобновившійся во времена Ягайла, когда результатомъ его явилось знаменитое пораженіе рыцарей при Танненбергѣ.

Какъ за юго-западъ Руси Литвѣ пришлось вести упорную борьбу съ Польшею, такъ не могли достаться ей безъ боя и центральная русскія земли. Въ половинѣ XIV-го стол. въ сѣверо-восточной Руси уже ясно выработалась идея постояннаго политическаго союза, который противополагалъ себѣ Ордѣн и Литвѣ¹⁾). Московскіе князья начали зорко и подозрительно глядѣть на завоеваніе Литвою русскихъ земель, и въ 40-хъ, даже въ тридцатыхъ годахъ XIV-го в. началось столкновеніе Москвы съ Литвою²⁾), принявшее въ XV стол. весьма острый характеръ.

Будучи окружена врагами почти со всѣхъ сторонъ, Литва не могла совладать съ ними при Ольгердѣ и должна была отказаться отъ некоторыхъ изъ своихъ притязаній, сдѣлавъ уступки Москвѣ и Польшѣ.

Непріязненно смотрѣли на захватъ русскихъ земель и усиленіе Литвы и татары, считавшіе всѣ русскія земли своимъ владѣніемъ. Татары были обезпокоены союзомъ Даниила Галицкаго съ Литвою и пытались разорвать этотъ союзъ. Они предпринимали походы на Литву уже въ XIII-мъ стол.

Такимъ образомъ, если литовско-русскіе князья успѣли въ борьбѣ со всѣми этими противниками и не только отстояли национальную са-

¹⁾ М. Ф. Влахимірська-Буданова Хрестоматія по ист. р. права вып. II, Ярославль 1873, стр. 13, прим.

²⁾ Никон. III, 162. Антоновичъ, стр. 135 – 136 и д.

мобытность, но и быстро пошли по пути усиленія своего государства, то это должно приписать не небреженіюсосѣдей, въ которомъ Длугошъ видитъ главную причину усиленія Литвы¹⁾: со всѣхъ почти сторонъ дѣлались помѣхи возникновенію и росту литовско-русскаго государства.

Въ чемъ же тайна успѣха литовско-русскихъ князей въ быстромъ созданіи ими супернаго и сильнаго государства?

Этотъ успѣхъ объясняется не только тѣмъ, что русскія земли представляли въ то время легко достававшуюся добычу, а литовское племя выказало значительную энергию, восприимчивость, но и знаменемъ, которое литовскіе князья высоко держали до конца XIV-го стол. и на которомъ была начертана равноправность, полное признаніе политическихъ и религіозныхъ правъ русскаго народа²⁾. Такимъ образомъ, въ литовско-русскомъ государствѣ было выдвинуто политическое на-

¹⁾ Длугошъ такъ разсуждаетъ о возвышении Литвы, возбуждавшемъ удивление и въ то время: „Inter septentrionales populos obsacrissimi, Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videtur ad tantam eos felicitatem, sive per finitimarum ignaviam et desidiam proiectos, ut imperent nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille veluti servile vulgus fuere“. Hist. Pol. X.

²⁾ Факты см. у В. Б. Антоновича на стр. 45—47, 82—83, 96—97. Сказанному нами противорѣчить, повидимому, занесенное въ наши лѣтописи подъ 1347 г. извѣстіе о трехъ мученикахъ, пострадавшихъ при Ольгердѣ „за православную вѣру христіанскую“ (П. С. Р. Л. V, 226; VII, 214). Сохранилось и житіе этихъ мучениковъ, вошедшее въ Макарьевскія Великія Минеи подъ 14 апрѣля. По Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 350), установленіе празднованія памяти литовскихъ мучениковъ относится къ 1355 г. Фактъ этого мученичества еще не разъясненъ критически, и, на нашъ взглядъ, истинное основаніе смерти трехъ литовскихъ мучениковъ неясно. Повидимому въ разсказѣ о мученичествѣ ихъ вошло нѣсколько общихъ мѣстъ житій. Объ этомъ событии см. въ ст. Елагина: „Первые христіанские мученики въ Литвѣ“ (Ж. М. Н. Пр., ч. XXXVIII (1843), отд. II, стр. 118 и д.); далѣе у Стадницкаго, Olgierd i Kiejstut стр. 10 и 120—121, у Кояловича, Литовская церковная унія, прим. 16, у Нарбутта: Pominiejsze pisma historyczne, Wilno 1856, стр. 85—89, и у Смирнова Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею, Одесса 1868, стр. 6—7 и 153.

чало, обеспечивавшее прочность разнородного государства несмотря на его разносоставность.

Въ Литовской Руси не было явления, обычного въ государствахъ, возникшихъ путемъ завоевания, не было преобладания одной национальности надъ другою, одного класса общества надъ остальными. На первыхъ порахъ литовское завоевание мало измѣнило общественный строй русскихъ земель.

Связь обѣихъ народностей постепенно крѣпла. Много значило то, что коренная Литва находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ крестоносцами, борьба съ которыми ослабляла численно литовское племя. Коренная Литва была скучно населена. Сама по себѣ она не могла существовать, не потерявъ независимости: ей необходимо было привинуть къ другой народности. Обстоятельства указали Литвѣ на союзъ съ русскимъ племенемъ, который былъ для нея весьма благотворенъ.

Съ другой стороны, для русского люда была весьма важна независимость литовско-русскихъ земель отъ татаръ, къ которымъ русские питали отвращеніе и которымъ литовцы сразу не поддались. Отъ татаръ литовцы потерпѣли чувствительное пораженіе, когда собрали уже большую часть западно-русскихъ земель. Литовское владычество обеспечивало жителямъ безопасность и сравнительно свободное существование, и естественно, что сочувствіе русскихъ склонялось болѣе на сторону Литвы, подъ власть которой они охотно переходили, разставаясь съ домомъ Владимира I. Въ половинѣ XIII-го в. Псковъ принялъ съ радостью Довмонта, а Полоцкъ — Товтивила.

Въ силу сочувствія русскихъ, литовскіе князья могли спокойно владѣть русскими землями и извлекать изъ нихъ военные силы, между проч. — и для новыхъ завоеваній на русской территории, гдѣ, впрочемъ, литовцы почти не встрѣчали упорного сопротивленія. Такъ, во Владимірской и Луцкой земляхъ мы не видимъ возстаній мѣстного населенія противъ литовцевъ. Есть указанія на то, что и въ Галицкой землѣ, отошедшей къ Польшѣ, были сторонники Литвы.

Не лишено было тѣжѣ значенія то обстоятельство, что въ критический моментъ рѣшительного созиданія литовско-русского государства внутреннія междуусобія (при Гедеминѣ и его сыновьяхъ) мало воспрепятствовали преслѣдованию цѣлей внешней политики.

Н. Дашикевичъ.

(Прод. съмѣщается).

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, условія его возникновенія и причины упадка *).

Несомнѣнно, что русская политическая система сразу оказывала вліяніе на организацію завоеванныхъ литовцами земель, какъ вообще строй литовского государства находился вначалѣ подъ сильнымъ вліяніемъ и былъ отраженіемъ русского уклада. Войшелъ княжилъ въ Новгородскій Литовскомъ при жизни своего отца Миндове. Были при Миндове и другіе подручные князья, большею частію его родственники. Миндове старался сосредоточить княжеское достоинство въ рукахъ своего рода и изъ другихъ линій оставилъ въ покой только тѣхъ князьковъ, съ которыми породнился. Въ послѣдующее время иногда встрѣчаются упоминанія о князьяхъ-братьяхъ. Галицко-волынская лѣтопись сообщила о братьяхъ Тройдена; она же говоритъ о братьяхъ Бурдикидѣ и Будивидѣ. Ясно, что земли, достававшіяся извѣстной княжеской линіи, дѣлились между членами ея.

При Гедеминѣ произошло окончательное сосредоточеніе литовско-русскихъ земель въ рукахъ одного рода, и его преемники съ негодованіемъ смотрѣли на попытки возвышенія въ княжеское достоинство постороннихъ людей. Вспомнимъ поступокъ Ольгерда съ Латышомъ, которого возвставшіе провозгласили княземъ: Ольгердъ велѣлъ убить его несмотря на то, что въ интересѣ Ольгерда было поддержать восстаніе противъ нѣмцевъ.

^{*}) См. Унів. Изв. 1882 г., №№ 3, 5, 8, 9, 10.

Родовая связь Гедеминовичей ясно сказывается въ политическихъ сношенияхъ ихъ съ окружавшими ихъ государствами. Договоры заключались отъ имени нѣсколькихъ важнѣйшихъ князей¹⁾.

Какъ известно, на Руси такая политическая система привела къ ослабленію государственной крѣпости, вслѣдствіе чего Русь и не устояла противъ напора татаръ и литвы. Но въ Литвѣ на первыхъ порахъ подобный строй скрѣплялъ связь отдѣльныхъ земель, которая безъ того могли бы тяготѣть къ нѣсколькимъ центрамъ. Послѣ смерти Гедемина возникаетъ на время междоусобіе, но оно быстро оканчивается, и затѣмъ въ теченіе тридцатилѣтія въ литовско-русскомъ государствѣ не было раздоровъ, если не придавать значенія неудовольствію нѣсколькихъ мелкихъ князей²⁾. Послѣ периода смуты Витовтъ вновь успѣль доставить первенствующее не на словахъ только, но и на дѣлѣ значеніе власти великаго князя. Центральная власть съ той поры прочно утвердилась въ Литвѣ; все менѣе и менѣе могли помышлять теперь о соперничествѣ другіе князья. Важнѣйшимъ явленіемъ княженія Витовта было постепенное сосредоточеніе литовско-русскихъ земель. Къ концу правленія его остались удѣлы, сравнительно незначительные по объему.

Много значилъ въ дѣлѣ укрѣпленія литовско-русского государства и централизаціи институтъ великокняжеской власти, съ которой соединялось старшинство. Этотъ институтъ былъ заимствованъ литовцами также у русскихъ. Правда уже самъ этотъ титулъ указываетъ на существование рядомъ съ лицомъ, которому онъ усвоился, второстепенныхъ удѣльныхъ князей, и ихъ, дѣйствительно, было очень много въ литовско-русскомъ государствѣ. Но многіе роды бѣднѣли и мельчали безъ всякаго вліянія великокняжескаго абсолютизма, котораго, впрочемъ, строго говоря, и не было въ Литвѣ. Уменьшеніе значенія ихъ совер-

¹⁾ См., напр., договорную грамоту литовско-русскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ, или грамоту Кейстута 1358 г., подтвердившую разграничение его земель съ Мазовією. Кейстутъ упоминается о согласіи Ольгерда, *Supremi principis Litvanorum*, и другихъ *старшихъ* князей Литвы.

²⁾ Со второй половины XIV-го стол. удѣльные князья нерѣдко бѣгали и къ нѣмцамъ. Андрей Полоцкій искалъ опоры противъ Ягайло у Инфлянцкихъ нѣмцевъ. Съ той поры нѣмцы постоянно поддерживали враговъ великаго князя литовскихъ.

палось естественнымъ порядкомъ¹⁾. Нѣкоторыя видныя линіи были мышленно затерты, какъ, напр., Олельковичи (потомки Михаила Олельковича). Вообще великие князья Казимиръ, Александръ, сильно побаивались родныхъ и официально не называли ихъ таковыми. Тѣмъ же менѣе, въ Литвѣ постоянно было немало крупныхъ князей. Нѣкоторые только временно надѣлялись известными городами или областями, другіе-же роды получали постоянное подтвержденіе отъ великихъ князей на владѣнія, и князья этихъ линій успѣвали стать отчичами; такъ было, напр., съ князьями Мстиславскими, удерживавшими Мстиславль²⁾. Острожские князья пользовались своими землями на правахъ потомствен-наго и вѣчнаго владѣнія. На такихъ же условіяхъ была дана Подольская земля Спытку Мельштынскому. Наслѣдственность владѣнія областями и городами въ Литвѣ утвердилась преимущественно подъ вліяніемъ Польши и ея строя. Это была своеобразная черта литовско-русского строя. Второстепенные князья сохранили видное значеніе въ Литвѣ во все время отдѣльнаго ея существованія, а потому и въ періодъ соединенія ея съ Польшей. Не такъ было въ восточной Руси, и это отталкивало отъ нея нѣкоторыхъ литовско-русскихъ князей наравнѣ съ деспотиз-момъ великаго князя Московскаго. Владѣя огромными вотчинами, нѣкоторые изъ второстепенныхъ литовско-русскихъ князей занимали зна-

¹⁾ Писатель начала XVI-го стол. говоритъ: „Въ Литвѣ есть значительное количество князей, до того умножившееся отъ разростанія родовъ, что большей части ихъ для пропитанія едва хватаетъ имѣній, которыхъ были велики для ихъ предковъ. Оттого они состоять въ боярствѣ и не имѣютъ первенствующаго значенія въ Литвѣ, но повинуются власти великаго князя Литовскаго наравнѣ съ прочими знатными и вассалами. Хотя они бѣдны, но удерживаются отъ древнаго рода имя и титулъ князей.“ Станиславъ Горскій въ Acta Tomiciana, ed. Działyński, t. I, p. 15. Такіе князья назывались служилыми. См. напр., грамоту Ягайла Скиргайлу 1387 г.

²⁾ *Duces Lithuaniae et Russie* пользовались обыкновенно „pleno iure ducale“, но должны были „pro tempore, dum requisiti fuerint, servire“ и быть готовы къ тому постоянно. Документъ 1395 г. въ „Cod. ep Vit.“, N CXV, p. 39. Принципъ отчина до известной степени выдвигался и въ Литовско-русскомъ государствѣ: на него ссылался, напр., Витовтъ. *Ibid*, App., N 5, p. 960.

чительное положение въ государствѣ и пользовались главными должностями. Вообще второстепенные князья, удерживая титулъ, снизошли до роли участниковъ рады великаго князя, въ которой получили мѣсто нѣкоторые крупные бояре, а также епископы¹⁾. Аристократизмъ литовскаго государственного строя не приводилъ къ полному угнетенію другихъ классовъ общества, какъ было въ Польшѣ. Равнымъ образомъ, второстепенные князья не въ состояніи были ослабить власть великаго князя, которая была гораздо шире власти древне-руссаго великаго князя. Въ обычай было „братии вси послушну быти князя великаго“²⁾.

Повидимому, великокняжеская власть существовала въ Литвѣ непрерывно со времени Миндовъ³⁾. В. Б. Антоновичъ полагаетъ, что по смерти Гедемина, въ промежутокъ времени съ 1341 по 1345 г. „никто изъ наследниковъ Гедемина не пользовался старшинствомъ и достоинствомъ великаго князя, пока два самые сильные и даровитые изъ сыновей Гедемина—Ольгердъ и Кейстутъ, не вступили въ соглашеніе съ цѣлью прекратить неопределенный, возникшій, за смертью отца, порядокъ, угрожавшій разложеніемъ образовавшемуся при немъ государству и ослаблявшій силы послѣдняго въ виду угрожавшей со стороны крестоносцевъ рѣшительной опасности“ (стр. 89). Вопросъ объ этомъ весьма интересенъ для выясненія строя литовско-русскаго государства, и В. Б. Антоновичъ справедливо оцѣнилъ его важность, посвятивъ ему обстоятельное изслѣдованіе. Въ виду указанныхъ В. Б. Антоновичемъ (стр. 89—93) въ подтвержденіе высказанной имъ до-

¹⁾ См. жалованную грамоту Любарта Луцкой соборной церкви и епископу Кириллу 1372 г. Литовская рада возникла вслѣдствіе феодального строя: при феодальныхъ порядкахъ вождь совѣтвался со своими вассалами во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ. Объ Ягайлѣ говорится, что предъ посольствомъ въ Польшу онъ „свѣтъ створилъ со мтрю своею великою княгинею Оульянною а з братею своею и совсими кнзми и бояры литовския земли“. 1-я л.-р. лѣт. 34. Вліяніе литовскихъ крупныхъ вельможъ на дѣла усилилось съ конца XIV-го столѣтія. Тогда вошло, повидимому, въ обычай скрѣпленіе трактатовъ печатями не только великаго князя, но и важнѣйшихъ бояръ. См., напр., трактатъ Витовта съ крестоносцами 1398 г.

²⁾ 1-я л.-р. лѣт., изд. Попова, стр. 28.

³⁾ По словамъ Длугоша (lib. VII, p. 772), Stroinath—Mendolpho occiso-sumptam regum et maiorem apud Lithuanos principatum paruerat.—Целюза, противникъ Витена и Гедемина, носилъ титулъ великаго князя.

гадки фактовъ можно признать, что Явнутій, велиокняжеское достоинство котораго въ этотъ періодъ отрицаетъ г. Антоновичъ, не пользовался авторитетомъ, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не носилъ и титула великаго князя, на который сохранилось указание, не могущее возбуждать никакого сомнінія, въ документѣ, который имѣлъ въ виду въ другихъ мѣстахъ и авторъ¹⁾. Въ данномъ случаѣ В. Б. Антоновичъ напрасно говорить, что единственнымъ фактическимъ доказательствомъ старшинства Явнутыя считается договоръ литовскихъ князей съ Казиміромъ (стр. 88).

Въ наслѣдованіи велиокняжеской власти, какое установилось въ литовско-русскихъ земляхъ, замѣчаемъ отличие, не оставшееся безъ вліянія на ходъ событий. Хотя, слѣдя русскому образцу, литовские князья пытались иногда провести принципъ родового старшинства (какъ, напр., Кейстутъ по отношению къ Ольгерду), но этотъ принципъ былъ постоянно нарушаемъ²⁾ и въ концѣ рѣшительно потерялъ значеніе³⁾.

¹⁾ Рассказъ о спорѣ Витовта съ Ягайломъ, составленный между 1390 и 1393 гг., начинается слѣдующей исторіей: „Das erste do vnszs faters fater verloren wart unsz Elderfater, do gap her vff syne stad czu herschen die grosse herschafft czu der Wille, Jawnuten, vnd Jagaln fatir Algarden d herschafft (не говорится *di grosse herschafft*) czu Witawis (Witepsk) und minem fatir herczoge Kinstutte czu Traken; und als vnsz feter herczog Algart und herczog Kinstut von jogunt haben sy begunst czu leben fruntlich, nu dirsagen si jn von herczoge Jawnuten eczliche vnrechte; und si vorsprochen sich vor eyn, herczoge Algart mit unszm fater herczoge Kinstutten, das sy mit ichtie mochten di Wille besitzzen und Jawnuten usczaatriben...“ Script rer. Pruss. II, 712. Толковать „die grosse herschafft“ въ смыслѣ столицы невозможно: назначивъ Явнутію столицу, Гедеминъ, безъ сомнінія предоставилъ ему и званіе великаго князя; въ противномъ случаѣ для чего братья признали нужнымъ выгнать Явнутія изъ Вильны?

²⁾ Такъ, Гедеминъ поставилъ великимъ княземъ своего младшаго сына; послѣ Ольгерда велиокняжескій столъ занялъ Ягайло.

³⁾ Интересно, что въ XIV стол. одновременно нѣсколько князей усвивали себѣ титулъ великаго князя, хотя признавали верховную власть одного. Такъ, въ грамотахъ встрѣчаемъ: „Асе. Язъ великий князь. Андрей Шолоцкой....“ или: „Се Язъ князъ великий Анофрей...“

Політический строй литовскихъ земель подпалъ русскому вліянію и въ другихъ отношеніяхъ. Русские термины продолжали держаться и вошли въ употребленіе даже въ коренной Литвѣ. Такъ, нѣмецкія лѣтописи называютъ постоянно высшую княжескую дружину и лицъ, близайшихъ къ князю, боярами¹⁾, а простой народъ Smirdens, т. е. смердами. Удерживалась идея земли, и долго еще были возможны случаи совмѣстного ходатайства отъ всѣхъ сословій²⁾, чего не было въ періодъ соединенія съ Польшею. Русскія земли, подпавшія власти Литвы, продолжали называться Русью³⁾ и постоянно различались въ актахъ отъ коренныхъ литовскихъ земель.

Вообще вліяніе русскихъ началъ и культуры сказывалось повсюду въ литовско-русскомъ государствѣ и пролагало дорогу взаимному сближенію обѣихъ народностей и выработкѣ прочнаго государственного организма.

В. Б. Антоновичъ обращаетъ мало вниманія на вліяніе одной національности на другую, не выясняетъ результатовъ, какими обнаруживалось въ строѣ общественной жизни сожительство обѣихъ національностей, не говоритъ подробно о „попыткахъ къ сближенію“ (стр. 3). По всей вѣроятности, онъ займется этимъ въ слѣдующемъ выпускѣ. Въ настоящемъ выпускѣ, касаясь отношений русскихъ и литовцевъ, В. Б. Антоновичъ останавливается лишь на „борьбѣ двухъ началъ, этнографическихъ и бытовыхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества литовскаго“ (стр. 3). Въ этой борьбѣ авторъ видѣтъ причину слабости великаго княжества литовскаго. По его мнѣнію, „два національныхъ начала, сливаясь виѣшнимъ образомъ, не имѣли времени для того, чтобы взаимно уразумѣть въ достаточной степени бытовыя, сложившіяся у каждого изъ нихъ, формы, чтобы взаимно пополнить положительными качествами каждого изъ нихъ слабыя стороны своего

¹⁾ Слово *bajbras* удержалось и до настоящаго времени въ литовскомъ языке для обозначенія богатаго шляхтича.

²⁾ См., напр., жалованную подтверждительную грамоту Сигизмунда I Витебскую 18 февраля 1509 г. Какъ на прилагательномъ представительства земли, можно указать на трактатъ Жиуди съ нѣмецкимъ орденомъ, относящійся въ 1590 г.

³⁾ См., напр., Script. rer. Pruss. II, 527 подъ 1361 г.

развитія и чтобы слиться, такимъ образомъ, въ одно органическое тѣло. Связь между ними остается внѣшнею, вызванною, почти исключительно, политическими обстоятельствами и отношеніями.... Первое время существованія этого государства, съ начала XIV до половины XV столѣтія — время полной самостоятельности, быстраго роста и самаго большаго проявленія внѣшней силы и могущества великаго княжества литовскаго, представляеть въ отношеніи исторіи внутренней его организаціи: при болѣе даровитыхъ правителяхъ—рядъ попытокъ не доконченныхъ, и потому неудачныхъ, къ сплоченію посредствомъ государственной власти разнородныхъ элементовъ, связанныхъ внѣшними условіями; при правителяхъ же менѣе даровитыхъ, болѣе субъективныхъ, или болѣе слабыхъ,—рядъ вспышекъ интензивной внутренней борьбы, которая наконецъ разрѣшается совершеннымъ ослабленіемъ обѣихъ боровшихся сторонъ, сознаніемъ взаимнаго бессилія, апатію и обращеніемъ къ постороннему вмѣшательству, навязавшему обѣимъ сторонамъ чуждыя для нихъ бытовыя формы" (стр. 2). Въ этихъ словахъ выражена идея, проходящая черезъ весь трудъ. Мы видѣли, что В. Б. Антоновичъ ищетъ замѣтнаго проявленія борьбы обѣихъ народностей, русской и литовской, въ сферѣ политическихъ отношеній уже въ XIII столѣтіи.

Въ приведенныхъ словахъ въ высшей степени мѣтко указанъ существенный мотивъ литовско-русской исторіи—борьба народныхъ стихій въ великомъ княжествѣ литовскомъ; конечно, въ ней главный интересъ его исторіи, но только не съ начала XIV стол., а съ конца этого вѣка. Въ противномъ случаѣ, было бы невозможно образование этого государства. До конца XIV-го стол. не видно, чтобы различіе бытовыхъ началъ приводило къ политической розни, къ борьбѣ; напротивъ, Литва подпадала въ значительной степени вліянію русской культуры. Разумѣется, полнаго сліянія еще не было, происходила только подготовка къ нему; но вѣдь и при польскомъ владычествѣ массы не слились, а только ополячились дворянство, какъ прежде сливалось съ русскимъ началомъ. Нельзя сказать, чтобы связь обѣихъ народностей была лишь *внѣшняя*. Вся бѣда была въ томъ, что естественное развитіе литовско-русского государства было нарушено съ конца XIV-го вѣка вторженіемъ нового элемента, вошедшаго клиномъ въ стволъ дерева, которое начало-было разростаться, и уже съ того времени Литва начала терять самостоятельность, а вмѣстѣ и прежнюю силу.

Желая обосновать эти замѣчанія, мы позволимъ себѣ разсмотрѣть
вкороткѣ главныя направленія послѣдующей исторіи литовско-руссскаго
государства, хотя будемъ лишены цѣннаго пособія, какимъ былъ для
насъ до сихъ поръ трудъ г. Антоновича, оканчивающійся смертью
Ольгерда.

Н. Дашкевичъ

(*Окончаніе следуетъ*).